

Н О В Ы Й
Ж У Р Н А Л Ъ
Д Л Я В С Ъ Э С Ъ .

ПЕТРОГРАДЪ.

№ 5.

МАЙ 1915.

СТИХИ: Натанъ Венгровъ, Н. Гумилевъ, Рюрикъ Ивневъ, С. Бартъ, Антоиъ Сажневъ, Михаилъ Сандомирскій, Марія Моравская, Т. Кладо, Сергій Есеннитъ, А. Добровольскій		ЖОРЖЪ РОНИ.—Битва	24
ЮРИЙ СЛЕЗКИНЪ.—Легенды о Христѣ	3	Н. КЛАДО.—Очерки мировой войны	35
ГРАДЪ АРЕЛЬСКИЙ.—Тайво Куоханенъ	5	Н. ФИРСОВЪ.—Петръ I Великій, Московскій Царь и Императоръ Всероссийскій	46
ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ.—Террабленое дитя	7	ДМИТРИЙ МИТРОХИНЪ.—Рисунки В. Д. Замирайло	54
М. ПЛОТНИКОВЪ.—Щуягуръ	13	АНТОНЪ АМНУЭЛЬ.—Смыль народа	55
В. ВЕРХОУСТИНСКИЙ.—Чудеса Великаго Альбрехта	18	Г. ГЕЙНРИХСЪ.—Наши лечебныя мѣстности	59
	21	НАУЧНАЯ СМѢСЬ	60
		БИБЛИОГРАФІЯ	61
		РИСУНКИ—В. Д. ЗАМИРАЙЛО.	
		ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Южскій номеръ будетъ иллюстрированъ работами французскихъ рисовальщиковъ.

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Анна Ахматова, Грааль Арельскій, Л. Андрусовъ, Людмила Ануфриева, С. Ауслендеръ, С. Бахлановъ, Александръ Блокъ, А. Боане, А. Богдановъ, Николай Бруни, проф. В. А. Вагнеръ, Натанъ Венгровъ, Борисъ Верхоустинскій, Г. Вяткинъ, М. Ге, пр.-доц. И. И. Гливленко, Е. Голицынская, Максимъ Горькій, Сергій Городецкій, Н. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, А. Добровольскій, Борисъ Зайцевъ, Георгій Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, С. К. Исаковъ, Г. Кваша, проф. Н. Л. Кладо, Т. Кладо, А. А. Кондратьевъ, Ел. Кохановскій, В. Курдюмовъ, К. Кравцовъ, В. Красновъ, М. Кузминъ, А. Липецкій, Артуръ Лурье, О. Мандельштамъ, О. Миртовъ, М. Моравская, Н. Накатовъ, К. Одинцовъ, О. Л. д'Орь, Н. Оцупъ, А. Петричъ, проф. В. Д. Плетневъ, Н. Н. Пуинъ, С. Рафаловичъ, А. Ремизовъ, А. Свирскій, Юрій Слезкинъ, П. Соловьева (Allegro), М. Струве, М. В. Федуловъ, проф. Н. Фирсовъ, А. А. Фридманъ, П. Черкасскій, Е. Эвардъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ: Натанъ Альтманъ, Леазъ Бруни, В. Д. Замирайло, Л. Квятковскій, В. Кунсъ, П. И. Львовъ, В. А. Милашевскій, Д. И. Митрохинъ, П. Митурничъ, худ.-фот. А. Н. Павловичъ, Н. Пинѣгилъ, проф. Н. С. Самокишъ, Н. Тырса, Н. П. Ясиновскій и др.

Тарифъ объявленій

ВЪ „НОВОМЪ ЖУРНАЛѢ ДЛЯ ВСѢХЪ“.

Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.

1/1 страница	60 руб.	100 руб.	120 руб.
1/2 ”	35 ”	55 ”	65 ”
1/4 ”	20 ”	30 ”	35 ”

Строка непарели: Послѣ текста. 2 и 3-я стр. обложки. 4-ая стр. обложки.
50 коп. 60 коп. 80 коп.

Приложенія въсомъ до 1-го лота 10 руб. съ тысячи, за каждый послѣдующій лотъ по 2 р. 50 к. за каждый лотъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

при конторѣ журнала

„НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Петроградъ, Эргелевъ пер., 3. Телефонъ 107-88.

Книжный складъ выполняетъ заказы на всевозможныя книги по различнымъ отраслямъ. Пересылка по стоимости почтоваго тарифа за счетъ заказчика. При заказахъ, превышающихъ 10 руб., слѣдуетъ переводить или полностью всю причитающуюся сумму, или задатокъ въ размѣрѣ 1/3 стоимости. При высылкѣ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается 20 коп. дополнительныхъ.

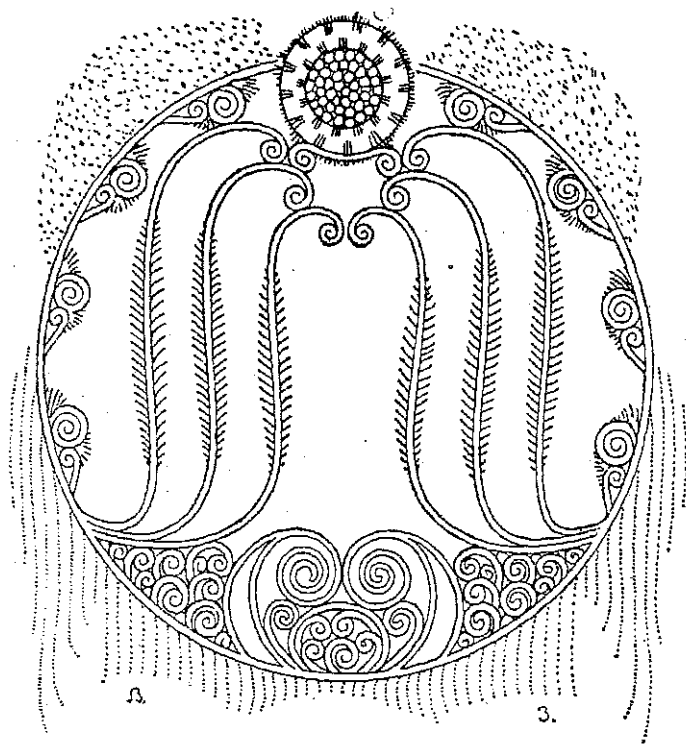
НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ для всѣхъ

1915 г.

МАЙ

№ 5

С Т И Ж И

УЛИЦА.

Хрипѣли моторы. Волновались панели,
полныя обычной вечерней суеты.
Торопились. Спѣшили. Толкались безъ цѣли.
Расцвѣтали и гибли быстрые цвѣты.
Трамваи пронзительно пѣли.
... Улица кричала. Рваные крики
вонзались въ небо, какъ всегда, какъ вчера.
Только у проѣзжающихъ колыхались пики
да спереди взрывалось и падало „ура“.
Да плотнѣе были сдвинуты на лицахъ брови.
Крѣпче другъ къ другу прижимались дома.
Да все непрогляднѣе, гуще, суровѣй
надъ фонарями свисала тьма.
И было въ обычномъ все необычайно.
Близко запомнились пальцы чьей то руки.
На перекресткахъ, у ресторановъ, у чайныхъ
мальчишки, крича, продавали листки:
— Телеграммы. Телеграммы.
Страшно кому то.
На экранъ улицы, съ неба упрямо
падали минуты.

Натанъ Венеровъ.

ЖАЛОВЫ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

Словно вѣтеръ страны счастливой
Носятся жалобы влюбленныхъ,
Какъ колосья созрѣвшей нивы
Клонятся головы непреклонныхъ.

Запѣваетъ арабъ въ пустынѣ:
— Душу мнѣ вырвали изъ тѣла...
Плачетъ грекъ надъ пустыней синей:
— Чайкой въ душу ты мнѣ влетѣла.

Ахъ, любовь—искуснѣйшій регентъ,
Кто еще можетъ пѣть такія
О печали, о жадной нѣгѣ
Празднично-шумныя литургіи?!

Зовъ одинъ, отъ края до края,
Шире, шире все и чудеснѣй,
Угадали ль вы, дорогая,
Въ этой безсвязной и бѣдной пѣснѣ?

Дорогая съ улыбкой лѣтней,
Съ узкими слабыми руками
И какъ медь двухтысячелѣтній
Черными душными волосами.

Н. Гумилевъ.

НОЧЬ. ГОРОДЪ.

Зубами цѣпкихъ фразъ
печатались рекламы
въ опухшемъ небѣ. Глазъ
на ратушѣ упрямо
хрипѣлъ фальшивый гаммой:
Разъ. Два. Разъ.

Метались провода
все тише, все бесплоднѣй...
Всегда. Всегда. Всегда,
И завтра. И сегодня...

Лизала сходни
черная вода.

И ночь не знала сна.
Скрипѣли гдѣ-то снасти.
Зѣвала заревомъ несътой пасти
Надъ городомъ война.

Натанъ Венеровъ.

* * *

Снова тревожно и горько
Бьется глупое сердце,
Неужели любовь моя снова
Стала слѣпой и больной?

Молча смотрю на закатный,
Розовый небосклонъ.
Какъ утомительно горько
Жизнь повторяетъ себя!

Рюрика Иванова.

* * *

Былъ грустенъ дня осенній склонъ,
И ночь была какъ ледъ.
Я задремалъ подъ перезвонъ,
Струившійся съ высотъ.

Но гласъ небесъ былъ зовъ могиль,
Стѣснилась хладомъ грудь.—
И снилось мнѣ, что я свершилъ
Послѣдній въ жизни путь.

С. Барта.

ИЗЪ ЦИКЛА „БУДДІЙСКІЯ НОЧИ“.

Священный часъ, и кружатъ звѣздно Луны
И яснять Храмъ.
Иду шептать мечтательныя руны
Твоимъ ночамъ.

Ты погруженъ и чуть полуоткрыты
Рѣсницы вѣкъ—
Узнаю я, какія тайны скрыты
За синью рѣкъ.

Безмолвенъ я, и вложено въ ладони
Лицо мсе,
И мчатъ меня серебряные кони
Въ Небытіе.

Антоній Сычевъ.

ИЗЪ „МАСКАРАДНОЙ КОМЕДИИ“.

... Моя любовь не знаетъ лѣтъ,
Когда люблю—мой спитъ разсудокъ
И мнѣ осенній златоцвѣтъ
Милѣ майскихъ незабудокъ.

Вы мнѣ сказали дважды—„Нѣтъ!“
Но Вашъ отвѣтъ звучитъ лукаво...
Мнѣ двадцать три, и я поэтъ,
И на любовь имѣю право.

Пускай упрямя, всегда ревнивъ,
И вѣтренъ пусть всегда къ тому же—
Я жизнь люблю, какъ яркій миеъ,
Какъ тонкое сплетенье кружевъ.

Мой златоцвѣтъ, скажите—„Да!“
Пусть за меня стихи попросятъ!..
Мнѣ двадцать три, что за бѣда,
Что вамъ сегодня двадцать восемь?

Михаилъ Сандолжскій.

* * *

Я куплю сѣмянь, я поѣю ромашку.
На этотъ разъ она взойдетъ!
Словно ѣдкій недугъ, долгій и тяжкій,
Вся тоска изъ сердца уйдетъ...

Солнце, солнце свѣтитъ въ окошко,
Только дали въ сизой мглѣ...
Даже у мухи радужныя ножки,
У первой мухи на стеклѣ.

Мы выставимъ рамы, окна откроемъ,
Улыбнемся лужамъ, такимъ голубымъ...
Мы будемъ рады воробьинымъ стаямъ,
Сѣрымъ, веселымъ, роднымъ.

Марія Моравская.

ВЕСЕННЕЕ.

Бродила по вязкой пашнѣ,
Спускала ручьи подъ гору.
Какъ мнѣ знакомо всегдашнее:
„Вѣдь это дѣвчкѣ впору“.

Сегодня вернулась въ городъ,
Высокую, скучную клѣтку.
Привезла съ собой цѣлый ворохъ
Ольховыхъ, березовыхъ вѣтокъ.

Вотъ и все,—и веснѣ конецъ,
Завтра будни, праздникъ прошель.
Только будетъ ворчать отецъ,
Что сережки пылятъ на столъ.

Т. Кладо.

* * *

Я люблю тебя, родина кроткая,
А за что—разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
Съ громкой пѣсней весной на лугу.

Я люблю надъ покосной стоянкою
Слушать вечеромъ гудъ комаровъ,
А какъ гаркнуть ребята тальянкою,
Выйдутъ дѣвки плясать у костровъ.

Загорятся, какъ черна смородина,
Угли-очи въ подковахъ бровей.
Ой ты Русь моя, милая родина,
Сладкій отдыхъ въ шелку купырей!.

Сергій Есенинъ.

ВОСПОМИНАНИЕ О МОСКВѢ.

Юрью Бочарову.

Снова тоской воспоминаній я боленъ,
Снова, какъ блудный сынъ, я возвращаюсь къ
вамъ,

Въ золотѣ фіолетовыхъ и розовыхъ колоколенъ,
Меня встрѣчающая, дорогая Москва.

Быть послѣднимъ метельщикомъ вашихъ улицъ,
Считать и видѣть пестрыхъ домовъ вашихъ нить,
О только бы возвратились, только бы ко мнѣ
вернулись

Моего дѣтства счастливые дни!...

Дни беззаботнаго маленькаго школьника,
Чтобы, горечи жизни еще не понимая,
Весело на трамваѣ по дорогѣ къ Сокольникамъ
Ѣхать вмѣстѣ со всѣми перваго мая.

Петроградъ, 1915 г.

А. Добровольскій.

Легенды о Христѣ.

Юрія Слезкина.

І. Роза.

Было это тогда, когда Иисусъ шелъ со своими учениками въ Иерусалимъ ко дню пасхи.

Долго шли они, но казалось, не утомлялся Христосъ, и кроткая умиротворенная улыбка играла на Его губахъ.

Много притчъ—трогательныхъ и нѣжныхъ—разсказалъ Онъ своимъ ученикамъ, но никто не сумѣлъ записать ихъ, такъ непередаваемы были онѣ въ своей сладостной печали. Къ вечеру одного дня недалеко отъ Иерусалима нашли путники одинокій домъ и зашли отдохнуть.

Розовыя тѣни падали на исхудалое лицо Учителя, и послѣдніе лучи солнца играли въ Его глазахъ.

Медленно шелъ Христосъ по тропинкѣ сада, окружавшаго домъ, и медленно, усталой походкой, слѣдовали за нимъ въ молчаніи ученики Его. Они были голодны и хотѣли спать, и не трогала ихъ красота угасающаго вечера. Для Христа же пришелъ часъ Его молитвы.

Тихо шептали что-то Его губы, и шопотомъ отвѣчали Ему темныя листья оливъ, тонкимъ запахомъ кадили Ему засыпающіе цвѣты.

Сизой дымкой застигались вечернія дали, и капли слезъ въ глазахъ Учителя были такъ же кристально-чисты, какъ жемчужныя росинки въ чашечкахъ лилій.

Но внезапно Христосъ остановился. Передъ нимъ у конца тропинки раскинулся скромный кустъ горной вьющейся розы—и алые, душистые цвѣты ея, хранимые острыми шипами, посылали и свое прости уходящему дню. Непонятной радостью зажегся взглядъ Учителя, Онъ быстро протянулъ руку къ кусту съ розами.

Ученики не успѣли предупредить Его, чтобы былъ Онъ остороженъ, и укоризненно, съ соболѣзнованіемъ, закачали головами, когда въ рукѣ Христа увидали алую розу, а съ пальцевъ, оцарапанныхъ шипами, упало нѣсколько капель алой крови.

Но Учитель, казалось, не чувствовалъ боли, въ молодой радости прижимая къ устамъ сорванный цвѣтокъ.

Онъ цѣловалъ его.

Тогда подошелъ къ нему Петръ и сказалъ: — Учитель, эта роза поранила Твои руки потому, что не знаетъ, кто Ты... Но прикажи намъ и мы вырвемъ ее съ корнемъ и бросимъ въ яму для нечистотъ. Не цѣлуй ее...

Но Христосъ только тихо покачалъ головой и улыбнулся, не отрывая губъ своихъ отъ цвѣтка. И тогда подступилъ Іаковъ.

— Учитель — съ любовью молвилъ онъ: — хочешь—я сорву всѣ шипы съ этого куста, и ты будешь наслаждаться запахомъ его цвѣтовъ, не причиняя себѣ боли.

Иисусъ же поднялъ голову, и глаза Его устремились на догорающую полосу зари: никогда еще не видали ученики въ лицѣ Учителя такого взгляда. Пресвѣтлый восторгъ, озаренный страданьемъ, мерцалъ въ Его глазахъ.

И помолчавъ мгновенье, Онъ сказалъ:

— Этотъ цвѣтокъ—путь моей жизни... Кто насладится душистыми лепестками его, не испытавъ боли? Кто войдетъ со Мной въ Царство Небесное, не изранивъ сердца своего?

Истинно говорю вамъ—скоро придетъ то время, когда обретете вы счастье свое черезъ страданіе, ибо, омывши въ немъ души свои, познаете блаженство.

II. Вѣра человѣческая.

Ко многимъ ученикамъ и вѣрующимъ являлся Христосъ послѣ воскресенія своего. Всюду встрѣчали Учителя со слезами и радостно, но съ душой смущенной и боязливымъ сердцемъ.

И только одинъ Тома дерзнулъ прикоснуться къ зияющимъ ранамъ Воскресшаго и, осязавъ живое тѣло, увѣровалъ истинно.

Другіе же не рѣшались дотронуться до Него, боясь смутить души свои призракомъ. Грустно было Иисусу, пришедшему въ славѣ и духѣ. Часто, ночью порой, скользилъ Онъ по спящимъ улицамъ города, прислушивался къ сонному дыханію людей, къ ихъ шопоту и вздохамъ. Дыханіе ихъ было зловонно отъ пищи, которую они ѣли, шопотъ ихъ былъ мольбою о хлѣбѣ, а вздохи о смертности плоти. Потому что всѣ они въ гордынѣ своей только жизнь признавали истинной. До бѣлыхъ и розовыхъ зорь скользилъ Учитель по улицамъ города. А къ утру всходилъ въ нагорные сады и рощи, и уносился сердцемъ къ престолу Бога съ запахами очнувшихся цвѣтовъ. Онъ плакалъ съ росами у ногъ Отца Своего и молился съ травами за стадо человѣческое.

Но нигдѣ не находилъ Онъ вѣры въ воскресшій духъ свой, ибо въ мірѣ осязаемаго жили люди и поклонялись существу.

Тогда подумалъ Христосъ:

Пойду я къ дочери Іаира, воскресенной Мною. Увѣруетъ ли она, пріявшая отъ Меня новую жизнь.

И постучался у дверей ея дома:

— Впусти, жено, странника и накорми хлѣбомъ—сказалъ онъ. Но, увидавъ Иисуса, съ громкимъ плачемъ упала на полъ воскресенная Имъ женщина и воскликнула, ударяясь о землю:

— Ей Господи, зачѣмъ испытываешь меня, когда давно распятъ Ты и погребенъ, и стража стоитъ у входа Твоей усыпальницы. Я со всѣми вѣрующими плакала о смерти Твоей...

Тогда Христосъ сѣлъ на скамью, привлекъ къ Себѣ трепетавшую женщину и спросилъ:

— Какъ же ты вѣришь, что Я вокресилъ тебя и что живешь ты, а въ Мое воскресеніе не вѣруешь?..

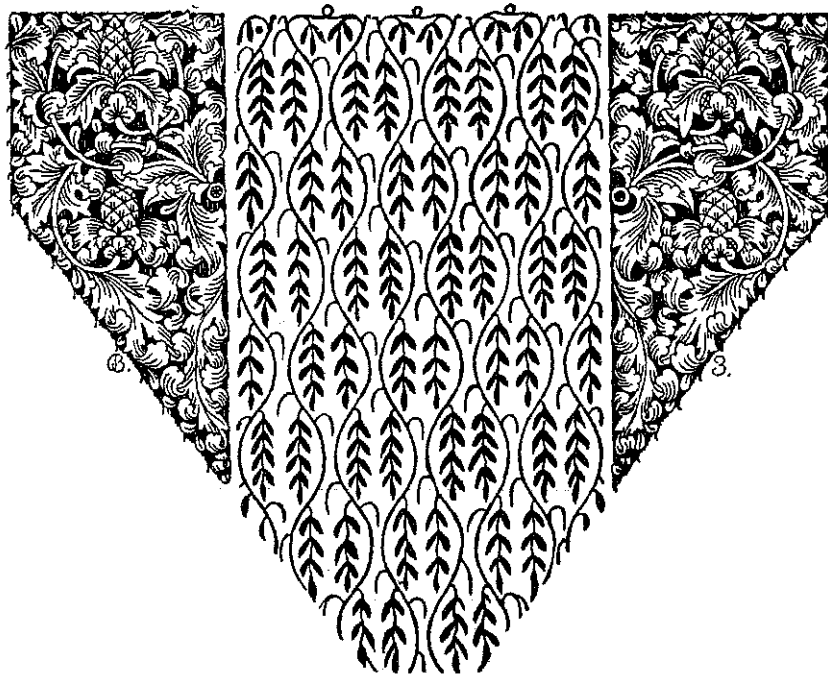
Но женщина молчала въ страхѣ и плакала.

Грустно поникъ головой Учитель; облако печали опустилось на чело Его, скорбно шептали Его губы:

Истинно, истинно—я среди слѣпыхъ... ибо всѣ вы увѣрены въ жизнь тѣла своего, но не постигаете чуда...

И, умолкнувъ, сталъ невидимъ.

Юрій Слезинъ.

Тойво Куохонень.

Разсказъ Грааля Арельскаго.

I.

Вѣсть о начавшейся войнѣ рыбаки маленькаго прибрежнаго селенія Кайно, живописно расбросаннаго среди гигантскихъ извилистыхъ скалъ, приняли спокойно и безразлично. Эта вѣсть въ сущности ничѣмъ не измѣняла и не нарушала ихъ суровой жизни. Приѣхавшій ленсманъ заявилъ имъ только, чтобы они закрывали плотнѣе ставнями окна и кромѣ этого занавѣшивали ихъ еще изнутри, когда будутъ зажигать огонь. Крейсирующий въ морѣ непріятель не долженъ замѣтить огня и опредѣлить по нему берегъ. Въ тотъ же день ленсманъ уѣхалъ, а жизнь рыбаковъ потекла попрежнему. Въ сущности, этого приказа можно бы было и не отдавать, такъ какъ рыбаки отъ неожиданнаго холоднаго вѣтра, дующаго съ моря вторую недѣлю и несущаго кучи песка, и безъ этого плотно закрывали ставнями окна своихъ хижинъ. Во всемъ селеніи газету получали только двое: пасторъ да молодой рыбакъ Тойво Куохонень, и отъ нихъ уже всѣ остальные узнавали новости. Почта приходила только два раза въ недѣлю и промежуткомъ времени между старыми и новыми извѣстіями былъ настолько великъ, что нѣкоторые рыбаки стали принимать эти извѣстія безразлично, какъ не касающіяся ихъ и ихъ суровой жизни. Только Тойво Куохонень, да семья пастора, состоящая изъ самаго пастора и его двухъ дѣтей, Эмиля и Эльзы, съ нетерпѣніемъ ожидали новыхъ извѣстій.

Тойво Куохонень былъ молодой, красивый рыбакъ, два года тому назадъ приѣхавшій изъ Або и купившій хижину утонувшаго во время ловли сельдей старика Матонень, семья котораго, продавъ хижину, переехала въ городъ. У Тойво, вѣроятно, были деньги, такъ какъ по приѣздѣ въ Кайно, онъ черезъ мѣсяцъ купилъ себѣ лайбу, легкую и быстроходную, оснащенную, какъ яхта, съ хорошимъ бензиновымъ двигателемъ. Свою лайбу Тойво назвалъ „Вало“ (огонь) и нужно было отдать справедливость, что лайба его была безукоризненна и вызывала восторгъ и зависть всѣхъ окрестныхъ рыбаковъ. Тойво говорилъ по фински съ легкимъ акцентомъ, избличающимъ въ немъ иностранца, но никто не обращалъ на это вниманія, такъ какъ Тойво заявилъ однажды, что онъ долго жилъ за границей. Да, впрочемъ, кому же было до всего этого дѣло, бумаги Тойво были въ порядкѣ, а жизнь его

ничѣмъ не отличалась отъ жизни другихъ рыбаковъ. Онъ выѣзжалъ на рыбную ловлю вмѣстѣ съ другими, но не продавалъ рыбу пріѣзжимъ скупщикамъ, какъ это дѣлали рыбаки, а самъ на своей лайбѣ отвозилъ въ городъ и тамъ сбывалъ съ большимъ для себя барышомъ. Дѣла его шли хорошо. Тойво былъ веселаго и общительнаго нрава и этимъ снискалъ любовь и уваженіе окружающихъ. Каждое воскресенье онъ посѣщалъ большую пустую ригу пастора, гдѣ молодежь устраивала танцы. Тамъ онъ познакомился съ дочерью пастора Эльзой и Эмилемъ и сталъ бывать часто въ гостяхъ у пастора.

Уже вторую недѣлю съ моря дулъ сильный вѣтеръ, и никто изъ рыбаковъ не выѣзжалъ въ море, вся сельдь ушла въ шхеры. Молодежь слонялась отъ бездѣлья днемъ по берегу, а вечеромъ собиралась въ ригѣ у пастора. Здѣсь старики, попивая домашнее пиво, толковали объ уловахъ, о цѣнахъ на сельдь, о военныхъ событіяхъ, а молодежь танцевала и пѣла пѣсни.

Сегодня пасторъ получилъ изъ города газеты и всѣ, желая узнать новости, собрались въ ригѣ ранѣе обыкновеннаго. Одинъ Тойво опоздалъ. Молодежь уже давно танцевала свой мѣстный танецъ. Тойво вошелъ и весело поздоровался:

— Хюве илта тютти (добрый вечеръ, дѣвушка)!

— Илта! Илта!—отвѣтили ему пересмѣиваясь и обступая его со всѣхъ сторонъ...

— Мита кула (какъ поживаешь)?—послышались со всѣхъ сторонъ вопросы.

Тойво усмѣхнулся и отвѣтилъ обычной шуткой:

— Эй мита лика сусія ванха пика (чувствую хорошо, только въ лѣсу старую дѣву волкъ съѣлъ)!

Всѣ засмѣялись и возобновили танцы...

Тойво увидѣлъ Эльзу и подошелъ къ ней...

— О чемъ такъ задумались, фрекень?—почтительно здороваясь, сказалъ Тойво и сѣлъ рядомъ.

— Ахъ, это вы!—отвѣтила Эльза и добавила:—я думала, что вы не придете... Скучно... Хочется въ городъ...

— Но, развѣ всѣ эти рыбаки плохіе парни, и развѣ мало здѣсь искренности и такой ми-

лой подкупающей простоты, какой никогда не найдешь въ городахъ?..

— Да, это вѣрно...—задумчиво и нехотя отвѣтила Эльза.—Но все же скучно... Конечно, нашъ народъ не виноватъ въ томъ, что движенія его слишкомъ вялы и однообразны,—онъ отражаетъ окружающую его природу... Но зато природа дала ему упорство, непоколебимость и выносливость. Я такъ люблю наши дикія скалы и суровое море, что, вѣроятно, въ городѣ, куда я теперь стремлюсь, скоро соскучусь по нимъ...

— А когда фрекенъ думаетъ уѣхать въ городъ?—перебилъ ее Тойво, и голосъ его дрогнулъ.

— Скоро,—вѣрятно, черезъ недѣлю...

— Мнѣ будетъ скучно безъ васъ, фрекенъ Эльза...—тихо началъ Тойво и замолчалъ.

Эльза встала, и, лукаво улыбаясь, спросила его:

— О чемъ вы сейчасъ думали, Тойво?..

— Зачѣмъ вы спрашиваете?.. Зачѣмъ?.. Развѣ вы забыли то, что говорили мнѣ недѣлю тому назадъ... А теперь уже нѣсколько дней вы стали вдругъ холодны ко мнѣ... Почему? Да, Эльза, вѣдь вы знаете, что только вы даете мнѣ силу жить, радоваться жизни и любить эту суровую природу.

Эльза взяла его подъ руку и просто отвѣтила:

— Молчите!.. Я не забыла...

II.

Море было подернуто туманомъ...

Дулъ сильный вѣтеръ и большія, бѣлогривыя волны съ шумомъ разбивались о прибрежные камни...

Эмиль, не найдя Эльзу въ ригѣ, пошелъ искать ее къ морю. За послѣднее время онъ замѣтилъ все возрастающую близость ея къ Тойво и это неприятно на него дѣйствовало. Онъ давно собирался поговорить объ этомъ съ Эльзой, но все какъ то не рѣшался начать этого неприятнаго разговора. Хотя Тойво ничѣмъ не вызвалъ неприятнаго чувства настояренности къ нему Эмиля, но это чувство возникло въ душѣ съ перваго дня знакомства. Пробираясь по берегу среди остроконечныхъ синеватыхъ камней, Эмиль вдругъ услышалъ недалеко справа голоса...

Гдѣ-то за камнями сидѣли Тойво и Эльза... Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, Эмиль подошелъ ближе, спрятался за большимъ камнемъ, и сталъ слушать. Говорилъ что-то Тойво, но порывъ вѣтра взмет-

нулъ на камни громадный бѣлогривый валъ, и за его шумомъ Эмиль не слышалъ конца...

Когда волна отхлынула, Эмиль ясно различилъ, что говорила теперь Эльза...

— Ахъ, Тойво, вы мало жили у насъ и поэтому вамъ непонятна эта связь. Вѣдь только отъ Россіи можемъ мы получить все то, къ чему стремимся... И поэтому мы всегда готовы съ радостью защищать ее въ минуты бѣдствій...

Горячая волна волненія поднялась къ сердцу Эмиля и онъ радостно подумалъ: „молодецъ, Эльза! Если Россіи потребуется помощь, то я первый предложу свои услуги...“

Но сейчасъ же у него возникла мысль: „Кто же такой Тойво? Почему у него, простого рыбака, возникли такія мысли?..“

И странное подозрѣніе сейчасъ же закралось въ сердце...

Онъ осторожно пробрался обратно среди камней и пошелъ поспѣшно къ дому...

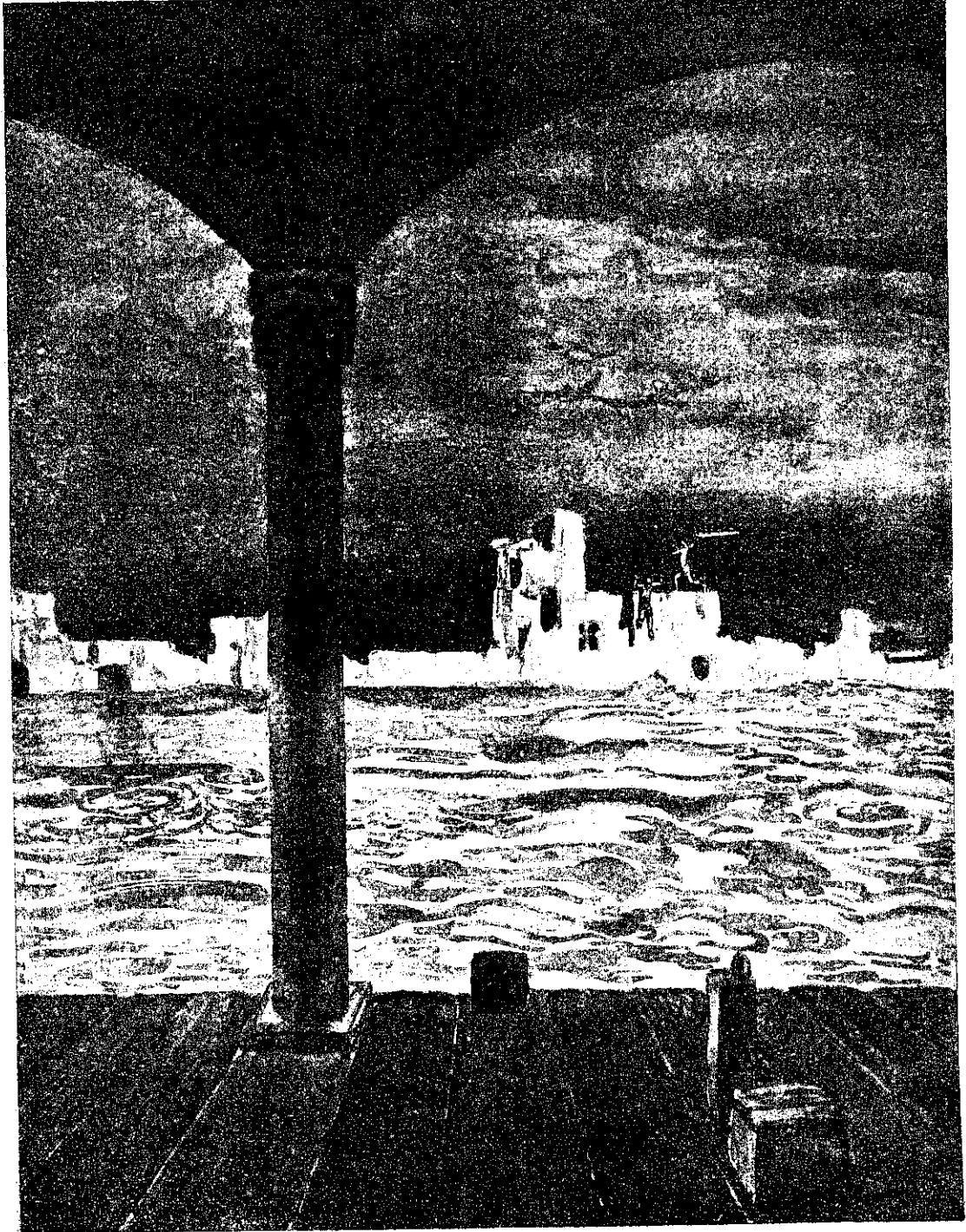
Черезъ полчаса вернулась Эльза и сейчасъ же прошла въ свою комнату... За ужиномъ она была неразговорчива и чѣмъ то озабочена, но отговорила тѣмъ, что у ней разболѣлась голова... Скоро она встала и ушла въ свою комнату. Эмиль слышалъ, какъ щелкнулъ замокъ запираемой двери... Прежде этого никогда не было...

Эмиль тоже прошелъ въ свою комнату и сталъ читать... Но читать долго онъ не могъ... Помимо его воли въ мозгу вертѣлись слова слышаннаго разговора, и мысли невольно обращались къ Тойво. Онъ закрылъ книгу и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ...

Было очень поздно, и въ домѣ пастора всѣ давно спали, когда Эмиль вышелъ на дорогу и пошелъ къ морю.

Дома рыбаковъ въ зеленоватомъ свѣтѣ ночи казались плоскими, сѣрыми пятнами... Съ моря дулъ рѣзкій, слегка горьковатый вѣтеръ и жалобно гудѣлъ въ промежуткахъ высокихъ прибрежныхъ остроконечныхъ скалъ. Эмиль направлялся къ хижинѣ Тойво... Она находилась въ сторонѣ отъ прочихъ рыбацкихъ хижинъ и стояла на высокой скалѣ...

Пробираясь по берегу и уклоняясь отъ большихъ волнъ, яростно бьющихъ о прибрежные камни, онъ поднималъ глаза къверху и хотѣлъ начать подъемъ на скалу, гдѣ находилась хижина Тойво. Но вдругъ вздрогнулъ, и сплывавшись за камень, сталъ напряженно смотрѣть наверхъ. Первое время онъ думалъ, что все это ему показалось, навѣянное недавними мыслями... Но онъ сейчасъ же убѣдился въ обратномъ... Окно хижины Тойво снова освѣтилось яркимъ фосфорическимъ свѣтомъ... Че-

резъ извѣстные промежутки свѣтъ то потухалъ, то вспыхивалъ вновь.

Сдерживая порывистое, нервное дыханіе, Эмиль понялъ, что Тойво сигнализируетъ свѣтомъ по системѣ Морза, кому то находящемуся въ морѣ. Эмиль, напрягая зрѣніе, посмотрѣлъ въ море и замѣтилъ на самомъ горизонтѣ едва замѣтный, отвѣтно вспыхивающій и угасающій свѣтъ...

Сердце колотилось въ груди порывисто и взволнованно, и въ мозгу стали вспыхивать испуганныя мысли.

Нужно сейчасъ же бѣжать навѣрхъ и помѣшать ему... Онъ сигнализируетъ непріятельской эскадрѣ... Но сейчасъ же сильнымъ усиленіемъ воли успокоилъ себя и сталъ разсуждать хладнокровнѣе.

— Нѣтъ, это не годится!.. Тойво сильнѣе меня, и къ тому же онъ вѣроятно вооруженъ... Онъ просто сброситъ меня со скалы въ море и никто не узнаетъ объ этомъ... Нужно придумать что-нибудь другое... Эмиль прислонился головой къ холодному камню и сталъ думать... Это значительно успокоило его... Онъ скоро принялъ опредѣленное рѣшеніе. Держась все время въ тѣни, онъ быстро вернулся домой и разбудилъ отца... Плотно заперевъ дверь, онъ шепотомъ передалъ ему все видѣнное... Послѣ небольшого совѣщанія рѣшено было завтра дать знать ленсману, а онъ уже отъ себя предупредить русскихъ...

Эльза видѣла изъ окна, какъ ушелъ куда-то Эмиль, и, не ложась спать, ждала его возвращенія. Когда онъ вернулся и прошелъ къ отцу, Эльза тихо вышла изъ своей комнаты, и подойдя вплотную къ двери, услышала весь разговоръ.

Она долго не могла уснуть, лежа неподвижно съ открытыми глазами... Она думала о томъ, что такъ странно и нелѣпо оборвана нить родившейся любви... Она была согласна съ братомъ, но помимо ея воли въ душѣ трепетало чувство тоски и жалости къ Тойво...

Только подъ утро она уснула, утомленная тоскливо неопредѣленными мыслями.

III.

На другой день, когда проснулась Эльза, Эмиль былъ уже у ленсмана. Черезъ часъ, на посланную телеграмму ленсманъ получилъ отвѣтъ, что къ вечеру, для производства слѣдствія и ареста, прибудетъ въ Кайно русскій офицеръ. Но офицеръ пріѣхалъ къ ленсману ранѣе назначеннаго срока и сейчасъ же всѣ усѣлись въ автомобиль и помчались въ Кайно.

Эльза ходила все утро молчаливая и раз-

строенная. Она не знала что предпринять. Съ одной стороны она была согласна съ братомъ и желала ареста Тойво, но съ другой стороны этотъ арестъ пробуждалъ тоску и жалость къ Тойво. Эти противорѣчія такъ измучили ея, что она не могла больше сидѣть въ своей комнатѣ и ждать пріѣзда брата, и ушла къ морю. Тамъ она неожиданно столкнулась съ Тойво. Онъ медленно шелъ по берегу и несъ на плечахъ сѣти. Воротъ его широкой рыбацкой блузы былъ открытъ, и черезъ него виднѣлась широкая, загорѣлая молодая грудь... Онъ шелъ задумавшись и лицомъ къ лицу столкнулся съ Эльзой. Къ этой неожиданной встрѣчѣ Эльза не была подготовлена и растерялась.

— Вѣтеръ унимается, фрекенъ Эльза...—сказалъ Тойво, сбрасывая сѣти на камень.—Завтра или послѣзавтра мы выѣдемъ на рыбную ловлю. Сегодня ябуду чинить свои сѣти—нужно приготовить... Говорятъ, что съ востока идутъ сельди. Пора бы уже, а то мой „Вало“ совсѣмъ облѣнился отъ бездѣлья.

Эльза молчала.

Тогда Тойво вдругъ заговорилъ тихимъ осторожнымъ голосомъ:

— Что съ вами, фрекенъ Эльза?.. Быть можетъ, вы сердитесь на меня за вчерашній разговоръ. Если это такъ, то простите меня...

Эльза пристально посмотрѣла въ глаза Тойво и ее поразило ихъ скорбное выраженіе, какъ будто Тойво тоже думалъ тѣ же мысли и мучился всю ночь. И вдругъ въ душѣ Эльзы вспыхнула тихая, скорбная жалость и заставила ее сразу принять рѣшеніе, которое она гнала отъ себя прочь всю ночь и все это утро. Она посмотрѣла пристально еще разъ въ глаза Тойво и начала чуть слышнымъ голосомъ.

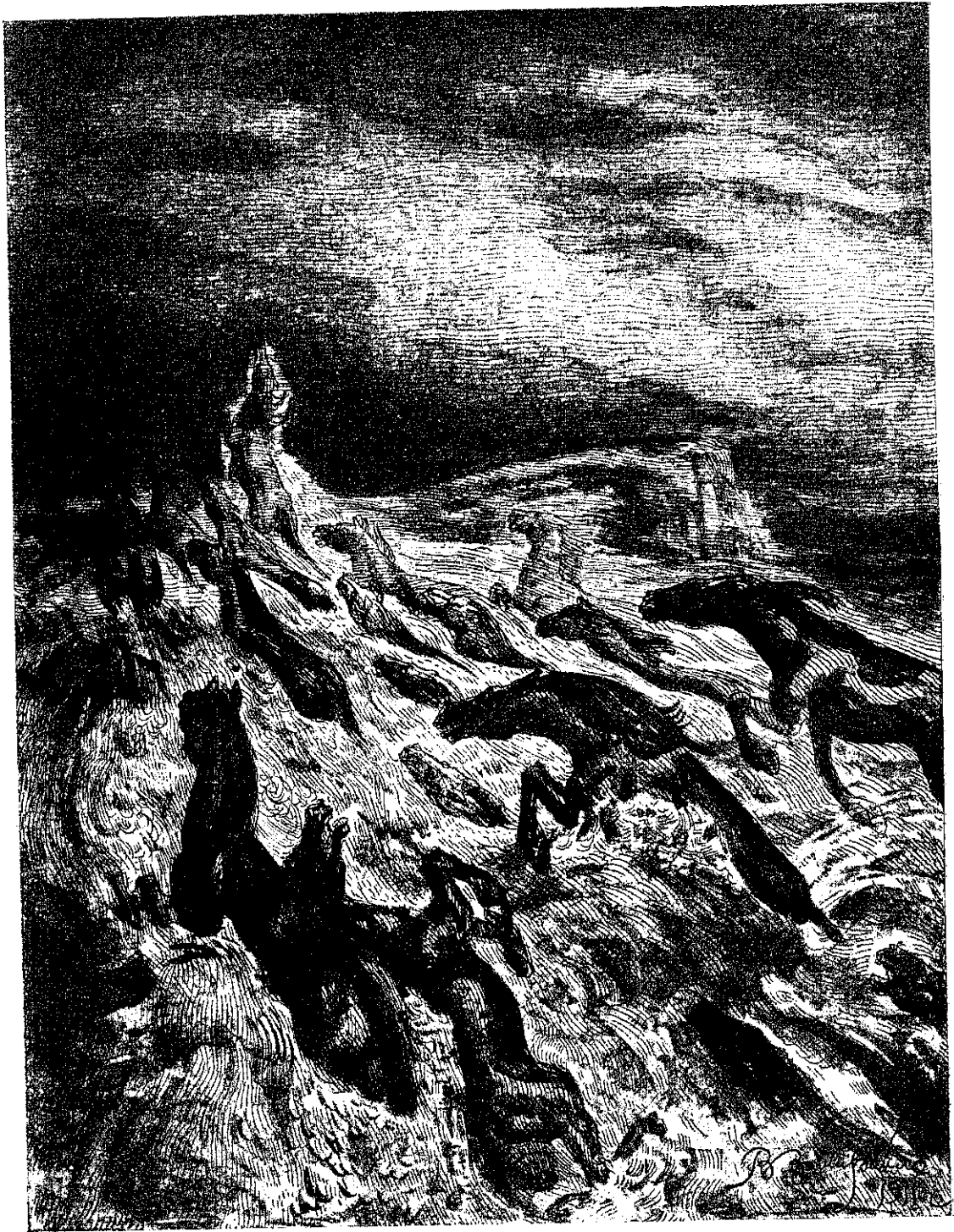
— Неправда ли, мы всегда были друзьями?.. И вы всегда относились ко мнѣ хорошо. И за все это я хочу васъ предупредить. Я знаю, что не должна этого дѣлать... Но я не могу поступить иначе... Вы должны сейчасъ же бѣжать... Мой братъ донесъ на васъ, и васъ арестуютъ... какъ... шпіона... Забудьте все и бѣгите...

Тойво вздрогнулъ, какъ будто его хлеснули по лицу, и грузно-неловко опустился на камень. Онъ закрылъ лицо руками и нѣкоторое время сидѣлъ въ этой позѣ.

Эльза тоже молчала.

Но это длилось всего нѣсколько секундъ. Тойво вдругъ порывисто всталъ и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

— Да, я шпіонъ!.. Я не въ силахъ скрывать это, Эльза... Если бы вы не сказали теперь это слово, то повѣрьте, я самъ бы черезъ

нѣсколько дней признался во всемъ... Я хотѣлъ перемѣнить жизнь. Но теперь поздно... Поздно.

Онъ перевелъ дыханіе, какъ будто бы онъ задыхался и осторожно прикоснулся къ рукѣ Эльзы.

— Я васъ люблю!.. Я никогда не забуду васъ... Бѣжимъ вмѣстѣ! мой „Вало“ прорвется сквозь русскую эскадру и минуетъ нашу. Я все забуду... И мнѣ найдется мѣсто для новой жизни.

Но Эльза твердо отстранила его руку и рѣзко отвѣтила, хотя голосъ ея дрогнулъ и въ немъ послышались слезы.

— Никогда!

Тойво не сказалъ больше ни слова. Онъ долго смотрѣлъ вслѣдъ уходящей Эльзѣ,—потомъ, отшвырнувъ ногой сѣти, быстро пошелъ къ своей хижинѣ.

Черезъ полчаса „Вало“ скрылся въ наступающихъ сумеркахъ...

Пріѣхавшій черезъ часъ, вмѣстѣ съ ленсманомъ и Эмилемъ, русскій офицеръ увидѣлъ только пустую хижину. Онъ произвелъ обыскъ хижины и нашелъ шифръ для подачи свѣтовыхъ сигналовъ.

Уѣзжая, онъ сказалъ, что одинъ изъ дежурныхъ крейсеровъ выйдетъ преслѣдовать „Вало“.

IV.

Хотя вѣтеръ утихалъ, но громадная, бѣлоривая волна была настолько высока, что „Вало“, высоко взметнувшись на гребни ихъ, падалъ внизъ, и глубоко зарывался носомъ. Было очень темно... Небо задернулось клочьями темно фіолетовыхъ облаковъ, и только у самаго горизонта свѣтилась узкая красновато-оранжевая полоса. Тойво стоялъ у руля и все время смотрѣлъ на компасъ.

Онъ пустилъ полнымъ ходомъ моторъ и прислушивался, какъ дрожали и скрипѣли борта отъ напоровъ волнъ. Онъ надѣялся выйти благополучно изъ полосы крейсирующей русской эскадры.

Онъ зналъ, что его не оставятъ въ покоѣ, и что изъ С-а ему на перерѣзъ выйдетъ дежурный крейсеръ, и что все его спасеніе скорѣй крейсера пройти это проклятую полосу.

Два часа бѣшено мчался уже „Вало“, и онъ начиналъ мало по малу успокаиваться.

Но вдругъ совершенно неожиданно у горизонта взметнулся бѣлый широкій столбъ и освѣтилъ полосу воды въ двухъ километрахъ отъ „Вало“.

Тойво яростно стиснулъ зубы.

Прожекторъ! Онъ все равно нащупаетъ. Съ нимъ бесполезно бороться. Крейсеръ успѣлъ такъ зайти наперерѣзъ.

Бѣшенная злоба заклокотала въ груди. Нѣтъ!—подумалъ онъ:—Я не дешево продамъ свою жизнь.

Онъ остановилъ моторъ, и „Вало“ пошелъ на однихъ парусахъ.

Но бѣлый яркій столбъ свѣта медленно и упорно обшаривалъ все море. И Тойво яростно крутилъ „Вало“, стараясь избѣжать этихъ упорныхъ и непобѣдимыхъ щупальцевъ.

Яркій, ослѣпительный столбъ свѣта упалъ наконецъ на „Вало“, и Тойво съ проклятіемъ зажмурилъ глаза.

Крейсеръ приближался все ближе и ближе, и Тойво чувствовалъ, что борьба теперь не приведетъ ни къ чему. Этотъ проклятый столбъ свѣта уже связалъ его съ крейсеромъ, крѣпкими, ничѣмъ неразрушимыми тенетами.

Тойво пустилъ снова моторъ.

Два выстрѣла уже далъ крейсеръ, но оба они дали большой перелетъ.

„Вало“ напрягалъ послѣднія усилія въ этой неравной борьбѣ, вздрагивая и скрипя всѣмъ своимъ корпусомъ.

Теперь разстояніе сократилось настолько, что отчетливо виднѣлось темное очертаніе крейсера. Даже временами было слышно, какъ съ капитанскаго мостика кричали въ рупоръ...

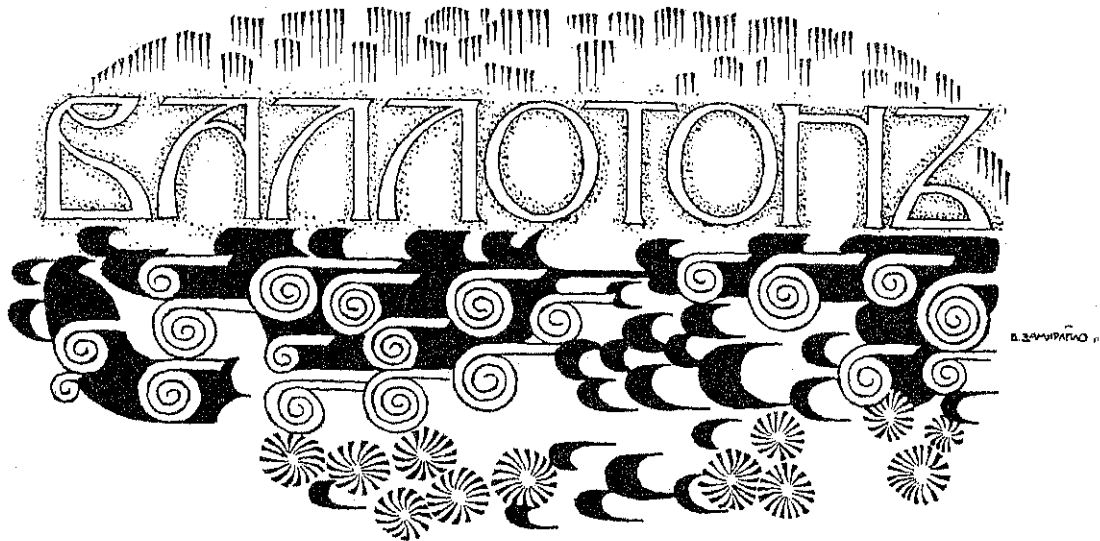
Тойво злобно улыбнулся и спустился въ каюту.

Тамъ онъ взялъ со стола фотографическую карточку Эльзы, и не глядя на нее, разорвалъ на мелкіе куски.

Потомъ зарядилъ револьверъ и вышелъ на палубу.

Въ тотъ моментъ, когда крейсеръ поравнялся въ „Вало“ и матросы бросили крючья, зацѣпившіеся за борта, Тойво поднялъ револьверъ и выстрѣлилъ себѣ въ високъ.

Грааль Арельскій.

Терриблѣвое дитя.

Разсказъ Георгія Иванова.

Георгію Адамовичу.

I.

Отецъ Катеньки Смирновой, Иванъ Ильичъ, былъ отставной штабсъ-капитанъ изъ пѣхотныхъ. Матушка же ея, Анна Карловна, въ дѣвичество Штармеръ, была родомъ изъ остзейскихъ нѣмокъ, но нѣмецкаго своего происхожденія вспоминать не любила, рѣчь пересыпала въ попадъ и не въ попадъ пословицами и прибаутками, гостиная ея была въ вышитыхъ полотенцахъ, пѣтушкахъ да блюдахъ, и про капоть свой она иначе и не выражалась, какъ „сарафанъ“.

Всю жизнь Иванъ Ильичъ прослужилъ въ провинціи—то въ Смоленскѣ, то въ Кишиневѣ, то подъ Ригой. Въ провинціи же росло и получило „домашнее воспитаніе“ единственное ихъ чадо—Катенька.

Вдругъ неожиданно-негаданно умерла тетка Ивана Ильича и оставила ему деньги порядочныя — семь тысячъ и домъ въ Петербургѣ деревянный, по Колпинской улицѣ, номеръ двадцать девятый.

Нашъ капитанъ думалъ было домъ продать и остаться въ Тамбовѣ, къ которому за время отставки сильно приобвыкъ, но Анна Карловна и слышать этого не хотѣла. Хоть на старости лѣтъ поживу въ столицѣ, говорила она,—и Катенька на возрастъ—тамъ и жениха ладнаго сыщешь скорѣй—не безприданница вѣдь.

Покряхтѣлъ Иванъ Ильичъ, поведыхалъ, однако согласился. Мѣсяць прособирались, что продали, что упаковали—да и отправились въ городъ Санктпетербургъ на Колпинскую улицу въ собственный домъ.

Домъ оказался неплохой — одноэтажный съ мезониномъ. Улица Колпинская тихая, воздухъ въ Петербургѣ ничего себѣ, хотя сыроватъ. „Не красна изба углами, красна пирошками“ — говорила Анна Карловна, разставляя въ небольшой круглой залѣ сусальныхъ своихъ пѣтушковъ.

Теперь о Катенькѣ. Была она карглазой и русоволосой вострушкой, росту средняго, съ носомъ пуговкой, но милымъ и свѣжимъ румянцемъ на щекахъ. Вышивала славно и пѣсни русскія пѣла, немного фальшивя, но съ чувствомъ. Кончила Катенька четыре класса гимназіи—больше не успѣла—Ивана Ильича нехстати перевели въ заштатный городъ, гдѣ не то что гимназіи — лавки порядочной не было. За рѣзвый нравъ и живость характера прозвала ее Анна Карловна „Терриблѣвое дитя“. Такъ своеобразно переложила она на свой ладъ *enfant terrible*,—ибо по французски говорить остерегались (еще за „французинку“ сочтуть!), а какъ иначе выразиться—не умѣла.

Впрочемъ, понимать это выраженіе можно было и по иному. Когда Катенькѣ было всего десять лѣтъ, и Анна Карловна прикрикнула на нее какъ то — „да сиди спокойно, экая терриблѣвая“ — присутствовавшая при этомъ супруга благочиннаго присовокупила.—И подлинно теребительная дѣвочка—гляди-ка весь нарукавникъ истеребила.

Когда Смирновы переѣхали въ Петербургъ, ей шель восемнадцатый, ходила она еще въ

платье не совсемъ длинномъ, и причесывалась глаго. Однако, познакомившись съ дочерью сосѣдки, потомъ съ другой-съ третьей—Катенька потребовала у матери и длиннаго платья, и разрѣшенія носить прическу модную. „Не маленькая“,—говорила Катенька.

Точно, не маленькая—дѣлать нечего, Анна Карловна согласилась, хотя была не слишкомъ довольна. „Совсемъ не идетъ молодой дѣвицѣ“, говорила она, дѣлая удареніе на дѣ—„юбка до полу да копна на головѣ“...

Переѣхали Смирновы въ Петербургъ въ январѣ, а къ апрѣлю уже совсемъ освоились. Иванъ Ильичъ зналъ, гдѣ нужно покупать турецкій табакъ для трубки, чтобы былъ неотсырѣвшій, Анна Карловна ѣздила за провизіей на Сѣнную, а Катенька завела подружку цѣлыхъ десять. Впрочемъ семеро изъ нихъ были такъ—„подружки“ и лишь трое—Маня Красницкая, Соня Волкова и Оленька Кузьмина были подругами настоящими и наперстницами тайнъ, и совѣтницами, и спутницами неразлучными. Отцы Мани и Оленьки были чиновниками, Соня же была офицерская дочь, сирота, жила на хлѣбахъ у отчима, тоже на Колпинской—напротивъ Смирновыхъ.

II.

По субботамъ Иванъ Ильичъ покупалъ себѣ „Новое Время“. Читатель онъ былъ нескорый,—номера, да съ приложеніемъ, хватало ему на цѣлую недѣлю, тѣмъ болѣе, что читалъ онъ только днемъ, вечерами же, чтобы не портить глазъ, или перелистывалъ картинки, или раскладывалъ пасьясъ на старинный ладъ.

Вечеръ былъ воскресный. Смирновы только что отпили чай. Иванъ Ильичъ сидѣлъ, задумавшись, надъ фотографіей, изображающей „турецкія звѣрства“, Анна Карловна вязала, Катенька попросту скучала, поглядывая то на потолокъ, то на чайникъ, то на желтофіолі въ окошкѣ. Наконецъ, Иванъ Ильичъ зѣвнулъ, и, прищурившись на стѣнные часы, сказалъ:— „Ну-ка погляди, Катенька, сколько времени набѣжало—что-то не вижу.

— Половина десятаго, папаша.

— Пора, пора поднялся Иванъ Ильичъ.—Покойной ночи, Анетъ, покойной ночи, Катенька. Послѣ ухода отца Катенька какъ то встрелелась.

— Мамаша—сказала она минуту спустя.—Я къ Сонѣ не надолго схожу. Можно?

Анна Карловна отложила работу.

— Погоди, дочка, мнѣ съ тобой поговорить надо.

— Я слушаю, мамаша.

— Встѣ видишь, начала Анна Карловна тихо,

ты вотъ гулять повадилась нынче по вечерамъ. Бранить тебя не за что—я сама тебѣ позволю, какъ говорится—взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ. Только боюсь я, чтобы не было отъ этихъ гулянокъ худо.

— Какое же худо, мамаша?

— Такое, что здѣсь не Тамбовъ тебѣ,—городъ большой, мало ли какіе люди по улицамъ шатаются ночью, а ты дѣвица—долго ли до грѣха.—И Анна Карловна выразительно на нее поглядѣла.

Катенька потупилась и не отвѣтила ничего.

— Ты, душа моя, не сердись и не краснѣй, тебя знаю и тебѣ вѣрю, но скажи, по крайней мѣрѣ, ты всегда съ подругами гуляешь, никогда одна?

— Что Вы, мамаша, зачѣмъ же одной? Одной скучно, да и боязно тоже.

— Ну, и точно только по Колпинской ходите, дальше не заглядываете?

— Честное слово, только по Колпинской.

— Ну,—сказала Анна Карловна, минуту подумавъ,—ступай на часокъ. И смотри—будь осторожной, дитя мое.

— Я буду осторожной, мамаша.

III.

Катенька была воспитана богобоязненно, и въ серьезныхъ случаяхъ говорить неправду—остерегалась, но съ дѣтства въ ея сознаниі укрѣпилось спасительное понятіе о „невинной лжи“. Невинная ложь, какъ извѣстно, не грѣхъ, а если грѣхъ, то совсемъ маленькой.

Само собой разумѣется, Катенька и ея подруги по Колпинской не гуляли, а, напротивъ, спѣшили эту глухую улицу миновать поскорѣй, чтобы попасть на Большой проспектъ, гдѣ тѣсной стѣной по широкому тротуару двигались гуляющіе. Взявшись подъ руки, чинно наши подруги шествовали въ толпѣ, на всѣхъ мило смотря и никому особенно не улыбаясь. Когда же какой-нибудь студентъ или „котелокъ“ съ ними думалъ заговорить, Соня, бывшая всѣхъ смѣлѣй, гнѣвно спрашивала: „Гдѣ, машеръ, городской“. И непрощенный поклонникъ ретировался. А если попалался нахаль, на котораго это не дѣйствовало—нужно было только не обращать на него вниманія.

Поговорить, поговорить вздоръ всякій—и отстанеть. Даже была въ этомъ какая-то забава, а обиднаго вовсе ничего не было.

— Что такъ поздно, Катенька, ангелъ, восклицала Соня, обнимая подругу. Оленька не дождалась—пошла на Большой ужь.

Соня быстро надѣла шляпку—подруги вышли.

В. Замуфаров 1912

По случаю воскреснаго дня гуляющихъ было очень много. Казалось, и не пройти — тѣсная густая толпа зыбилась на правой сторонѣ Большаго проспекта. Однако, пріятельницы наши благополучно скользнули въ общее русло и стали медленно подвигаться по направлению къ Каменноостровскому.

Катенькѣ показалось, что она видитъ Маню Красницкую, и она оглянулась, но въ это самое время подруга толкнула ее подъ локоть.

— Смотри — это мой знакомый Сазоновъ — писмоводитель, сейчасъ будетъ кланяться — шепнула она, показывая бѣлокураго молодого человѣка безъ бровей, въ пенснэ и одѣтаго со всѣмъ франтовствомъ. Сазоновъ, фланировавшій съ небрежнымъ видомъ имъ навстрѣчу, заулыбался, съ размаху подымая свой широкополый котелокъ и восклицая — „какая счастливая встрѣча“ и „отнима вашего какъ здоровье?“ „Ничего“, поблагодарила Соня и добавила: „Вотъ познакомьтесь — Екатерина Ивановна Смирнова, дочь подполковника, подруга моя“.

Сазоновъ уже совершеннымъ козломъ пожалъ руку Катеньки.

Сначала разговоръ не очень клеился, но скоро опытный въ „обращеніи“ писмоводитель разговорилъ барышень. Съ разсужденій о погодѣ перешли на то, весело ли гулять по Большому. Оказалось, что ничего себѣ, но однообразно. „Повѣрите ли, я здѣсь, что дома, камень каждый знаю“ — поддакивалъ Сазоновъ и заключилъ предложеніемъ поѣхать въ Народный Домъ на гуляніе.

— А тамъ прилично? — спросили подруги разомъ. Писмоводитель обидѣлся.

— Развѣ могъ бы я повести васъ въ неподобающее мѣсто? Тамъ офицеры, чиновники, дамы разныя — всѣ бываютъ. А ужъ весело — пальчики облизете. Поѣдемте, Ксенія Петровна, поѣдемте, Катерина Ивановна!

— Мнѣ домой къ одиннадцати надо быть, — заикнулась Катенька.

— Доставимъ васъ къ одиннадцати, будьте спокойны. И видя, что барышни хотя и медлятъ, но поѣхать не прочь — крикнулъ: — Извозчикъ, — троихъ къ Народному Дому.

IV.

Дѣйствительно, въ Народномъ Домѣ было весело. Вдоволь навизжавшись въ „лабиринтъ“, гдѣ тьма кромѣшная, и полъ проваливается, и трещитъ все кругомъ — хотели подруги до упаду на вертящемся колесѣ, ѣздили съ горъ, наконецъ, послѣ всего этого ѣли въ павильонѣ мороженное, показавшееся превкуснымъ.

Время летѣло быстро, незамѣтно и пролетѣло. Заиграли маршъ, означавшій, что уже двѣнадцать часовъ и что гуляніе закрывается. Катенька, развеселившаяся и забывшая о времени, спохватилась, что отпущена на часокъ и стала торопить подругу. „Разрѣшите проводить“, — галантичалъ Сазоновъ, хотя въ карманѣ его отъ трехъ рублей оставался всего четвертакъ. „На извозчика насъ посадить“, — сказала Соня, — „а доѣхать и сами доѣдемъ“.

Извозчикъ просилъ полтинникъ, сторговались за тридцать. Усадивъ дамъ и раскланявшись, галантный писмоводитель повернулъ куда-то за уголъ — подруги же покатили. Разговаривали о Народномъ Домѣ, о томъ, какъ страшно ѣхать съ горы и какъ славно кувыркаются на открытой сценѣ гимнасты.

— Что жъ ты, дяденька, тихо больно ѣдешь! — вдругъ крикнула Соня извозчику, который ѣхалъ только что не шагомъ. — Не покойника везешь.

Тотъ ничего не отвѣтилъ и не пошевелился даже.

— Послушай, извозчикъ, тебѣ говорятъ, поѣзжай скорѣй.

— Вишь ты, скорѣй! За тридцать наняли, да еще скорѣй. Ладно будетъ и такъ, — проворчалъ тотъ.

Соня совсѣмъ разсердилась.

— А не хочешь ѣхать — такъ мы слѣземъ.

— А слѣзайте себѣ, обозлился извозчикъ въ свою очередь и остановилъ лошадь. Слѣзайте, коли хотѣли.

Дѣлать нечего — пришлось слѣзать. „3457“, — сказала Соня, громко читая номеръ пролетки. — Завтра же пожалуюсь градоначальнику.

— Идемъ, — потащила она Катеньку отъ извозчика, начавшаго ругаться довольно крѣпко.

— Тутъ по Введенской недалеко осталось — дойдемъ и такъ.

— Надо сказать, что рѣшительная Катенькина подруга, хотя и называла себя кровной Петербургской, чѣмъ и кичилась передъ ней, — однако, сама тоже пріѣхала всего годъ какъ изъ Пскова и, несмотря на свой апломбъ, многого еще не знала.

Поуспокоившись, пріятельницы шли, весело болтая, какъ вдругъ, неизвѣстно откуда взявшійся франтъ заговорилъ съ ними, — не то что „позвольте проводить“, — а вовсе безцеремонно, и даже взявъ Катеньку подъ локотокъ. Та визжала: „оставьте меня, пожалуйте!“

— Гдѣ, машеръ, городской, — воскликнула негодующимъ голосомъ Соня, — но эта испытанная на устрашеніи нахаловъ формула, произвела дѣйствіе — совершенно неожиданное.

— „Городовой!“, вспылить франтъ, — экія не-

приступныя, шляются по ночамъ и туда же—городовой! Да я самъ его позову, если на то пошло».

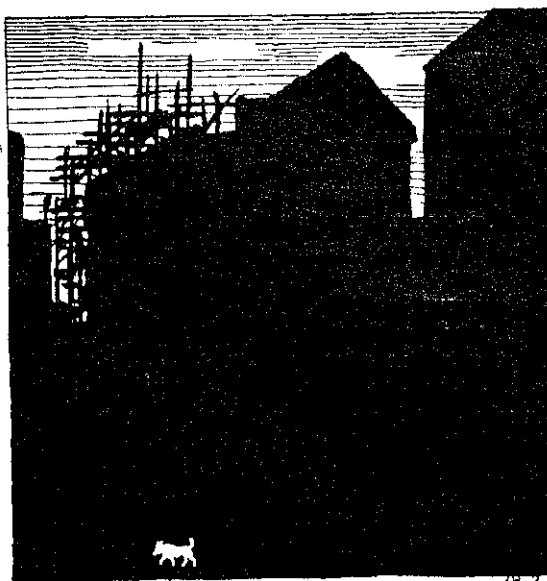
И, дѣйствительно,—сиплымъ баскомъ заоралъ: „Городовой“.

Что было потомъ, Катенька видѣла, какъ во снѣ. Голосъ франта, объяснявшій, что къ нему приставали „эти дѣвицы“, отдаленные вопли Сони, доказывавшей, что она дочь чиновника и „благородная“, и равнодушно-зловѣщая фраза „въ участкѣ разберутъ“—переплелось въ кошмарный какой то клубокъ. Какъ пришибленная, шла Катенька за городовымъ, въ головѣ у ней все путалось, и единственная мысль отчетливо стоявшая въ ея умѣ была та, что уже очень поздно, и Анна Карловна, должно быть, очень беспокоится.

V.

А поутру всѣ сосѣдки на Колпинской знали, что съ Катенькой и подругой ея приключилось, и какъ онѣ были доставлены по домамъ съ городовымъ въ третьемъ часу ночи. Знали и то, что Иванъ Ильичъ въ полной парадной формѣ ѣздилъ объясняться. Анна Карловна за провизіей не отправлялась и изъ дому вовсе не выходила. Зато Глашка, Смирновыхъ горничная, бѣгала въ аптеку нѣсколько разъ все за каплями и примочками для барышни. Занавѣси у Смирновыхъ были опущены—домъ стоялъ, какъ вымершій.

На другой день Анна Карловна за провизіей вышла, но хранила молчаніе и на соболѣзнующіе вопросы и запытыванія кукушекъ ничего не отвѣчала. Иванъ Ильичъ опять куда то ѣздилъ, уже безъ орденовъ—потомъ какіе то господа въ котелкахъ ходили по всему дому Смирновыхъ и по двору, все осматривали и записывали. А въ концѣ недѣли подали къ крыльцу извозничью карету. Сѣла въ нее Анна Карловна, потомъ Катенька, послѣднимъ влѣзъ капитанъ. Сзади поплелся помовикъ съ сундуками. Такъ уѣхали Смирновы изъ Петербурга ни съ кѣмъ не про-

стившись, продавъ домъ и обстановку какимъ то перекупщикамъ.

— Не хочешь ли, Катенька, пирожка,—говорила Анна Карловна, разворачивая дорожный баульчикъ и заманчиво раскладывая на салфеткѣ разную ѣду. Поѣздъ стучалъ. Смеркалось. Иванъ Ильичъ похрапывалъ, откинувшись на полосатую спинку дивана.

— Спасибо, мамаша, мнѣ не хочется.

— Ну, бутербродъ?

— Спасибо, не хочу и бутерброда.

Анна Карловна ласково на нее посмотрѣла. И, полно, дочка, поогорчалась и хватить. Ничего худого, слава Богу, съ тобой не приключилось, другой разъ будешь осторожнѣй. Заживемъ въ Тамбовѣ по прежнему, о Петербургѣ несчастномъ и помянуть не будемъ. Выдадимъ тебя замужъ за хорошаго челоуѣка.

Катенька потупилась.

Георгій Ивановъ.

Шунгуръ.

М. Плотникова.

Тайга смѣялась...

Уже давно черной птицей въ ночной темнотѣ летала невидимая смерть. Шунгуръ слышалъ, какъ хлопала ея большія крылья, слышалъ ея крикъ, щелканье зубовъ и чувствовалъ, что не одинъ разъ она вилась надъ его бѣдной юрточкой.

Пауль *) разбѣжался.

Въ тайгѣ распространилась заразная болѣзнь, наступили кошмарные дни, и беззащитные люди, спасаясь отъ невидимаго врага, покинули свои паулы и разбѣжались въ разные концы огромной тайги, разнося съ собою заразу и страшную смерть.

Такъ изъ паула въ пауль перебѣгали въ паническомъ страхѣ толпы вогуловъ и умирали безъ стоновъ, но съ ужасомъ въ глазахъ.

Покинутый семьей и родными, больной, Шунгуръ уже нѣсколько долгихъ дней и ночей лежалъ и ждалъ конца. „Все равно, умереть старику—порѣшили родные—куда тащить стараго, когда тайга хоронитъ молодыхъ. Пусть лучше умереть въ своей юртѣ“. И оставивъ ему немного сушеной рыбы и поотъ **) воды, двинулись въ сердце тайги,—къ Большимъ горамъ,—искать спасенія, а старый Шунгуръ остался умирать въ покинутомъ паулѣ. Шунгуру не разъ казалось, что среди глубокой ночи, когда только поютъ свои унылыя пѣсни сѣдые сосны да ели, кто-то подходилъ къ дверямъ юрты, стучалъ ногами о землю и хрипло шепталъ: — Минэй ***) , Шунгуръ! минэй, Шунгуръ!“.

Тогда Шунгуръ ложился внизъ лицомъ и съ замираніемъ ждалъ: вотъ-вотъ скрипнетъ дверь, влетитъ смерть и подниметъ свой ржавый отъ крови соарбъ ****) надъ сѣдой головою стараго Шунгура.

Нѣтъ, она уходила, а Шунгуръ, затаивъ дыханіе, лежалъ въ темномъ углу и прислушивался къ ея удаляющимся шагамъ...

„Умереть бы! Почему она ушла? — думалъ онъ, но острый ужасъ неизбѣжнаго конца охватывалъ душу стараго вогула и на морщинистомъ лбу выступалъ холодный потъ.

Шунгуръ не хотѣлъ умирать, ему хотѣлось хотя-бы дожить до весны, и въ послѣдній разъ взглянуть на пробудившуюся тайгу.

Онъ хорошо зналъ, что нѣтъ спасенія, нѣтъ

и слабого луча надежды, и готовъ былъ мириться со своей участью.

Ему вспомнилось: давно, еще мальчишкой, онъ заблудился въ горахъ. Напрасно старался онъ найти выходъ; напрасно метался въ разные стороны, — вездѣ его встрѣчали высокія горы, поросшія хмурыми елями. Онъ началъ кричать, молить о помощи, а эхо повторяло его слова, передразнивало и уносило куда-то далеко, далеко.

Маленькій Шунгуръ не зналъ чуткаго эха, не звѣрилъ въ него и старый Шунгуръ. Это злой Мейкъ *) дразнитъ человѣка и смѣется надъ его слезами.

Обезсиленный напрасными поисками выхода, мальчикъ приготовился умирать, и слезы отчаянія полились изъ его глазъ, а кругомъ, казалось, кто-то говорилъ и хохоталъ надъ его безсиліемъ.

Сжалились боги, не дали умереть маленькому Шунгуру, и вывели его изъ заколдованнаго круга горъ. Хотя его нашель и вывелъ не богъ, а его же отецъ, но Шунгуръ не сомнѣвался, что это сдѣлано по волѣ добрыхъ боговъ.

Такъ и сейчасъ, искалъ узкаго прохода покинутый старикъ и хотѣлъ еще пожить.

— Почему меня покинули?—плакался онъ.— Зачѣмъ бросили умирать одного? Развѣ я не заработалъ за все? Забыли стараго Шунгура.

Изъ-подъ покраснѣвшихъ вѣкъ старика капали одна за другою безсильныя, горькія слезы.

— Но когда-то давно... Когда молодой Шунгуръ билъ шубнаго отца **), кхонна ***) , много кхонна, бѣлку, лису черношерстку, соболь и другою звѣря, тогда Шунгура надо было. Тогда любили его и какъ амба глядѣли ему въ глаза...

А развѣ даромъ жилъ теперь старый Шунгуръ? Развѣ не ловилъ онъ недавно толстобрюхихъ налимовъ, усатаго осетра и не силить глухаря и звѣря?

Такъ жаловался и плакался Шунгуръ, пока не засыпалъ въ своемъ углу.

Никто не слышалъ его жалобъ, и даже волки не выли у дверей его юрточки.

Ни одинъ вздохъ, ни одинъ стонъ не вылеталъ на волю;—это была маленькая, очень маленькая тюрьма, безъ каменныхъ стѣнъ и желѣзныхъ рѣшетокъ...

*) Пауль —вогульское селеніе.
**) Поотъ—туяся, буракъ.
***) Минэй—идемъ, пойдемъ.
****) Соарбъ—топоръ.

*) Мейкъ—злой богъ вогуловъ.
**) Шубный отецъ—ласковое названіе медвѣдя.
***) Кхонна—олень.

Шунгуръ видѣлъ сонъ. Солнце начало всходить. Оно наполнило тайгу розовато-золотистымъ свѣтомъ и заиграло радугой на покрытой алмазными каплями росы травѣ. Золотистая пыль столбами поднялась до самыхъ верхушекъ сосенъ и свѣтло-желтыми пятнами легла на траву.

Костеръ потухъ и только утренній вѣтерокъ заставлялъ перебѣгать красивыми змѣйками по рыхлому налету сѣраго пепла еще непотухшіе огоньки.

Молодой Шунгуръ сидѣлъ и караулил кхонна. Затрещалъ валежникъ и изъ-подъ навѣса густыхъ вѣтвей выглянула фигура громаднаго оленя. Это былъ не простой кхонна, которыхъ Шунгуръ перебилъ столько, сколько длинныхъ иголокъ на верхушкѣ молодой сосенки, а кхонна съ золотыми рогами.

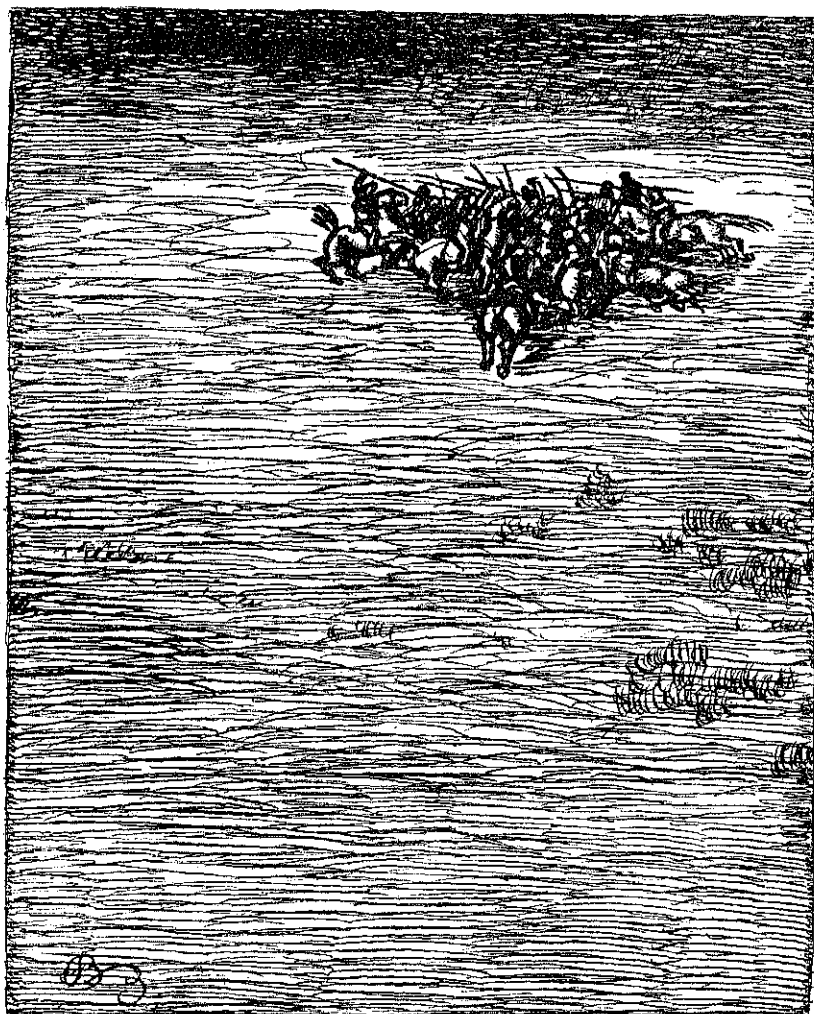
Шунгуръ натянулъ лукъ и готовился пустить стрѣлу, но кхонна исчезъ, и только трескъ сухого валежника говорилъ, что олень учуялъ врага и пустился въ бѣгство.

Когда тайга жила другой жизнью, когда тайга думала, что она—цѣлый міръ, а дальше, за тайгой, живутъ боги, тогда у всѣхъ кхонна были золотые рога.

Но, вдругъ изъ-за горъ явились чужіе люди... Заплакала тайга, застонали сосны, а кхонны съ золотыми рогами бѣжали въ царство Мейка, послѣдняго бога, который жилъ на землѣ. Мейкъ живетъ въ ссорѣ съ богами и хумомъ *). Онъ не забылъ, какъ великій шаманъ Ропса продалъ за желѣзный ножъ всѣ сокровища и даже чудесные глаза самого бога. Днемъ эти глаза были зелеными, какъ тайга, а ночью горѣли краснымъ огнемъ и были похожи на алую кровь еще трепещущей жертвы. Мейкъ хотѣлъ убить жаднаго Ропсу, но великій Нумъ **) спряталъ его подъ землей.

*) Хумъ—человѣкъ.

**) Нумъ—верховное божество въ вогульской мивологіи.

Тише и тише бѣжитъ усталый кхонна. Вотъ уже онъ совсѣмъ близко... Шунгуръ натягиваетъ лукъ и вкладываетъ стрѣлу, но... кхонна снова исчезъ; теперь не трещить и валежникъ. Запечалился Шунгуръ.

Вдругъ захрустѣли вѣтки, закачались верхушки сосенъ и въ чащѣ загремѣлъ голосъ страшнаго Мейка: „Кто смѣлъ бѣжать за моимъ кхонна! Какая старая баба натянула лукъ? Довольно съ васъ! Вы и такъ продали мои лучшіе глаза и вставили куда негодные камни. А теперь осмѣлились гоняться за моими кхонна. Я не знаю васъ. Вы старая баба съ толстобрюхимъ Нумомъ!“.

Шунгуръ проснулся. Долго не могъ прийти въ себя и, только увидѣвъ знакомыя стѣны курочки, удостовѣрился, что это былъ сонъ.

Онъ обрадовался...

ЦАРЕВИТЬЬ...
КОЗЛЕНОТЕКЪ

Несчастный, забытый всѣми старикъ хотѣлъ жить и, возможно, что только жажда жизни поддерживала его угасающій духъ.

Его все еще охватывала смутная надежда: вотъ придетъ сынъ, родные, наступитъ зима, онъ снова будетъ ставить самоловы и вытаскивать изъ-подо льда большихъ, неуклюжихъ налимовъ.

Въ такія минуты старый вогуль былъ счастливъ. Онъ зналъ, твердо зналъ, что не можетъ этого быть, но все-таки хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ такъ же, какъ и сомнѣвался.

Однако чаще и чаще слышались шаги, и шепотъ смерти становился болѣе грознымъ и настойчивымъ. Холодный вѣтеръ шумѣлъ надъ тайгой, осенній дождь безъ конца моросилъ изъ грязно-сѣрыхъ тучъ, которыя задернули небо и солнце. Птицы снялись изъ родныхъ лѣсовъ и

болотъ, стаями потянули къ югу, посылая послѣднее благословеніе роднымъ гнѣздамъ.

Шунгуръ умиралъ... Онъ примирился, не жаловался и притихъ.

Шунгуръ не боялся смерти, онъ хотѣлъ бы только смѣло встрѣтить ее лицомъ къ лицу, какъ страшнаго звѣря, и побороться съ ней.

Смерть для него была звѣремъ, и иначе онъ не могъ представить ее себѣ.

Шунгуру казалось, что смерть—большая птица съ громадными голыми крыльями, какъ у исполинской летучей мыши, съ медвѣжьей мордой и длинными черными когтями...

„Вотъ она... вотъ летитъ“ — шептала она.

Двери юрты съ шумомъ распахнулись и въ закопченныхъ косякахъ дверей, какъ въ рамѣ вырисовалась группа сосенъ, освѣщенныхъ грустнымъ, осеннимъ солнцемъ.

Это вѣтеръ, не она — успокоился Шунгуръ.

А это что зеленѣетъ? Это сосны... тайга...

Что-то проснулось и забилося, какъ попавшая въ силки птица внутри стараго таежника.

— Пойду, пойду—прошептала онъ, не отрываясь отъ зеленого кусочка тайги.

Выбрался изъ юрты и уползъ въ тайгу, которая кормила и наказывала его.

Шунгуръ родился и умеръ подъ шепотъ тайги, подъ стволами лохматыхъ елей. Кругомъ его боязливо бродили волки, они не тронули Шунгура до тѣхъ поръ, пока послѣдній вздохъ не вылетѣлъ изъ слабой груди старика.

Когда въ тайгу спустилась бѣлокрылая тѣли *) и запѣлъ холодный сиверко **), возвратился пымъ ***) и родные Шунгура, но они не нашли его въ юртѣ.

Онъ ушелъ туда, откуда никто не приходитъ.

Видно замерзъ гдѣ-нибудь, а можетъ и волки слопали—спокойно порѣшили родные. Только маленькая ючо ****) Зипъ продолжала вѣрить, что дѣдъ не умеръ, а живетъ гдѣ-то далеко, далеко и ловить налимовъ.

М. Плотниковъ.

*) Тѣли—зима.

**) Сиверко—сѣверный вѣтеръ.

***) Пымъ—сынъ.

****) Ючо—внучка.

Чудеса Великаго Альбрехта.

Новелла Бориса Верхоустиноваго.

Вильгельмъ Голландскій, императоръ Германіи, прослышавъ о чудесахъ Альбрехта Великаго, мужа высокаго разума и чародѣя, отправился зимой съ пышной свитой въ Кельнъ къ нему на поклонъ.

— Добро пожаловать!—привѣтствовала Альбрехтъ, встрѣчая гостя у монастырскихъ воротъ. Онъ былъ одѣтъ въ простую черную рясу, стянутую широкимъ ремнемъ изъ кожи буйвола; его глаза, глубоко сидящіе въ глазницахъ, горѣли тѣмъ прекраснымъ огнемъ, которымъ обладаютъ лишь души избранныхъ.

Императоръ соскочилъ съ коня и передалъ возжи оруженосцу. Рыцари, сопровождавшіе Вильгельма, послѣдовали его примѣру. Альбрехтъ, поздоровавшись съ императоромъ, обратился къ оруженосцамъ и конюхамъ съ такими, не мало изумившими ихъ, словами:

— Ступайте, добрые люди, въ монастырь, тамъ вамъ приготовлены вино и закуска; о коняхъ же не заботьтесь, они найдутъ дорогу.

Сами собой повода выпали изъ рукъ, а кони длинною вереницей, фыркая и со страхомъ взирая на Альбрехта, прошли мимо императора и скрылись за монастырскими воротами.

— Что ты сдѣлалъ съ ними, мудрый Альбрехтъ? Какъ очаровалъ? Мой Дьяволъ слушается только меня и моего оруженосца, а теперь онъ покорно подчинился твоему взгляду.

— Если человекъ захочетъ,—отвѣтилъ Альбрехтъ,—то стрѣла, летящая къ орлу, въ воздухъ измѣнитъ свой полетъ. И если ты всей силой своего дыханія возмечтаешь о гибели врага, онъ будетъ пораженъ, какъ громомъ.

— Да, это вѣрно!—сказалъ юный саксонскій герцогъ.—Я слышалъ про такіе молотки, отъ удара которыми по гвоздю врагъ проваливается въ землю.

— Я тоже слышалъ!—замѣтилъ сѣдой маркграфъ бранденбургскій, — но, говорятъ, ихъ имѣли лишь Старцы Горы въ Сарацини, нынѣ же они похищены невѣдомо кѣмъ.

— Имя ему молотокъ Закіэля!—ласково отозвался Альбрехтъ, вводя гостей за монастырскія ворота.—Но не молотокъ обладаетъ магической силой, а упорная воля произносящаго заклинаніе.

— Кто идетъ?—вдругъ загремѣлъ изъ стожки привратника свирѣпый голосъ.

— Не изумляйтесь, славные рыцари,—спокойно обратился Альбрехтъ къ императорской свитѣ,—сейчасъ выйдетъ желѣзный человекъ.

У него нѣтъ души, но я сдѣлалъ ему отчетливый голосъ.

— Кто идетъ?—раздалось вторично, и затѣмъ изъ будки вышелъ гигантскій автоматъ съ сѣкирою, которой онъ свирѣпо размахивалъ. Его ноги были обуты въ ботфорты, онъ былъ одѣтъ въ камзолъ изъ краснаго бархата, а на его головѣ покоилась широкополая шляпа съ лебяжимъ перомъ.

— „Спаси, Господи!“ — пронеслось среди ошеломленной диковиннымъ зрѣлищемъ толпы, но Альбрехтъ величественно приказалъ желѣзному чудовищу скрыться, и оно съ глухимъ рычаніемъ исчезло въ своей будкѣ.

— Если бы я не зналъ твоихъ богословскихъ трудовъ, я бы назвалъ тебя продавшимся Вельзевулу!—не глядя на Альбрехта, сказала императоръ германскій. Великій ученый прискорбно вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ именитому гостю.

Въ это время къ учителю подошелъ его ученикъ, Томасъ де-Кантипре, славный переводчикъ твореній Аристотеля. Онъ весьма изысканно поклонился прибывшимъ за монастырскую ограду и преподнесъ императору метафизику Аристотеля въ переложеніи на швабское нарѣчіе, съ подробными толкованіями. Надъ перепискою этой книги трудилась семь искусныхъ переписчиковъ въ теченіи тридцати трехъ сутокъ.

Императоръ былъ отменно доволенъ подаркомъ и тутъ же повелѣлъ сдѣлать щедрый взносъ отъ своего имени въ монастырскую казну.

— Великій Альбрехтъ!—спросилъ престарѣлый маркграфъ бранденбургскій.—Вѣришь ли ты ученію Зороастра, что душа міра—огонь, и что огонь есть истинный предтеча драгоцѣннаго золота?

— Я вѣрю, что природа вещей едина!—отвѣтилъ Альбрехтъ, открывая передъ гостями дверь въ высокое каменное зданіе съ латинской надписью на порталѣ: „Здѣсь плѣнники Разума“.

Рыцари стряхнули съ ногъ комья прилипшаго снѣга и прошли за Альбрехтомъ. То, что предстало передъ ихъ глазами, было волшебное и таинственно. Обширная комната съ голыми стѣнами, обильно освѣщенная свѣтомъ, проникающимъ черезъ высокія окна съ разноцвѣтными стеклами, была наполнена существами необычайными. По потолку ползала огромный паукъ; его туловище, равное человѣческому, было покрыто лохматою шерстью, а шесть проворныхъ лапокъ скользили по хо-

подному камню, гремя желѣзомъ, изъ котораго онѣ были сдѣланы. Красные глаза паука иногда темнѣли, иногда становились почти прозрачными, и выжидающе взглядывали на Альбрехта.

— Сплети мнѣ коверъ, достойный искуснѣйшей изъ дочерей Востока!—воскликнулъ Альбрехтъ, ударя кулакомъ по стѣнѣ, какъ бы для того, чтобы угрозой подкрѣпить свое приказаніе. Паукъ, точно выведенный изъ оцѣпененія, началъ съ головокружительной быстротой перебѣгать отъ одного конца потолка къ другому. Послѣ каждаго его движенія на потолкѣ оставались толстыя золотыя, серебряныя, черныя, бѣлыя, красныя, зеленыя и оранжевыя нити, черезъ небольшой промежутокъ времени составившія дивный узоръ, за которымъ скрылся волшебный паукъ.

Рисунокъ, созданный шестиногимъ чудовищемъ, изображалъ пріѣздъ царицы Савской къ царю іудейскому Соломону. Тутъ были золотыя верблюды и золотыя слоны,—черныхъ невольниковъ паукъ соткалъ изъ чернаго шелка, а лица и упругія груди царицы—изъ бѣлаго шелка; кудри дѣвственницы были золотыя, но ея платье сверкало серебряными нитями. И небо было—голубое и прекрасное, и солнце было—золотое и яркое, и былъ дворецъ Соломона, и самъ Соломонъ стоялъ на ступеняхъ своего чертога въ одеждѣ первосвященника.

— Здравствуй, Альбрехтъ—неожиданно пронесла въ углу комнаты серебряная голова съ мѣднымъ языкомъ, съ лошадиными волосами и съ жемчужными глазами.

— Здравствуй, Альбрехтъ!—засмѣялась птица, подобная скворцу, вылетая изъ-подъ ковра и кружась надъ головою чародѣя.

— Здравствуй, Альбрехтъ!—заговорилъ гномъ въ красномъ колпачкѣ, вылѣзая изъ деревяннаго ящика, въ которомъ онъ сидѣлъ.

— *Exurge Domine!*—прошепталъ Вильгельмъ Голландскій, хватаясь за мечъ, но Альбрехтъ ударилъ ладонью по стѣнѣ, и видѣнія замолкли. Только птица, подобная скворцу, продолжала летать вокругъ головы Альбрехта, прося: „хлѣбца, хлѣбца!“ Альбрехтъ посадилъ ее къ себѣ на плечо и повелъ гостей въ слѣдующую комнату.

Тамъ ихъ встрѣтило плѣненное море. Казалось, они попали на дно океана. Рядомъ съ рыцарями, въ синеватыхъ струяхъ плескались всевозможныя рыбы—и въ нѣсколько локтей длиною, и мелкія, какъ золотыя монеты; по дну же, поросшему мхомъ и необыкновенными, вызывающими изумленіе, водорослями, ползали крабы, водяныя змѣи, и тамъ лежали многоцвѣтныя раковины и полупрозрачныя существа,

про которыя нельзя было опредѣленно сказать—существа ли они, одушевлены ли божественнымъ Деміургомъ, есть ли искра сознанія въ ихъ необыкновенныхъ тѣлахъ.

— Здравствуй, Альбрехтъ!—засмѣялась птица, подобная скворцу, на плечѣ ученаго. Тотъ повелительно крикнулъ на какомъ-то неизвѣстномъ императору нарѣчій, и, какъ по волшебству, морское дно озарилось ослѣпительнымъ свѣтомъ; передъ самымъ императоромъ очутилась сирена, съ головой и туловищемъ прекраснѣйшей изъ дѣвъ, но съ золотымъ чешуйчатымъ хвостомъ. Императоръ потянулся къ ея ноготѣ, красота сирены заставила его трепетать, но пальцы Вильгельма встрѣтились со стекломъ. Онъ сурово взглянулъ на чародѣя, и уже собирался дерзко потребовать водяную красавицу себѣ въ подарокъ, какъ вдругъ свѣтъ погасъ. „Идите за мной!“—послышался въ темнотѣ голосъ Альбрехта. „Идите за мной!“—закричала птица.

Гости вступили въ цвѣтущій садъ, ароматъ котораго опьянялъ, какъ доброе вино. Розы бѣлыя, словно предвѣчная истина; розы красныя, точно кровь Спасителя; розы желтыя, какъ глаза влюбленной тигрицы; и стыдливыя фіалки, похожія на скромныхъ дѣвушекъ; и резеда, задыхающаяся въ нѣгѣ, и гвоздика, и тысячи другихъ цвѣтовъ наполняли садъ волшебника. Въ одномъ углу блестѣло золото лепестковъ, въ другомъ—сіяло серебро стволонъ, въ третьемъ—чернѣли, какъ брови Смерти, мрачные цвѣты. И все цвѣло, и все благоухало, хотя надъ Европой властвовала зима.

Альбрехтъ сорвалъ нѣсколько розъ и роздалъ гостямъ на память о посѣщеніи монастыря.

— Поистинѣ ты великъ, мудрый Альбрехтъ!—воскликнулъ Вильгельмъ, но голосъ его былъ слишкомъ грубъ для похвалы. Птица, подобная скворцу, сорвалась съ плеча ученаго и улетѣла на розовый кустъ, къ другимъ птицамъ, распѣвавшимъ на разные лады въ чудесномъ саду.

Тогда Альбрехтъ, не отвѣтивъ на похвалу императора, толкнулъ ногою дверь и вывелъ гостей изъ сада въ свою рабочую комнату, гдѣ стояли круглый дубовый столъ и кресло, обитое сафьяномъ, а вдоль стѣнъ возвышались полки съ сотнями фолиантовъ. Въ этомъ уединеніи царилъ мертвая тишина: шумъ городской жизни не проникалъ черезъ толстыя стѣны.

— Здѣсь миръ!—вздыхнулъ Альбрехтъ,—и всюду, гдѣ я поселюсь, поселится эта тишина. Въ Гильдесгеймѣ, въ Фрейбургѣ, въ Ре-

генсбургъ, въ Страсбургъ—она была моею неразлучною подругой.

— Да, тебѣ, Альбрехтъ, необходимъ покой!—воскликнулъ маркграфъ Бранденбургскій,—ты вмѣстилъ всю человѣческую мудрость. Твоя жизнь—мечъ, который куется въ подземельѣ, ты имъ поразишь злобу сего міра.

— Такъ!—улыбнулся Альбрехтъ,—но если бы вы знали, друзья, какъ хорошо было въ веселой Болоньи, когда я былъ молодъ и когда я шумно пирувалъ. Я тогда любилъ одну знатную даму, и каждую ночь съ опасностью для жизни лазалъ въ ея окно за радостью.

— Учитель!—сказалъ Де-Кантипре,—наступилъ часъ 25-ой книги о животныхъ. Изволи-те сегодня продолжать?

Императоръ понялъ, что дальнѣйшее пребы-

ваніе у Альбрехта помѣшаетъ занятіямъ ученаго, и, милостиво простившись, удалился со свитою изъ монастыря, а Альбрехтъ, сгорбившись въ своемъ креслѣ, остался дописывать 25-ую книгу о животныхъ. Тишина вновь его окружила, лишь далеко-далеко слышался не то шорохъ крысъ, не то вкрадчивые шаги Смерти.

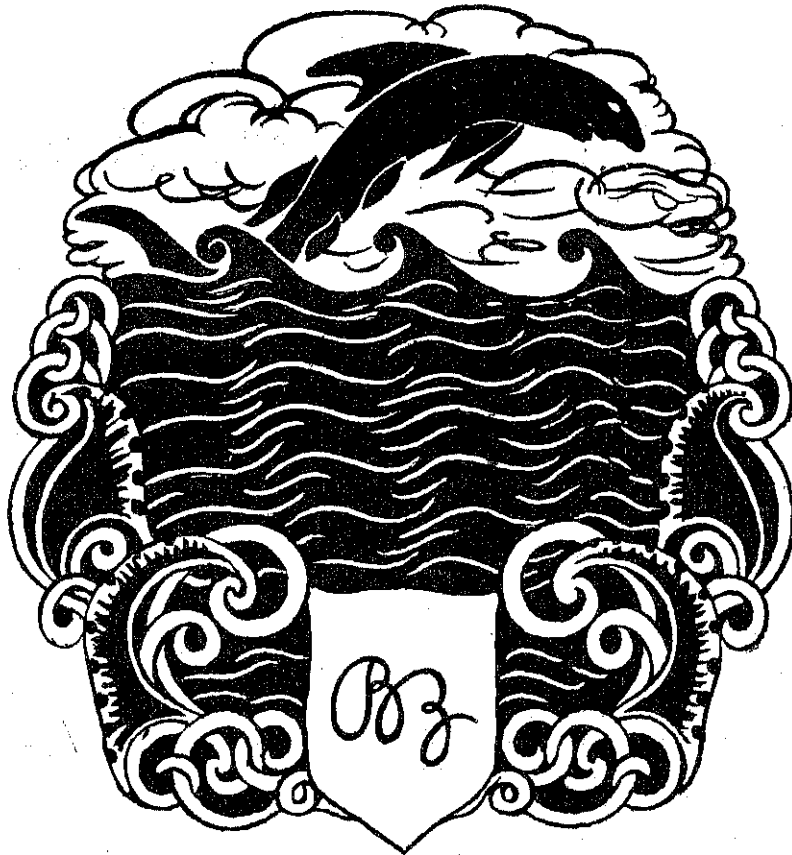
—
Когда же императоръ покидалъ монастырь, одинъ бѣлокурый пажъ засмѣялся.

— Что ты?—спросилъ его другой пажъ.

— Какъ мнѣ жаль Великаго Альбрехта!—отвѣтилъ бѣлокурый пажъ:—Чудеса приковали его къ стѣнѣ, какъ колодника.

И, вскочивъ на сѣдло, понесся за императоромъ.

Борисъ Верхоустинскій.

Битва.

Фантастическій разсказъ Рони Старшаго.

Переводъ Андрея Кратова.

Посвящается Фредеру Нефвиллю.

Австро-Венгрія переживала самый страшный кризисъ, какого ей не приходилось испытывать въ новыя времена.

Правда, Германія, занятая политической борьбой, допустила молодого императора безпрепятственно занять древній тронъ Габсбурговъ. Но теперь, послѣ роспуска оппозиціи, и имѣя военные кредиты уже вотированными, Вильгельмъ III слѣдилъ за событіями.

Эти событія представлялись въ ужасномъ видѣ. Славяне возмущались открыто и такъ рѣшительно, что министры колебались дѣлать распоряженія, дабы не вызвать гражданской войны. Венгрія, готовая тѣсно соединиться съ Австріей для репрессій, предъявляла такія требованія, что если бы они были приняты, то обезпечивали бы ей перевѣсъ въ имперіи. Армія при этомъ не была надежной. Можно было ждать неповиновенія не только среди славянскихъ солдатъ, но и среди офицеровъ. Затѣмъ и несчастное дѣло о сирійскихъ соглашеніяхъ принимало угрожающій характеръ.

Втайнѣ поощряемая Германіей, Турція проявляла непримиримость, даже грубость. Она отказалась возмѣститъ убытки и очень неохотно принимала мѣры противъ вожаковъ. Султанъ Мурадъ-Ханъ VI тайно отдалъ приказъ о мобилизаціи, полный вѣры въ свой главный штабъ, въ новое вооруженіе своихъ войскъ и въ слабость Австро-Венгріи. Что касается Россіи, то она въ этотъ моментъ готовилась къ столкновенію на Дальнемъ Востокѣ съ Японіей, союзницей Китая.

Словомъ, по общепринятому въ концѣ двадцатаго вѣка выраженію, близился поворотъ исторіи. Франція употребляла отчаянныя усилія, чтобы заставить Турцію пойти на уступки. Италія колебалась. Англія и Соединенные Штаты выжидали событий, будучи увѣренными, что всеобщій пожаръ на европейскомъ материкѣ слѣдуетъ ихъ судьями (и сколь заинтересованными!) въ судьбѣ земли.

Въ послѣднихъ числахъ іюня наступило успокоеніе. Въ славянской революціи произошла какъ бы пріостановка. Турція казалась готовой на уступки. Китай, Японія и Россія удовлетворялись ультиматумами. Въ виду этого Европа была крайне поражена, когда узнала утромъ 29 іюня, что между Австро-Венгерской имперіей и Высокой Портой прерваны всякія сношенія. Причиной этого былъ живой споръ между

султаномъ и графомъ фонъ-Блауэнбергомъ. Султанъ не ударилъ графа вѣромъ, но отпустилъ его такъ грубо, что не оставалось другого исхода, кромѣ извиненій или войны, а въ извиненіяхъ было отказано.

Это былъ жестокой ударъ для французской дипломатіи. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ хорошо зналъ, что если австрійскія арміи потерпятъ существенное пораженіе, то Германія не преминетъ вмѣшаться въ войну, и это вмѣшательство приведетъ къ усиленію Германіи. Во избѣжаніе подобнаго исхода, казалось возможнымъ только одно — франко-германская война. Рѣшившись на нее, Франція ставила на карту свое будущее. Отказавшись отъ нея, она силой естественнаго хода вещей переходила во второй и даже третій разрядъ націй.

Въ ожиданіи совѣта, который долженъ былъ собраться послѣ полудня, г. Війяръ лихорадочно пробѣгалъ телеграммы. Онъ живо чувствовалъ трагизмъ положенія. Всякое дѣйствіе въ настоящей моментъ было напрасно. Оставалось только ждать въ полной вооруженной готовности. Мудрое рѣшеніе могло бы быть подсказано только событіями. Если Австро-Венгрія побѣдитъ, то девять шансовъ на десять было за то, что Германія будетъ держаться мирно. Если же Австрія будетъ побѣждена и Германія вмѣшается въ войну, то надо будетъ начать дѣйствовать съ большимъ рискомъ.

Покуда министръ размышлялъ объ этихъ вещахъ, вошедшій курьеръ передалъ ему карточку, на которой онъ разсѣянно прочелъ: „Мюриэль и Дельстанъ, директора Института Беккерель-Кюри“.

Въ это время, Институтъ Беккерель-Кюри былъ не только однимъ изъ славнѣйшихъ учрежденій Франціи, но и положительной ея силой. Посредствомъ оказанныхъ человѣчеству услугъ и посредствомъ открытій, важныхъ съ одной стороны для публики, а съ другой — для отечественной обороны, г.г. Мюриэль, Дельстанъ и ихъ достойные удивленія сотрудники сумѣли, вопреки или благодаря своему безкорыстию и пренебреженію къ почестямъ, создать себѣ привилегированное положеніе. Въ виду этого, г. Війяръ принялъ обоихъ ученыхъ съ большимъ почтеніемъ.

Г. Мюриэль, старикъ, съ лицомъ аскета, и г. Дельстанъ, солидный человекъ, лѣтъ сорока, фізіономія котораго была бы незначительна,

если бы не блескъ, сила и мягкость его взгляда, прямо приступили къ предмету, вызвавшему ихъ посѣщеніе.

— Г. министръ,—началъ г. Мюриэль съ приступившей ему простотой,—мы хотимъ поговорить съ вами о войнѣ, которая только что объявлена между Австріей и Турціей. Я полагаю, что мы имѣемъ возможность оказать услуги, которыя могли бы принести пользу Франціи.

Такъ какъ г. Війяръ съ удивленіемъ пристально на него взглянулъ, г. Дельстанъ сказалъ въ свою очередь:

— Мы имѣемъ основаніе думать, что мы можемъ дать нѣкоторое преимущество той арміи, побѣда которой была бы благоприятна для нашей страны... Вотъ уже два года, какъ мы работаемъ надъ усовершенствованіемъ приборовъ, которые, несомнѣнно, окажутъ вліяніе на будущія войны. Мы хотѣли бы примѣнить ихъ въ текущей войнѣ.

Г. Війяръ насторожился. Онъ раздѣлялъ довѣріе націи къ этимъ ученымъ, такимъ скромнымъ и умѣреннымъ, и, немного взволнованный, спросилъ:

— Долженъ ли я понять, господа, что вы изобрѣли снаряды или такія вещи, которыя можно было бы использовать на полѣ битвы?

— Мы скорѣе усовершенствовали нѣкоторый методъ,—отвѣтилъ г. Мюриэль,—а для этого, естественно, намъ надо было создать новые приборы... Наши опыты вполне опредѣленны въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ мы могли ихъ предпринять. Всѣ наши вычисленія позволяютъ намъ предвидѣть, что эти опыты будутъ такъ же успѣшны и при болѣе значительномъ масштабѣ. Посему мы были бы вамъ благодарны, если бы вы намъ сказали, что не видите ничего неудобнаго въ томъ, чтобы г. Дельстанъ съ отрядомъ нашихъ сотрудниковъ и избранныхъ рабочихъ отправился предложить свои услуги австрійскому правительству.

Г. Війяръ почувствовалъ, что ученые не желаютъ обнаружить, хотя бы косвенно, характеръ своего „метода“ и, несмотря на все свое любопытство, не настаивалъ. Съ дипломатической предосторожностью онъ ограничился слѣдующимъ отвѣтомъ:

— Индивидуально и въ качествѣ членовъ Института Беккерель-Кюри вы, господа, свободны дѣлать все, что вы хотите...

— Безъ сомнѣнія,—возразилъ г. Дельстанъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.—Мы не просимъ у васъ позволенія, котораго вы намъ дать не можете. Отъ министра иностранныхъ дѣлъ мы домогаемся лишь совѣта, самаго оффиціального совѣта... и вы должны понять, что все остается въ тайнѣ.

Г. Війяръ на минуту поколебался, потомъ его чувства государственнаго человѣка и патриота одержали верхъ надъ его дипломатической осторожностью, и онъ отвѣтилъ:

— Франція имѣетъ высочайшій интересъ въ томъ, чтобы въ этой войнѣ побѣдила Австрія.

— Это все, что мы хотѣли знать,—сказалъ г. Мюриэль и поднялся, чтобы попрощаться.

— Разсчитываете ли вы серьезно на успѣхъ?—воскликнулъ министръ.

— Теорія вѣроятностей даетъ намъ почти увѣренность,—отвѣтилъ ученый.

Г. Війяръ посмотрѣлъ, какъ они выходили, и когда они исчезли изъ виду, его довѣріе къ нимъ испарилось. Онъ подумалъ, что странно, что величайшіе ученые и самые искусные изобрѣтатели стараются найти новый снарядъ для войны.

II.

Австро-Венгрія до послѣдняго момента не вѣрила въ войну. Хотя уже были предначертаны нѣкоторыя передвиженія войскъ, приняты самыя общія мѣры и приготовлены приказы о мобилизаціи, но въ рѣшительный день было много безпорядка и несоотвѣствія въ дѣйствіяхъ военнаго министерства и главнаго штаба. Священная имперія производила такое впечатлѣніе, что почти не была готова къ великой войнѣ. Открытое несогласіе, царившее между генералами, и броженіе среди славянскихъ элементовъ еще увеличивали замѣшательство.

Молодой Фердинандъ Карлъ, преисполненный доброй воли въ такой же мѣрѣ, какъ и неопытности, пытался вмѣшаться въ дѣло и въ итогѣ скорѣе достигалъ опасныхъ результатовъ. Однако, послѣ недѣли стараній удалось предоставить около трехсотъ тысячъ человѣкъ въ распоряженіе главнокомандующаго графа Августа фонъ-Эбергардта, человѣка уже стараго, самоувѣреннаго и безразсуднаго, который рѣшилъ, что врага, котораго онъ глубоко презиралъ, можно скоро сразить смѣлымъ натискомъ. Онъ двинулъ армію черезъ Боснію и Герцеговину, и къ концу іюля перешелъ турецкую границу съ двумястами слишкомъ тысячъ человѣкъ; остальные должны были скоро послѣдовать туда же.

Между тѣмъ, какъ Австро-Венгрія находилась въ безпорядкѣ и неопредѣленности, Высокая Порта, или скорѣе турецкій генералиссимусъ, натурализованный нѣмецъ, одаренной почти гениальными военными качествами и имѣя при себѣ главный штабъ, состоящій въ большей своей части также изъ германскихъ элементовъ, постепенно подготавливалъ свою кампанію.

За пять недѣль до объявленія войны всѣ главныя распоряженія уже были сдѣланы. Черезъ нѣсколько дней Лауфсъ-паша имѣлъ подъ своимъ началомъ болѣе двухсотъ пятидесяти тысячъ человекъ, которыхъ онъ направлялъ изъ ихъ обычныхъ стоянокъ къ западной границѣ.

Въ моментъ, когда императорскія войска ворвались на турецкую территорию, Лауфсъ-паша имѣлъ возможность противопоставить имъ силы, гораздо болѣе многочисленныя. Кромѣ того, турецкое вооруженіе, особенно артиллерія, было лучше. Наконецъ, главный штабъ Лауфсъ-паши былъ наивысшаго качества, хотя заключалъ въ себѣ нѣсколько туземныхъ пашей, совершенно ничтожныхъ, привыкшихъ къ пассивному выжиданію. Впрочемъ, среди нихъ старый любимецъ Султана Солейманъ-паша былъ грубъ, жестокъ и полонъ предрасудковъ старой Турціи, но полонъ также ретроградныхъ военныхъ инстинктовъ и завоевательныхъ вождедѣній арабовъ и туранцевъ.

Въ первыхъ числахъ августа обѣ арміи встрѣтились. Раздѣлявшее ихъ разстояніе было еще слишкомъ велико, чтобы начать битву, но достаточно было короткаго перехода, чтобы артиллерія могла уже начать великую дуэль.

Нѣсколько авангардныхъ сраженій были въ итогѣ выгодны для турокъ и, по мнѣнію компетентныхъ людей, подготовлявшаяся большая битва должна была почти навѣрно упрочить эти маленькія побѣды.

Обѣ арміи занимали обширное пространство. Однако австрійскія войска были гораздо менѣе развернуты, чѣмъ войска противника, и фронтъ ихъ былъ менѣе великъ. Согласно новымъ правиламъ, Лауфсъ-паша широко раздвинулъ свои линіи. Дѣйствительно его правый и лѣвый флангъ старались окружить фланги австрійцевъ. Зная характеръ Эбергардта, онъ ждалъ нападенія и всѣ его распоряженія клонились къ тому, чтобы начать битву въ позиціи оборонительной и окончить ее наступательно.

Съ той и съ другой стороны свѣдѣнія относительно положенія противника были довольно точны. Воздухоплаваніе было еще въ зачаточномъ состояніи, однако оно уже совершенно замѣнило кавалерію въ развѣдочной службѣ, такъ какъ война 1916 года уже окончательно доказала, что сухимъ путемъ никакія развѣдки не были болѣе возможны. Если кавалеристы, велосипедисты и автомобилисты приближались настолько, чтобы дать себѣ хотя неясный отчетъ въ состояніи непріятельскихъ силъ, ихъ сейчасъ же расстрѣливали. Значитъ, надо было замѣнить чѣмъ-либо этотъ методъ развѣдки, сдѣлавшійся доисторическимъ. Турки и австро-венгры имѣли свои флотиліи дирижаблей и

аэроплановъ. Послѣдніе, будучи болѣе быстрыми и защищенными отъ капризовъ моторовъ, служили для быстрыхъ набѣговъ. Обѣ системы при случаѣ могли сражаться или между собой, или противъ пѣшихъ войскъ. Аэростаты открывали возможность для артиллерійскаго огня, съ аэроплановъ бросали взрывчатые снаряды или сражались посредствомъ ружей и револьверовъ. До сихъ поръ воздушная борьба была немного благоприятна для австро-венгерцевъ, несмотря на нѣкоторое численное превосходство противника. Три турецкихъ аэроплана и два ихъ дирижабля были захвачены и выведены изъ строя.

Пятаго августа, къ концу дня, фельдмаршалъ фонъ-Эбергардтъ собралъ свой главный штабъ. Несмотря на свой оптимизмъ и безразсудный темпераментъ, онъ былъ безпокоенъ. Свѣдѣнія развѣдчиковъ говорили ему, что турецкая армія находится на хрощемъ мѣстѣ, хорошо вооружена и превосходитъ противника численностью. Дѣйствовать непрямоудно не было въ его натурѣ. Онъ сообщилъ всѣ полученныя имъ свѣдѣнія и сдѣлалъ выводъ, что одержать побѣду надъ врагомъ можно только при быстромъ наступленіи. Нѣкоторые офицеры одобрили это. Другіе молчали; нѣкоторые критиковали вѣжливо, но настойчиво, установленныя позиціи. Главнымъ возражателемъ былъ графъ Зрини, пользовавшійся за границей славой самаго искуснаго изъ австро-венгерскихъ генераловъ.

— Если мы начнемъ битву при данныхъ условіяхъ—закончилъ онъ, мы будемъ окружены черезъ нѣсколько часовъ... и мы должны будемъ считать себя счастливыми, если оставимъ въ рукахъ врага только половину арміи. Австро-венгерская армія имѣетъ такой видъ, точно она сгруппирована для капитуляціи.

При этихъ словахъ генералиссимусъ вздрогнулъ, блѣдный отъ холодной ярости.

Это былъ маленькій толстый человекъ, нервный, энергичный до жестокости, съ лицомъ Суворова, съ мистическими глазами, съ жесткимъ ртомъ, съ энергичной и короткой рѣчью. Онъ поднялъ свою волосатую руку и сказалъ:

— Капитуляція, если мы не исполнимъ своего долга! Блестящая побѣда, если мы выкажемъ энергію и необходимую активность!

— Простите, ваше сіятельство, — тихо возразилъ Зрини, — но здѣсь дѣло не въ активности и не въ энергіи. Я, конечно, разумѣю, что мы всѣ исполнимъ свой долгъ и сумѣемъ умереть безъ слабости. Но одно изъ двухъ: или мы идемъ на врага, и тогда мы подвергнемся разгрому, разсказъ о которомъ возбуждаетъ жалость даже въ нашихъ злѣйшихъ врадахъ; или мы ожидаемъ нападенія и тогда не-

избѣжно, что мы будемъ окружены. Ваше сіятельство знаетъ, что мы отнюдь не можемъ рассчитывать на штыковой бой!

Эбергардъ въ бѣшенствѣ кусалъ усы. Въ глубинѣ души, подѣ влияніемъ непобѣдимыхъ инстинктовъ и по атавизму, унаследованному отъ цѣлаго ряда военныхъ предковъ, онъ питалъ глухое довѣріе только къ непосредственной схваткѣ солдатъ. Съ другой стороны, при всей своей посредственности въ качествѣ генералиссимуса, онъ сознавалъ, насколько разрушительна сила новыхъ вооруженій. Онъ спросилъ глухо:

— А что надо дѣлать по вашему?

Графъ Зрини на минуту поколебался. Затѣмъ, немного блѣдный, пониженнымъ голосомъ, но съ большой твердостью сказалъ:

— Мы погибли, если въ эту же ночь вы не прикажете отступить...

— Это—пораженіе... это—позоръ,—пробормоталъ Эбергардъ.

— Это—спасеніе. Мы можемъ занять въ семи верстахъ отсюда назадъ превосходное для обороны поле сраженія, откуда турки никогда насъ не смогутъ вытѣснить. Тамъ мы будемъ ожидать подкрѣпленій. Наше теперешнее худшее положеніе зависитъ только отъ немного медленной мобилизаціи. Но Австро-Венгрія гораздо болѣе могущественный резервуаръ людей, чѣмъ Турція. Въ конечномъ итогѣ у насъ будетъ превосходство въ численности...

— А если насъ атакуютъ во время отступления?

— Если отступление хорошо задумано и выполнено, непріятель въ крайнемъ случаѣ можетъ насъ только беспокоить, и притомъ съ большой опасностью для себя!

— Но вы оставляете безъ вниманія мораль-

ный эффектъ!—горько замѣтилъ главнокомандующій... Отступление неизбежно будетъ похоже на пораженіе...

— Безъ сомнѣнія,—пробормоталъ Зрини,— и только объ этомъ я беспокоюсь. Но можно ли уравнивать это беспокойство, хотя бы сильное, неизбежной катастрофой?

Наступило молчаніе. Всѣ члены главнаго штаба, даже наиболѣе оптимистически настроенные, были омрачены заявленіемъ графа, котораго каждый считалъ искуснымъ солдатомъ и человѣкомъ неподкупной честности. Если онъ совѣтуетъ отступление, это значитъ, что у него имѣются основательныя причины!

Въ моментъ, когда главнокомандующій хотѣлъ снова заговорить, въ дверь зала, гдѣ заѣдалъ совѣтъ, постучали.

Эбергардъ нахмурилъ брови и сказалъ:

— Господа, должно быть, есть новости.

Въ открытой двери увидѣли два силуэта. Одинъ былъ начальникомъ аэростатовъ, а въ другомъ, одѣтомъ въ штатскомъ, генераль узналъ г. Дельстана, делегата Института Беккерель-Кюри. Эбергардтъ принялъ ученаго и его сотрудниковъ съ крайнимъ недоверіемъ и съ нѣкотораго рода антипатіей. Онъ совершенно не вѣрилъ въ этихъ „лабораторныхъ крысъ“. Онъ полагалъ, что военными вопросами, идетъ ли рѣчь о снарядахъ, веществахъ или методахъ, должна заниматься одна армія. Понадобилось нарочитое настояніе императора и военнаго министра, чтобы онъ помогъ г. Дельстану въ его миссии.

Однако, въ этотъ вечеръ, озабоченный своей страшной отвѣтственностью передъ страной и исторіей, онъ почувствовалъ при видѣ изобрѣтателя, какъ бы нѣкоторый проблескъ надежды. Рапортъ начальника аэростатовъ увеличилъ это настроеніе. Дѣйствительно, онъ заявилъ, что крайнее правое турецкое крыло продвинулось впередъ. Каждый понялъ важность этого сообщенія, и лица покрылись тѣнью. Но Эбергардтъ, отпустивъ начальника аэростатовъ, обратился къ г. Дельстану и спросилъ его почти сердечнымъ тономъ:

— Имѣете ли вы для насъ какія нибудь сообщенія?

— Да — отвѣтилъ г. Дельстанъ. — Наши приборы готовы... Они могутъ начать свое дѣйствіе даже сегодня ночью.

— И вы надѣетесь получить удачный результатъ? — воскликнулъ маршалъ съ жаромъ, смѣшаннымъ съ недоверіемъ.

— Надѣюсь, — отвѣтилъ Дельстанъ твердымъ голосомъ. — Человѣческія дѣла, какъ бы хорошо они ни были рассчитаны, подвержены сомнѣніямъ. Но я имѣю серьезныя причины полагать, что наше содѣйствіе не будетъ недѣйствительнымъ.

Острое волненіе и непреоборимый инстинктъ чудеснаго охватили эти бѣлые и сѣдые головы. Особенно глубоко взволнованы были тѣ, кто зналъ, какъ осторожны были ученые изъ Института Беккерель-Кюри въ обѣщаніи чего бы то ни было безъ почти полной увѣренности.

— Хорошо! Хорошо! — сказалъ генералиссимусъ, зараженный волненіемъ всего собранія. — И что же я могу для васъ сдѣлать?

— Для насъ, — сказалъ химикъ тихо. — Я полагаю, что мы обезпечены отъ неожиданностей, благодаря предоставленнымъ намъ вами многочисленнымъ карауламъ. Наша частная служба аэростатовъ не указала намъ близости ни одной турецкой группы... Значитъ, все говорить за то, что у насъ будетъ время для дѣй-

ствій... Если бы я осмѣлился дать вамъ совѣтъ, то я сказалъ бы, чтобы вы послали ускореннымъ шагомъ десять тысячъ человекъ на крайній правый флагъ непріятели и столько же на крайній лѣвый... Каждая изъ этихъ двухъ дивизій должна быть готовой окружить турецкую армію по первому приказанію...

— Кажется, вы предвидите съ нашей стороны движеніе обхвата, — вмѣшался графъ Зрини.

— Да, — сказалъ спокойно Дельстанъ. — Если нашъ опытъ удастся, то обхватъ врага слѣдается возможнымъ.

— Несмотря на меньшее количество моихъ войскъ?

— Несмотря на меньшее количество вашихъ войскъ.

Это произвело впечатлѣніе. Графъ спросилъ снова:

— А когда, по вашему предположенію, эта операція будетъ возможна?

— Съ разсвѣта завтрашняго дня.

— Сможете ли вы дать намъ увѣренность въ этотъ моментъ?

— Я полагаю. Наши приборы позволяютъ намъ придти къ этой увѣренности: если же нѣтъ, то всякая научная увѣренность невозможна...

— Хорошо! — сказалъ Эбергардтъ, лицо котораго сдѣлалось краснымъ, а глаза метали молніи... Сейчасъ мы обсудимъ ваше предложеніе. Что касается меня, то я полагаю, что его можно принять.

— Да, — прибавилъ раздумчиво Зрини, — его можно принять... если не потерявъ соприкосновенія...

Дельстанъ поклонился и вышелъ. Военный совѣтъ возобновилъ свое совѣщаніе.

III.

Настала ночь, тихая и братская, испещренная безконечнымъ множествомъ серебряныхъ звѣздъ. Какъ только сумерки окончились, турецкіе и австро-венгерскіе огни были погашены. Обширныя равнины могли бы спать въ полумракѣ, если бы не аэропланы и дирижабли, которые пересѣкали пространство. Послѣдніе выпускали длинныя струи свѣта, особенно на полосѣ, отдѣлявшей обѣ арміи (такъ какъ здѣсь можно было ожидать сюрприза), а также на флангахъ. Обширное пространство оставалось неизслѣдованнымъ. Изъ-за разстоянія и разныхъ препятствій, оно могло быть освѣщено только огнями занимавшихъ его частей войскъ. Поэтому оттоманскіе развѣдчики не могли видѣть удалявшейся инфантеріи, за которой слѣдовала пѣхота съ крайняго праваго и крайняго лѣваго фланга австрійцевъ.

Время шло, а тишина все возрастала. Оба

лагеря глубоко спали. Здѣсь и тамъ едва можно было замѣтить нѣсколько караульных пѣхотинцевъ, которые двигались медленно, — слѣдъ прежнихъ военныхъ привычекъ.

Къ полночи вниманіе аэростатчиковъ было привлечено однимъ страннымъ явленіемъ: нѣчто вродѣ фосфоресценціи распространялось съ сѣверо-востока на юго-востокъ надлинномъ эллипсисѣ территории, охватывавшей турецкій лагерь. Эта фосфоресценція распространялась сначала волнами аметистоваго цвѣта; она была немного болѣе блестяща въ центрѣ, чѣмъ въ окружности. Мало-по-малу, свѣтъ обозначился яснѣе; въ то же время онъ принялъ оттѣнокъ менѣе блѣдный, отъ цвѣта индиго до цвѣта апельсина. Затѣмъ оттѣнки сдѣлались однообразными. Осталось только огромное зеленое пятно берила, слегка окрашенное у краевъ въ розовый цвѣтъ. Это зрѣлище показалось

сначала любопытнымъ, но не особенно интереснымъ. Оно обезпечило одинаково аэростатчиковъ обоихъ лагерей: австро-венгерцы думали, что это какой-то таинственный маневръ турокъ, а турки опасались какой-нибудь странной засады. Пошли донесенія одно за другимъ. Со стороны турокъ генералиссимусъ и его помощники казались удивленными особенно потому, что для нихъ фосфоресценція была невидима. Имъ казалось только, что звѣзды были менѣе блестящи, чѣмъ это допускала чистота неба. Будучи человѣкомъ вдумчивымъ и проникательнымъ, Лауфсъ-паша приказалъ сдѣлать новое разслѣдованіе, для чего отдано было распоряженіе дополнительному воздушному отряду.

Донесеніе новыхъ развѣдчиковъ было во всемъ согласно съ донесеніями первыхъ. Удивленіе

083

Лауфсъ-паши возросло, но ни онъ, ни его офицеры, ни кто бы то ни было изъ присутствовавшихъ многочисленныхъ техниковъ не могли понять, что это означаетъ, и они остановились на предположеніи, что это явленіе естественное—теллурическая или электрическая радіація,—которая во всякомъ случаѣ ни въ хорошую, ни въ худую сторону не дѣйствуетъ на людей и на животныхъ. Усталые отъ войны, генералиссимусъ и его помощники отложили рѣшеніе этого вопроса на будущее время.

Въ австро-венгерскомъ лагерѣ графъ фонъ-Эбергардтъ тоже обнаруживалъ нѣкоторое смущеніе, но оно было другого рода. Взобравшись на возвышеніе, онъ хорошо замѣтилъ мѣсто, откуда исходитъ таинственный свѣтъ, и оборотясь на сѣверо-востокъ, затѣмъ въ про-

тивоположную сторону, онъ испытующе осматривалъ горизонтъ, съ нетерпѣніемъ, съ безпокойствомъ и суевѣрной надеждой...

IV.

Заря уже начала бѣлить звѣзды, когда Лауфсъ-паша проснулся. Несмотря на разстройство, лишившее его нѣсколькихъ часовъ сна, онъ не хотѣлъ продолжить свой отдыхъ. Впрочемъ этотъ сухой, бодрый, трезвый, безболѣзненный человекъ, удивительно противился утомленію. Какъ только онъ оставилъ свою суровую спартанскую постель, онъ вполне уже владѣлъ всѣми своими способностями и приготовился къ рѣшительному дню, отъ котораго зависѣла не только судьба Турціи, но и его собственная судьба, и также, до извѣстной степени, судьба Германіи, его настоящаго отечества. Онъ съѣлъ бисквитъ, проглотилъ нѣсколько глотковъ кофе и приготовился къ событіямъ. Онъ почти не думалъ о ночномъ явленіи: факты достаточно доказали его безвредность. Поэтому онъ безъ интереса пробѣжалъ послѣднія ночныя донесенія; въ нихъ не было ничего новаго... Напротивъ, первыя утреннія донесенія заставили его насторожиться. Ему дали знать, что австро-венгерскія войска издалека окружаютъ его крайній лѣвый и крайній правый флангъ. Безпокойство его было сначала очень велико, потому что онъ предположилъ, что непріятель получилъ подкрѣпленіе. Мало по малу событіе выяснилось: повидимому дѣло шло о тактическомъ маневрѣ. Онъ показался генералиссимусу немного страннымъ. Казалось, что два указанныхъ корпуса были брошены на произволъ судьбы. Безъ сомнѣнія, они сохранили нѣкоторое соприкосновеніе съ остальной частью арміи, но соприкосновеніе неустойчивое и опасное.

Лауфсъ-паша сейчасъ же сообразилъ, какія мѣры принять, чтобы ихъ изолировать во время битвы. Онъ отрядилъ многихъ артиллеристовъ на пункты, наиболѣе подверженныя дѣйствию огня, и направилъ новыя батареи къ флангамъ. А когда эти дѣйствія стали выполняться, генералиссимусъ задумался. Ему казалось, что онъ все предусмотрѣлъ, чтобы превратить оборонительное дѣйствіе въ наступательно-окружное, но его удивляла неподвижность австро-венгерской арміи. Онъ зналъ черезъ своихъ шпионовъ, что Эбергардтъ рѣшилъ сильно наступать, кромѣ того, этотъ планъ явно вытекалъ изъ всего начала кампаніи. Къ этому исходу Лауфсъ-паша приготовилъ турецкую армію и, хотя онъ считалъ себя въ силахъ перейти въ наступленіе, онъ предпочиталъ сражаться согласно зрѣло обдуманнѣмъ прежнимъ соображеніямъ. По-

этому онъ былъ поистинѣ удовлетворенъ, когда узналъ, что непріятельскій центръ рѣшилъ дѣйствовать.

Чтобы лучше дать себѣ отчетъ въ происхожденіемъ, Лауфсъ самъ поднялся на дирижабль и сталъ осматривать мѣстность въ подзорную трубу. Дѣйствительно, австро-венгерская армія была въ походѣ. Туча стрѣлковъ шла по прямой линіи на непріятеля, другіе шли вкось и даже перпендикулярно, чтобы обезпечить себѣ болѣе прочное сообщеніе съ отдаленными корпусами. Въ то же время двинулись многочисленныя батареи. Почти всѣ дирижабли и аэропланы роились въ пространствѣ.

„Быть битвѣ“—подумалъ генералиссимусъ.

Однако обѣ стороны были еще на недостижимомъ разстояніи. Впрочемъ, Лауфсъ стоялъ на томъ, что не надо торопиться. Онъ велѣлъ послать изъ своей подвижной обсерваторіи нѣсколько герцовскихъ телеграммъ, чтобы артиллерія не произвела ни одного выстрѣла, пока онъ не дастъ сигнала къ битвѣ. Подобныя же мѣры онъ принялъ по отношенію къ стрѣлкамъ авангарда.

Черезъ часъ арміи находились почти на разстояніи выстрѣла. Турки могли бы двинуть впередъ нѣсколько большихъ пушекъ и начать дѣйствовать, но лучше было подождать.

„Если этотъ человекъ будетъ упорствовать въ своемъ безуміи—сказалъ себѣ Лауфсъ-паша, потребуется чудо, чтобы его спасти...“

Но одна вещь все еще удивляла его: вдали на горизонтѣ отдѣленные непріятелемъ корпуса все продолжали свой непонятный маневръ.

— Они дадутъ себя захватить, какъ крысъ!—сказалъ онъ сопровождавшему его адъютанту...

Когда онъ это сказалъ, на возвышеніи, на фронтѣ австро-венгерской арміи, развернулось огромное бѣлое знамя.

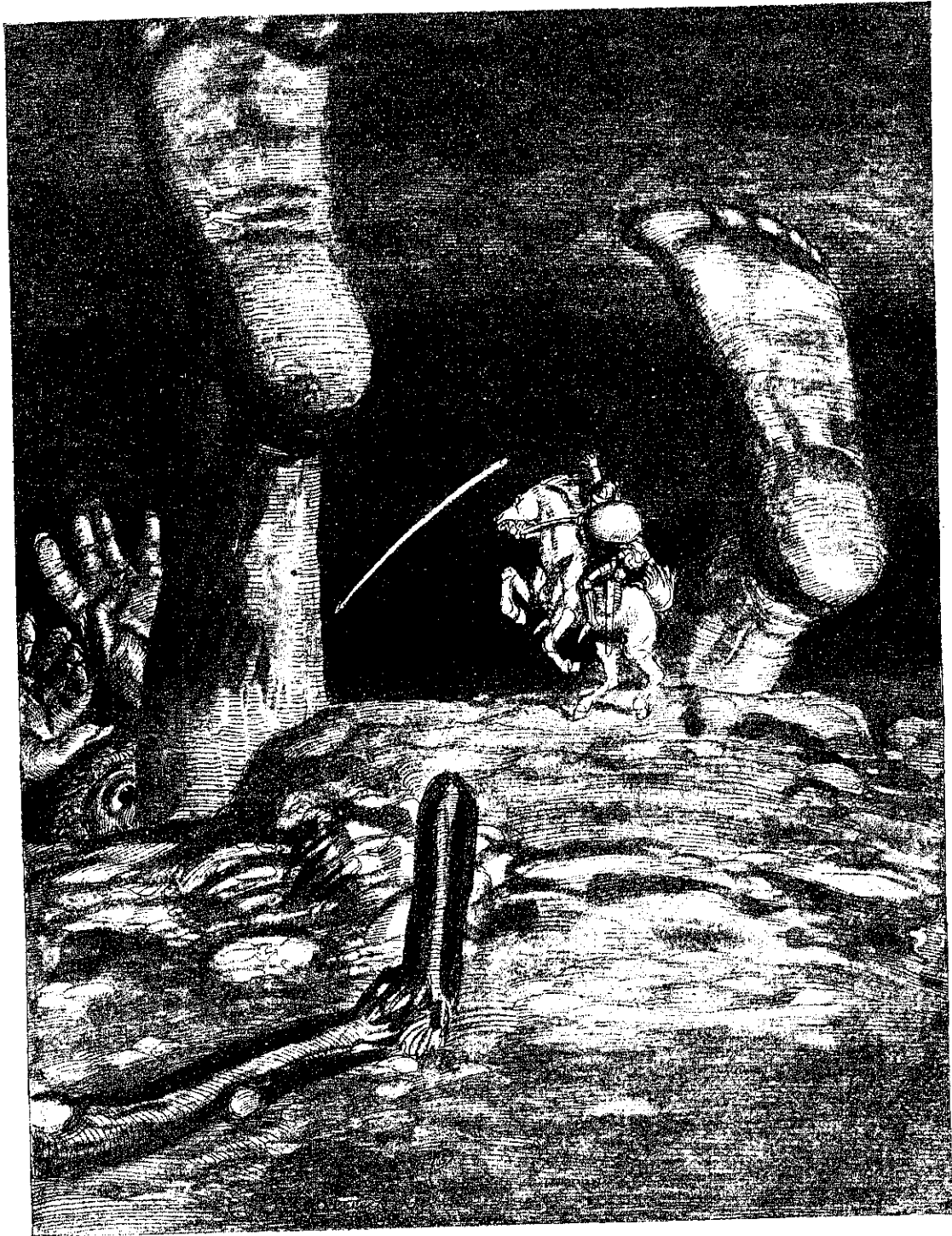
— Парламентеръ!—сказалъ маршалъ.—Какого дьявола хотятъ они отъ насъ?

Онъ смотрѣлъ на адъютанта съ тонкой улыбкой.

— Ей Богу, ваше превосходительство,—отвѣтилъ послѣдній,—не могу понять, развѣ что они хотятъ говорить объ условіяхъ капитуляціи!

Маршалъ пожалъ плечами и телеграфировалъ приказаніе выбросить бѣлый флагъ.

Черезъ нѣсколько минутъ два всадника быстро приблизились къ турецкимъ траншеямъ. Встрѣченные по дорогѣ отоманскимъ отрядомъ, они вскорѣ появились съ завязанными глазами передъ генералиссимусомъ. Затѣмъ, въ изолированной комнатѣ, съ нихъ сняли повязку. Это были двое мужчинъ въ цвѣтѣ лѣтъ:

одинъ въ офицерскомъ мундирѣ, а другой въ скромномъ штатскомъ костюмѣ. Лауфсъ, окруженный нѣсколькими офицерами штаба, принялъ ихъ съ невозмутимымъ видомъ.

— Мы посланы его сіятельствомъ маршаломъ фонъ-Эбергадтомъ, — сказалъ офицеръ послѣ нѣкотораго молчанія, — чтобы сдѣлать вамъ важное сообщеніе.

— Какое? — лаконически спросилъ генералиссимусъ.

Офицеръ съ отѣнкомъ замѣшательства сказалъ.

— Маршалъ хотѣлъ бы избѣжать бесполезнаго пролитія крови. Онъ полагаетъ, что условія, въ которыхъ вы теперь находитесь, для васъ настолько неблагоприятны, что у васъ нѣтъ иного исхода, кромѣ почетной капитуляціи.

Присутствовавшіе офицеры посмотрѣли другъ на друга съ несказаннымъ удивленіемъ. Нѣкоторые пожали плечами, другіе не могли удержаться отъ смѣха. Лауфсъ-паша смотрѣлъ серьезно, хотя былъ пораженъ больше всѣхъ.

— Невѣроятно, — сказалъ онъ, чтобы его сіятельство вздумало послать мнѣ такое извѣстіе, и было бы недостойно на него что-нибудь отвѣтить. Я сейчасъ прикажу, чтобы васъ отпустили назадъ. Честь имѣю кланяться.

Онъ рѣзко поклонился и отвернулъ голову. Но тогда заговорилъ мужчина въ штатскомъ:

— Господинъ маршалъ, — сказалъ онъ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ, — позвольте васъ увѣрить, что въ настоящій моментъ вы болѣе не можете защищаться, если только не считаете возможнымъ это сдѣлать посредствомъ холоднаго оружія. За исключеніемъ нѣкотораго количества аэростатовъ, ваши орудія не годятся въ дѣло... Вы убѣдитесь въ этомъ, приказавъ кому нибудь стрѣлять изъ какого угодно оружія...

Генералиссимусъ посмотрѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго, но ясные, острые и умные глаза этого челоѣка внушили ему неясную тревогу. Однако, это показалось ему настолько нелѣпымъ, что почти сейчасъ же онъ началъ смѣяться холоднымъ и тихимъ смѣхомъ. Потомъ, какъ челоѣкъ дѣйствія, не любящій бесполезныхъ разговоровъ, онъ открылъ дверь, позвалъ часового, стоявшаго на караулѣ, — это былъ курдскій солдатъ со спокойнымъ и жестокимъ лицомъ, — и сказалъ ему:

— Выстрѣли въ это оконное стекло.

Курдъ невозмутимо поднялъ ружье и выстрѣлилъ. Не слышно было звука, нѣсколько заглушеннаго и невнятнаго на разстояніи, который былъ такъ характеренъ для пороха того времени. Генералъ вздрогнулъ; офицеры

сдѣлались мрачными; солдатъ выкатилъ отъ пораженія глаза.

— Еще, — приказалъ Лауфсъ.

Солдатъ выстрѣлилъ снова и съ тѣмъ же результатомъ.

— Хорошо! Выходи! — крикнулъ маршалъ, сдѣлавшійся блѣднымъ. А вы, капитанъ Эттингеръ, прикажите придти нѣсколькимъ стрѣлкамъ.

Всѣми овладѣло сильное волненіе и суевѣрный страхъ. Турки и нѣмцы едва смѣли смотрѣть другъ на друга. Вошло много солдатъ и одинъ за другимъ прицѣливались и стрѣляли безъ результата, между тѣмъ, какъ съ висковъ генералиссимуса струился холодный потъ. Онъ обернулся къ г. Дельстану и спросилъ его жесткимъ голосомъ:

— Что вы для этого сдѣлали?

— Посредствомъ новыхъ радиоактивныхъ приборовъ мы частично разъединили ваши взрывчатые вещества, — тихо отвѣтилъ ученый. Какъ я уже сказалъ, всѣ ваши орудія не годятся въ дѣло. Если вы хотите въ этомъ убѣдиться полнѣе, мы подождемъ здѣсь результата опытовъ.

Всѣ молчали. Недавно еще столь страшный Лауфсъ и всѣ офицеры, вполнѣ увѣренные въ превосходствѣ своей арміи, были поражены до глубины души. Истина предстала передъ ними съ силою катаклизмовъ; они были похожи на людей, внезапно поднятыхъ огромнымъ землетрясеніемъ.

Лауфсъ первый вернулъ себѣ хладнокровіе. Безъ слабости, какъ и раньше безъ бавальства, допуская отнынѣ, что все возможно, онъ сказалъ офицеру:

— Не пройдетъ и получаса, какъ я буду имѣть честь дать вамъ отвѣтъ.

Въ назначенное время онъ вновь явился, на этотъ разъ въ сопровожденіи всего своего штаба и, блѣдный, съ расширенными глазами, съ дрожащими руками, со смѣсью ярости и ужаснаго отчаянія въ голосѣ, воскликнулъ:

— Я готовъ обсудить предложенія его сіятельства маршала фонъ-Эбергадта.

Всѣ наклонили головы. Только одинъ, старый Солейманъ-паша, генералъ третьяго корпуса, турокъ стараго закала, бѣшеннѣе, героическій и фаталистичный, воскликнулъ:

— Значитъ ли это, что мы сдадимся на капитуляцію?

— Нѣтъ другого исхода, — сказалъ Лауфсъ ледянымъ тономъ.

Солейманъ протянулъ руку къ синимъ оконнымъ стекламъ и закричалъ:

— У тѣхъ, кто согласенъ умереть, всегда есть исходъ.

V.

Послѣ полудня австро-венгерскія войска почти совершенно окружили оттоманскую армію, хотя позади и на флангахъ ряды ихъ были для обхвата относительно мало густы. Нѣсколько турецкихъ полковъ и множество инфантерии могли отступить, — вѣрнѣе, бѣжать — еще во-время. Но къ полудню дальнѣйшія ружья австрійскихъ стрѣлковъ и нѣсколько легкихъ батарей выпустили на бѣглецовъ тучу выстрѣловъ. Тридцать тысячъ солдатъ на двухъ флангахъ пожелали тогда сдаться. Остальные остались въ ожиданіи вечера.

Послѣ страшнаго спора нѣкоторые турецкіе офицеры главнаго штаба, возбужденные Солейманомъ-пашой, выпустили воззваніе къ солдатамъ-курдамъ и албанцамъ, чтобы они арестовали нѣмецкихъ офицеровъ.

Совершивъ этотъ переворотъ, Солейманъ смѣло взялъ на себя командованіе арміей. Въ страстныхъ рѣчахъ онъ убѣдилъ большинство офицеровъ-магометанъ, что Лауфсъ-паша — измѣнникъ, и что армію можно спасти. Онъ даже попытался отступить среди бѣлаго дня, но скоро понялъ, что его ожидаетъ страшное пораженіе, и отложилъ передвиженіе на вечеръ.

Въ сумеркахъ онъ принялъ всѣ мѣры. Онъ были просты, варварски примитивны, но имен-

но поэтому самыя лучшія для войска, вынужденнаго ограничиться оружіемъ древнихъ временъ. Было избрано три выхода: первый — между двумя высокими холмами, на разстояніи многихъ верстъ отъ поля битвы, два другихъ — на внѣшнихъ скатахъ этихъ холмовъ. Солейманъ раздѣлил свою армію на три корпуса и старательно указалъ солдатамъ пути слѣдованія и мѣсто соединенія. По совѣту одного аэростатчика, нѣсколько дирижаблей служили маяками посредствомъ электрическихъ зеленыхъ, красныхъ и бѣлыхъ огней. Другіе аэропланы и дирижабли должны были замедлить воздушныя операціи австро-венгерской арміи.

Наступилъ вечеръ, такой же нѣжный, тихій и великолѣпный, какъ и предыдущій. Звѣздныя сферы наполнили пространство дрожащими сплетеніями свѣта. И всѣ эти блестящія фигуры, съ которыми мы связываемъ глубокія греческія и арабскія легенды — Вега, тихо колеблющаяся на Лирѣ, Капелла, съ широкими бороздами, Алтаиръ, Арктуръ, Андромеда, Персей, Офіукъ, Геркулесъ, Лебедь, Пегасъ, — дрожали надъ одной изъ великихъ драмъ человѣческой исторіи. Какъ только наступила темнота, оттоманская армія устремилась впередъ бѣшено. Она шла и бѣжала такъ же наугадъ, какъ первобытная орда. Она бросалась на дикій рискъ, спасаясь во мракъ, руководимая только огромнымъ и бѣшенымъ инстинктомъ самосохраненія.

Вдали возвышались три группы огней, три снопа воздушныхъ лучей, какъ маяки надъ необозримымъ моремъ, и это было единственной путеводною нитью, почти мистической, всѣхъ солдатъ. На зенитѣ — почти среди звѣздъ — оттоманскіе и австрійскіе аэростатчики и авіаторы собирались къ послѣднему бою...

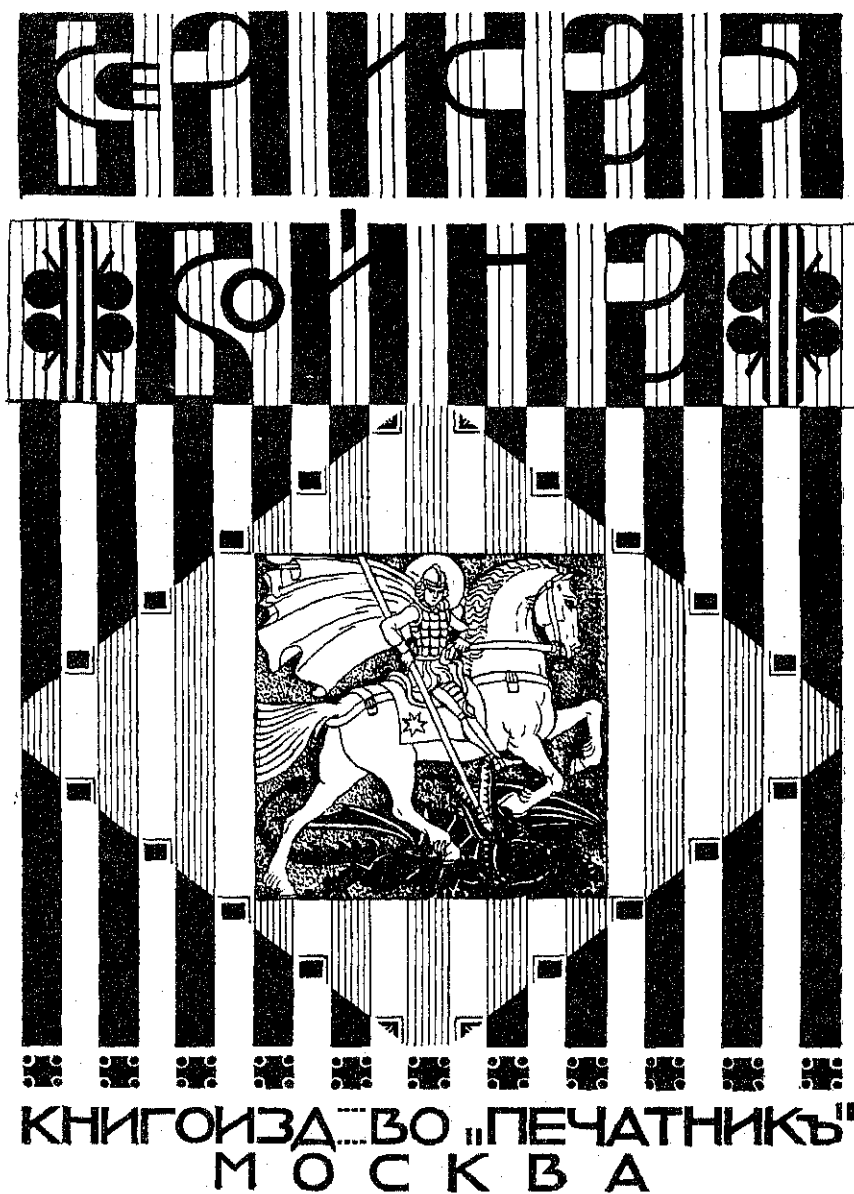
Сначала бѣгство казалось счастливымъ: турки, кудры, албанцы, сирійцы, арабы хорошо видѣли паденіе первыхъ снарядовъ, но эти снаряды, упавшіе съ большой высоты, причинили мало вреда. Затѣмъ бомбардировка участилась. Вскорѣ надъ войскомъ начался дождь со стороны ближайшихъ стрѣлковъ. Люди падали кучами. Съ высоты холмовъ широкія полосы серебрянаго свѣта пронизывали массы бѣглецовъ. Мало-по-малу, гроза артиллеріи и ужасный ливень пуль все возрастали, надвигаясь со всѣхъ сторонъ черезъ тѣла и кости. Слышались жалобные крики, печальные призывы и стenanія раненыхъ. Но огромная беспорядочная толпа не останавливалась. Несмотря на тысячи убитыхъ, она думала лишь о томъ, чтобы добраться до спасительной области маяковъ. Даже неимоверное побоище при приближеніи къ неприятелю, когда въ пять минутъ погибло болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ, не могло

сломать ихъ могущественнаго стремленія. Турки пришли въ соприкосновеніе съ врагомъ. Произошелъ ужасный рукопашный бой. Въ одинъ моментъ десять тысячъ человѣкъ австро-венгерскаго авангарда, несмотря на весьма геройское сопротивленіе, были окружены, подавлены, сломлены, уничтожены... затѣмъ воюющая толпа устремилась въ ночи впередъ...

Впрочемъ, ничто не могло ее одолѣть. Ру-

ководившій ею инстинктъ, странная смѣсь героизма и ужаса, продолжался до тѣхъ поръ, пока оттоманская армія вышла изъ линіи огня и достигла спасительныхъ огней маяковъ.

Съ той минуты отступленіе было обезпечено. Оно стоило пятнадцати тысячъ убитыхъ, сорока тысячъ раненыхъ, двадцати тысячъ плѣнныхъ. Но дикій Солейманъ все же увелъ за собою болѣе ста пятидесяти тысячъ солдатъ.

Очерки мировой войны.

Н. Илѣдо.

Заключеніе.

Настало время начинать работу по вливанію опыта этой войны въ теорію военнаго дѣла.

За время переживаемой нами грандіозной мировой войны уже накопился огромный матеріалъ по теоріи военнаго дѣла. Тщательно разобравшись въ этомъ матеріалѣ и влив отобранную и выявленную его сущность въ порученные мнѣ академическіе курсы исторіи военнаго искусства и стратегіи—работа и теперь уже требующая очень большого напряженія силъ и очень значительнаго времени. И чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣе и обширнѣе будетъ эта работа. И хотя конецъ войны еще не только не видѣнъ, но даже и не намѣчается, откладывать эту работу нельзя, иначе потомъ ко времени возобновленія академической дѣятельности съ ней никакъ не справиться.

Въ виду этого, къ крайнему моему сожалѣнію, я вынужденъ прямыми моими служебными обязанностями закончить изложеніе и разборъ текущихъ военныхъ событій, и этотъ „черкъ“ является послѣднимъ.

Указавъ однако на обширность работы по выявленію и отбору того изъ матеріала текущей войны, что должно войти въ теорію военнаго дѣла, я отнюдь не хочу этимъ сказать, что эта теорія будетъ „н о в а я“. Напротивъ, уже теперь можно наглядно показать, что эта теорія осталась все та-же, неизбѣжная въ своихъ основахъ, хотя и „старая“, но вѣчно-юная по своему огромному значенію и примѣнимости ко всякой обстановкѣ, вѣчно обновляющаяся въ формахъ проявленія своей неизмѣнной сущности.

Но именно въ выявленіи этого-то и состоитъ огромная важность и неотложность работы надъ матеріаломъ протекающей войны.

Вотъ если-бы текущая война опрокинула военную „теорію“ и вообще работу „мирнаго времени“ по военному дѣлу, то дѣйствительно могла-бы явиться мысль—да стоитъ-ли трудиться надъ ея изученіемъ. Вѣдь если опрокинуто въ этой войнѣ все старое, то какое основаніе мы будемъ имѣть, чтобы по ея результатамъ готовиться къ будущимъ войнамъ? Вѣдь эти будущія войны, значить, опять могутъ опрокинуть всѣ сдѣланные нами выводы.

И вотъ поэтому особую цѣнность получаетъ именно возможность подтвердить неизбѣжность „теоріи“, и цѣлесообразность „серьезной“ работы мирнаго времени, не дающей себя увлекать въ область „фантази“, къ чему часто тянетъ ее „новѣйшее“ въ технику.

Чтобы пояснить мою мысль, которую я считаю

чрезвычайно важной при работѣ надъ матеріаломъ текущей войны, я позволю себѣ процитировать нѣсколько отрывковъ изъ того, что я писалъ въ заключеніи „очерка военныхъ дѣйствій на морѣ во время русско-японской войны“*), въ началѣ 1906 г., т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи этой войны.

Вотъ какъ выражалъ я тогда эту мысль.

Преувеличенныя ожиданія отъ боевого опыта войны.

„Со времени преобразованія деревяннаго паруснаго флота въ паровой и броненосный, т. е., значить въ продолженіи 50 лѣтъ, военные моряки всѣхъ странъ находились подъ гнетомъ неотвязчивой мысли—а правильно-ли то, что мы дѣлаемъ? Вѣрные-ли намѣчаются типы судовъ, вѣрная-ли оцѣнка дается тому или другому оружію или элементу корабля—артиллеріи, мнѣ, тарану, бронѣ, скорости и т. п.? Вѣдь все это создается, преобразовывается и развивается, не будучи проверено боевымъ опытомъ, который, быть можетъ, опрокинетъ всѣ предположенія, выработанныя въ мирное время, и огромное количество затраченныхъ на созданіе броненосныхъ флотовъ денегъ окажется брошеннымъ на вѣтеръ“.

„Понятно поэтому, съ какой жадностью набрасывались на каждое столкновеніе на морѣ, стараясь выжать изъ него какія-бы то ни было указанія для будущаго. Собственно, на отсутствіе боевыхъ столкновеній на морѣ жаловаться было нельзя: пять лѣтъ тянулась война за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ, и вслѣдъ затѣмъ произошло большое морское сраженіе при Лиссѣ. Потомъ воевали Парагвай съ Бразиліей и Аргентиной, Чили съ Перу, Россія съ Турніей, Франція съ Германіей, а потомъ съ Китаемъ, англичане бомбардировали Александрію, а испанцы Каллао, произошли междоусобныя войны въ Чили и въ Бразиліи, и одновременно съ послѣдней—война между Японіей и Китаемъ, и наконецъ Соединенные Штаты воевали съ Испаніей“.

„Во всѣхъ этихъ войнахъ происходили операціи и на морѣ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ зависимости отъ успѣха этихъ операцій, рѣшалась и участь войны. А между тѣмъ большинство моряковъ оставалось неудовлетвореннымъ результатами изслѣдованій. Такъ прочно почему-то утвердилась мысль, что боевой опытъ долженъ дать нѣчто совсѣмъ другое чѣмъ то, къ чему готовились въ мирное время, что, когда эти на-

*) См. Приложение къ „Военнымъ флотамъ и морской справочной книгѣ на 1906 г. В. К. А. М.“ стр. 127—130.

дежды не оправдывались, то говорили, что опытъ слишкомъ ничтоженъ, или что онъ происходилъ въ слишкомъ исключительной обстановкѣ. Говорили, что надо ждать опыта борьбы между сильными морскими державами, и съ недоумѣніемъ и высокоумѣріемъ относились къ различнымъ экзотическимъ морскимъ столкновеніямъ между различными южно-американскими республиками, между китайцами и японцами“.

„А между тѣмъ это было сплошное заблужденіе. Исслѣдованіе развитія военно-морского искусства почти за три тысячи лѣтъ, показываетъ, что никогда въ его эволюціи не происходило рѣзкихъ скачковъ, все шло постепенно, причемъ нѣкоторыя основныя положенія веденія войны оставались неизбѣжными за весь этотъ огромный промежутокъ времени. Всегда также, помимо непосредственнаго боевого опыта, огромную роль играла разумная подготовка въ мирное время, основанная на тщательномъ изученіи прошлаго, а въ бою—талантливость флотоводца и умѣнье его примѣнить къ встрѣченной обстановкѣ основныя, неизбѣжныя положенія военнаго искусства. Въ такихъ случаяхъ даже слабыя и плохо организованныя флоты побѣждали, и яркими подтвержденіями этого служатъ побѣды Семистокла, Сюффрена и Ушакова, которыхъ отдѣлялъ другъ отъ друга промежутокъ времени въ 2300 лѣтъ“.

„Такъ происходило это и въ періодъ броненоснаго флота. Неустанная работа мирнаго времени, основанная на тщательномъ изученіи прошлаго и современной обстановки, незамѣтно, но неизмѣнно ведетъ къ правильному рѣшенію вопросовъ войны, и въ происходящихъ войнахъ жестоко платится именно тотъ, который думаетъ, что можно безнаказанно пренебрегать не только изученіемъ боевого прошлаго, но и современной работой мирнаго времени, что и составляетъ въ совокупности—науку о веденіи войны. Прошлое даетъ неизбѣжныя основанія для этой науки; современное—умѣлое примѣненіе этихъ основаній къ измѣняющейся обстановкѣ“.

Къ непосредственному боевому опыту надо относиться съ тщательной критикой.

„Съ непосредственнымъ же боевымъ опытомъ, при чрезмѣрномъ имъ увлеченіи, и недостаточно строгимъ критическимъ отношеніемъ къ происшедшему, бываетъ и такъ, что онъ даетъ выводы совершенно невѣрные. Напр., послѣ сраженія при Лиссѣ почти общее мнѣніе было таково, что таранъ—главное оружіе корабля, но раньше, чѣмъ явился новый боевой опытъ, работа мирнаго времени успѣла установить неправильность этого положенія, а затѣмъ эта неправильность была подтверждена и болѣе тщательнымъ и научнымъ изслѣдованіемъ того-же боя при Лиссѣ и предшествовавшей ему войны за нераздѣльность Соединенныхъ Штатовъ. Вспыхнув-

шее увлеченіе самодвижущейся мной *) было умѣрено и охлаждено раньше, чѣмъ боевой опытъ (японо-китайская война) доказалъ, что артиллерія по прежнему пока остается главнымъ и рѣшающимъ оружіемъ. Несмотря на то, что въ сраженіи при Ялу китайскіе броненосцы были побѣждены неброненосными японскими крейсерами, и на то, что нѣкоторые **) чрезмѣрно увлеклись этимъ фактомъ, не отнесясь къ нему достаточно критически, ни одинъ флотъ не поддастся этому скороспѣлому и невѣрному заключенію“.

„Поэтому къ непосредственнымъ боевымъ выводамъ надо относиться съ большою осторожностью. Надо посредствомъ самой тщательной критики отдѣлять случайное отъ основнаго, выяснять вліяніе другъ на друга и связь между собою всѣхъ данныхъ, которыя привели къ побѣдѣ съ одной стороны и къ пораженію съ другой, и только тогда выводъ полученъ дѣйствительную цѣнность. При поверхностномъ отношеніи къ сраженію при Ялу такъ легко было сказать—крейсеръ побѣдилъ броненосецъ. А между тѣмъ, если принять во вниманіе, что, несмотря на потопленіе нѣсколькихъ китайскихъ судовъ, въ концѣ концовъ все таки два китайскихъ броненосца уцѣлѣли типа, безъ скорострѣльной артиллеріи, съ плохимъ личнымъ составомъ и при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ съ честью отбились отъ японцевъ, имѣвшихъ водоизмѣщеніе въ сложности на 400 тоннъ больше, прекрасно вооруженныхъ и несравненно лучше управляемыхъ, нельзя не придти къ заключенію, что броненосецъ никогда не уступитъ своего мѣста неброненоснымъ крейсерамъ въ эскадренномъ бою. Лучшее всего это поняли сами японцы и сейчасъ-же приступили къ постройкѣ цѣлаго ряда эскадронныхъ броненосцевъ и именно броненосныхъ крейсеровъ. И правильная научная работа мирнаго времени продолжала совершенствоваться и развивать типъ броненоснаго корабля, не смущаясь скороспѣлыми выводами изъ боевого опыта людей, склонныхъ къ фантастичности, и еще болѣе фантастичными предположеніями такихъ людей о боѣ будущаго“.

*) Въ этомъ увлеченіи упорствовалъ, и съ нимъ и сошелъ въ могилу извѣстный морской писатель адмиралъ Коломбъ, утверждавшій, что миноносцы при значительной численности могутъ справиться съ линейными кораблями. Когда въ молодости, въ своемъ изслѣдованіи по тактикѣ ставилъ мину на первое мѣсто Остерди—побѣдителя при Фалландскихъ островахъ. И тогда его изслѣдованіе было удостоено золотой медали отъ Общества Соединенныхъ службъ, т. е. взглядъ его раздѣлялся общественнымъ мнѣніемъ въ англійской морской средѣ. Особенно увлекалась „непреоборимой“ будто-бы мощностью минныхъ судовъ, такъ называемая „молодая школа“ во Франціи.

**) И среди нихъ былъ такой исключительный талантливый человѣкъ, какъ адмиралъ Макаровъ, который увлекся своимъ осмотровъ китайскихъ броненосцевъ, изъ котораго онъ вывелъ заключеніе, что они уцѣлѣли лишь благодаря несовершенству японскихъ снарядовъ.

Боевой опытъ не вносить крупныхъ переворотовъ— онъ въ большинствѣ подтверждаетъ правильную работу мирнаго времени.

„Вотъ почему всякое тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе морской войны неизмѣнно приводитъ къ выводу, что никакого крупнаго переворота война не вноситъ, что она главнымъ образомъ лишь подтверждаетъ правильность того, къ чему приходили правильной постановкой работы въ мирное время, и что терпѣть пораженіе именно тотъ изъ противниковъ, который пренебрегалъ такой работой“.

„Чтобы не быть голословнымъ, можно указать на мнѣнія о выводахъ, которые можно было сдѣлать напр., изъ японо-китайской войны, двухъ англичанъ: Вильсона—извѣстнаго морского писателя,—и адмирала Фриментля—командовавшаго въ то время английской эскадрой на Дальнемъ Востокѣ“.

„Вильсонъ говоритъ такъ: „Обозрѣвая полученные выводы, мы видимъ, что сраженіе при Ялу только подтвердило установленные и уже извѣстные принципы. Опытъ этого боя ничего не опровергаетъ, а напротивъ служить сильною поддержкой для мнѣнія тѣхъ, которые говорятъ, что наука морской войны есть наука точная, могущая предсказывать результаты (Ironclads in action. Глава XIX—XXII)“.

„Адмиралъ же Фриментль прямо заявляетъ: „тѣмъ дальше я шелъ въ своемъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался—какая это старая, старая исторія... Съ морской точки зрѣнія поражаешься тѣмъ фактомъ, что, несмотря на всѣ новѣйшія усовершенствованія, главные принципы стратегіи и даже тактики остаются вѣчными; только поверхностный изслѣдователь можетъ не замѣтить тѣхъ уроковъ, какіе получаются изученіемъ кампаній Нельсона, Роднея и Сюффрена, если хорошенько подумать о томъ, какъ примѣнить ихъ въ обстановкѣ нашего времени (Naval aspects of the China-Japan War).“

„Здѣсь приведены только общія заключенія этихъ авторовъ. Въ указанныхъ-же источникахъ можно найти подробное развитіе этихъ заключеній, въ примѣненіи къ типамъ судовъ, къ значенію различныхъ элементовъ корабля и т. п. Таковы-же были выводы и изъ испано-американской войны“ *).

„То же самое приходится сказать и относительно выводовъ изъ русско-японской войны. Иностранные изслѣдователи сейчасъ-же послѣ войны уже начали приходить къ этому заключенію. Напр., въ интереснѣйшей статьѣ въ „Times“, скомпилировавшей японскіе источники о войнѣ, сплошь и рядомъ встрѣчаются такіе фразы: „Въ этомъ вѣтъ ничего новаго, но тѣмъ не менѣе здѣсь еще разъ подтверждаются

давно извѣстныя старыя истины“. „Дало ли это сраженіе какія либо новыя указанія для кораблестроителей? Японцы отвѣчаютъ—ничего существеннаго“. Въ письмѣ одного высокопоставленнаго японскаго морского офицера, напечатанномъ въ „Japan Mail“, говорится: „Уроки послѣдняго большого морского сраженія не даютъ никакихъ новыхъ указаній. Всѣ наиболѣе важные пункты военного искусства остались безъ измѣненія (Морск. Сборн. 1905 г. № 10)“. Къ сожалѣнію, именно въ русскихъ отчетахъ, резюмирующихъ выводы изъ войны, не указывается, что подтвердилось главнымъ образомъ лишь старое. Это служить показателемъ, что, „старого“ не знали, а потому все и казалось „новымъ“. А между тѣмъ японцы правы. Эта война въ огромномъ большинствѣ подтвердила лишь то, что было добыто опытомъ предыдущихъ войнъ и мирнаго времени *), и совершенно новаго дала очень мало и лишь указала на множество деталей, которыя не могли имѣть и не имѣли сколько нибудь рѣшающаго значенія на исходѣ сраженій. Тѣмъ болѣе было бы опасно обратить теперь главное вниманіе на эти детали, сколь-бы онѣ ни казались интересными, какъ новыя, и упустить крупныя, хотя и старыя выводы, пренебреженіе которыми, или вѣрнѣе незнаніе которыхъ между тѣмъ и привело насъ къ проигрышу кампаніи“.

Цѣнность работы мирнаго времени.

„Этимъ, однако, нисколько не умаляется важность изученія минувшей войны. Напротивъ—мы такимъ

*) Напр. принято считать, что русско-японская война создала типъ „дредноута“, т. е. корабля съ 8—12 пушками крупнаго калибра, каковыхъ до этой войны ставили на самыхъ крупныхъ броненосцахъ не болѣе четырехъ. Но на самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Тщательная работа мирнаго времени еще задолго до войны опредѣлила необходимость увеличить число крупныхъ орудій, но подходила она къ осуществленію этой задачи постепенно, и когда опытъ войны подтвердилъ правильность и направленіе этой работы, то только въ этомъ-же направленіи былъ сдѣланъ болѣе рѣшительный шагъ. Вызывалось-же такое „направленіе“ распространеніемъ площади бронирования и улучшеніемъ качества брони, каковыя факты не могли не вызвать стремленія къ увеличенію калибровъ артиллеріи. Конечно „проекты“ шли впередъ „исполненія“; напр., въ Россіи еще въ 1900 г. предлагался проектъ броненосца, вооруженнаго исключительно 12 дм. артиллеріей. Въ „All the world's fighting ships“ за 1903 г. на заглавной страницѣ красовался „Идеальный броненосецъ для англійскаго флота“, вооруженіе котораго авторъ предлагалъ составить изъ двѣнадцати 12 дм. орудій. А „исполненіе“, конечно, шло медленнѣе. Въ 1902 г. въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Италіи и Германіи, вмѣсто 6 дм. пушекъ уже начали ставить 7, 7½ и 8 дм. пушки. Англичане къ четыремъ 12 дм. пушкамъ накнули на новыя серіи броненосцевъ (типа King Edward) по четыре пушки въ 9,3 дюйма. Сейчасъ послѣ войны они число этихъ прибавленныхъ крупныхъ пушекъ довели до десяти (типъ Lord Nelson), а еще раньше чѣмъ были сданы корабли этого переходнаго типа, появился въ законченномъ видѣ родоначальникъ новаго типа—Dreadnought, на которомъ уже всѣ крупныя орудія были 12 дм. калибра.

*) Напр. см. „Выводы и заключенія, полученные изъ американо-испанской войны 1898 г.“, помѣщенные въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1899 г. №№ 4 и 5, и принадлежащіе перу Свѣтъ. Князя А. А. Ливена, представителя русскаго флота, командовавшаго на театрѣ войны.

образомъ приобретаемъ увѣренность въ правильности нашихъ взглядовъ, выдержавшихъ суровый опытъ войны, и, что очень важно, — получаемъ уваженіе къ работѣ мирнаго времени, убѣждаемся насколько она плодотворна и нужна, и проникаемся сознаниемъ—какъ тщательно надо изучать прошедшее, чтобы побѣждать въ будущемъ. Въ этомъ собственно и заключается главный и наиболѣе цѣнный выводъ изъ этой войны (русско-японской), выводъ тоже не новый, но столь часто забываемый, и забытый именно нами, за что мы и поплатились такъ жестоко. И чтобы не повторилась вновь эта роковая забывчивость, особенно важно развить и подтвердить важность этого заключенія во всѣхъ деталяхъ“.

Приступая къ оцѣнкѣ результатовъ текущей войны надо помнить о характерѣ окончательныхъ выводовъ изъ прежнихъ войнъ.

Прошу моихъ читателей извинить меня за длинную выписку, но повторяю, я считаю очень своевременнымъ напомнить о томъ, какого характера выводы дали предыдущія войны, именно въ тотъ моментъ, когда начинается работа по оцѣнкѣ результатовъ текущей войны. Именно поэтому я не изложилъ эти мысли въ видѣ самостоятельнаго разсужденія, а привелъ выписку изъ подобныхъ разсужденій, вызванныхъ разборомъ предыдущей войны, правильность которыхъ послѣднее достаточно подтвердилось продолженіемъ десяти лѣтъ, прошедшихъ послѣ русско-японской войны.

Окажется такъ, что эти разсужденія, годившіяся до сихъ поръ для всѣхъ войнъ, не пригодятся именно для этой, хотя я и имѣю причины сомнѣваться въ этомъ, такъ какъ обосновываю мою мысль на изученіи всего многолѣтковаго опыта прошлаго военнаго дѣла,—я все таки не буду считать мое напоминаніе советамъ бесполезнымъ. Все таки оно направлено противъ чрезмѣрности ожиданій, противъ увлеченія этой чрезмѣрностью, противъ увлеченія только „новѣйшимъ“ безъ тщательной его свѣрки съ „природой“ войны, безъ крѣпкихъ корней, въ которой это „новѣйшее“ очень непрочное, однимъ словомъ — противъ чрезмѣрнаго участія фантазіи въ обоснованіи тѣхъ положеній, на которыхъ будетъ строиться работа послѣдующаго мирнаго времени — подготовка къ слѣдующей войнѣ.

До сихъ поръ эта правильность подготовки мирнаго времени, которая, какъ мы видѣли выше, играла такую огромную роль въ успѣхѣхъ на войнѣ и конечно сохранить это влияние и въ будущемъ, обосновывалась на тщательномъ изученіи всего прошлаго, а не только „новѣйшаго“ въ послѣдней войнѣ, причемъ къ тому же этого „новѣйшаго“ обыкновенно оказывается очень немного.

А потому надо очень осторожно строить что либо серьезное только на этомъ „новѣйшемъ“, къ чему

однако очень склонны съ одной стороны умы легко увлекающіеся, а съ другой — и это опаснѣе всего, такъ какъ таковыхъ очень много, и попадаютъ они и среди способныхъ и талантливыхъ—невѣжды, которые склонны потому строить все на „новѣйшемъ“, что оно у нихъ передъ глазами, а „всего стараго“, которое выливается въ представленіе о „природѣ“ войны, они просто „не знаютъ“.

Представленіе о „новѣйшемъ“ какъ „непреодолимомъ“ — опасный путь для заключеній.

Особенно опасенъ путь представленія о „новѣйшемъ“, какъ о чемъ-то „непреодолимомъ“, противъ чего борются нѣтъ средствъ, и потому, если исходить изъ этого представленія, логично ведущемъ къ невозможности военной борьбы въ той или иной области войны. Опасно потому, что это противорѣчитъ „природѣ“ войны, которая, будучи естественной для всего живого, а потому будучи вѣчной и неуничтожимой, можетъ измѣнять сколько угодно формы своего проявленія, но не только исчезнуть, но и умалиться ни въ какой мѣрѣ не можетъ, какъ не можетъ умалиться потребность человѣчества въ пищѣ и въ воздухѣ, какъ не можетъ человѣчество избавиться отъ болѣзней, страданій и смерти. А потому всѣ эти заключенія объ „умаленіи“ лишь ведутъ къ тому, что противникъ, свободный отъ такихъ заблужденій, и не предающійся мечтамъ о „невозможности“ военной борьбы въ той или иной области, имѣетъ возможность подготовить такіе сюрпризы „мечтателямъ“, которые дѣйствительно для нихъ то и сдѣлаютъ борьбу безнадежной, и обезпечатъ имъ поражение.

Предсказанія объ уничтоженіи войнъ.

Вспомните сколько разъ самыми различными способами насъ убѣждали, что по самымъ различнымъ, и яко-бы безспорнымъ и яснымъ для всякаго причинамъ, войны должны въ самомъ скоромъ времени прекратиться, и просто потому, что воевать при современномъ состояніи культуры и при современныхъ техническихъ средствахъ войны, немисливо. Намъ говорили, что торговые и финансовыя связи такъ оплели весь міръ, что разгорѣвшійся гдѣ-либо военный пожаръ будетъ строго локализованъ, и его быстро потушатъ, такъ какъ война слишкомъ убыточна и для не участвующихъ въ войнѣ. Что самое возникновеніе войны между высоко культурными народами немисливо, такъ какъ они слишкомъ зависятъ другъ отъ друга въ области финансовъ, промышленности и торговли. Что высоко культурный народъ и не потерпитъ войны, въ особенности продолжительной, и по соображеніямъ моральнымъ — онъ отступитъ передъ перспективой уничтоженія огромнаго количества людей, и по соображеніямъ матеріальнымъ — нарушеніе промышленности и торговли быстро вызоветъ де народныя волненія и революціи, и при содѣйствіи

быстро растущихъ вездѣ партій социалистовъ начавшаяся война быстро прекратится. Съ другой стороны намъ говорили, что могучій расцвѣтъ военной техники, благодаря которому въ число военныхъ средствъ введены въ изобиліи ужасные способы массоваго истребленія людей, неизбѣжно ведетъ къ прекращенію войны, такъ какъ натура людей, въ особенности съ развитіемъ ихъ культурности, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ нервности и утонченности ощущеній, не выдержитъ примѣненія этихъ способовъ, и заставитъ людей сражаться въ этой ужасной обстановкѣ будетъ нельзя. И потому войны если и будутъ продолжаться въ некоторое время, то только между некультурными народами, а культурные народы будутъ воевать лишь съ дикими, и когда послѣдніе будутъ покорены и приобщены къ культурѣ, то войны сами собою по всеѣмъ вышеуказаннымъ причинамъ въ совокупности несомнѣнно прекратятся.

Чтобы не быть голословнымъ, напомню хотя бы многотомный трудъ Влюха*), извѣстнаго финансиста, нашедшаго многихъ видныхъ сотрудниковъ среди нашихъ военныхъ и моряковъ, собравшаго огромное количество мнѣній всевозможныхъ авторитетовъ во всеѣхъ странахъ, считающагося однимъ изъ инициаторовъ первой Гаагской Конференціи — и повторяющаго чуть-что не на каждой страницѣ, что войны между культурными народами немислимы и нельзя по финансовымъ, торговымъ и промышленнымъ соображеніямъ, и фактически невозможны вследствие „повѣйшихъ“ ужасныхъ средствъ разрушенія, которыя будутъ примѣняться въ будущей войнѣ.

Даже Германія платилась за извѣстное довѣріе въ предсказаніямъ антимилитаристовъ.

А насколько подобныя идеи въ извѣстныхъ звѣзхъ частяхъ пустыя глубокіе корни, показываетъ тотъ фактъ, что даже Германія, превосходно въ общемъ подготовившаяся къ войнѣ, все-таки не допускала, что война можетъ значительно затянуться и, начавъ войну немедленно послѣ реализаціи урожая, не подготовила запасовъ зерна на годовой срокъ, т. е. до новаго урожая. Также повидимому Германія была увѣрена, что Англія не приметъ участія въ этой войнѣ — на этомъ былъ построенъ весь ея планъ — и мы знаемъ, что однимъ изъ элементовъ этой увѣренности было соображеніе, высказанное начальникомъ прусскаго генеральнаго штаба, фельдмаршаломъ графомъ Шлиффеномъ, въ брошюрѣ, прочитанной лично императоромъ Вильгельмомъ собравшимся корпуснымъ командирамъ, что „Англія не можетъ уничтожить нѣмецкую торговлю, не нанеся существеннаго ущерба своей собственной. Ея прямая выгода сохранить жизнь своего ненавистнаго конкурента, являющагося въ то же время ея лучшимъ покупателемъ“. А потому Шлиффенъ былъ

увѣренъ, что Англія не будетъ въ числѣ враговъ Германіи. Именно вотъ этой обманутой надеждой и объясняется особая ненависть нѣмцевъ къ англичанамъ въ этой войнѣ.

Антимилитаристы и не пытались противодействовать войнѣ, а пошли подѣ знамена.

Также оказалось, что не только что не могли, но въ общемъ даже и не пытались противодействовать войнѣ социалисты. Антимилитаристы тоже вдругъ сдѣлались сторонниками войны, и пошли подѣ знамена. И тщетно было-бы доказывать, что они сдѣлали это подѣ знаменемъ стремленія къ уничтоженію милитаризма. Это объясненіе годилось-бы только въ томъ случаѣ, если бы это сдѣлали только социалисты и антимилитаристы, въ государствахъ, сражающихся съ нѣмецкими имперіями. Но тоже самое сдѣлали и нѣмцы, и именно нѣмецкіе ученые заявили, что ихъ народъ сражается за милитаризмъ, какъ за лучшую охрану германской культуры.

Не оправдались предсказанія антимилитаристовъ о революціяхъ въ промышленныхъ странахъ при продолжительной войнѣ.

Также не оправдались предсказанія о неминуемыхъ революціяхъ, которыя начнутся въ промышленныхъ странахъ, въ случаѣ длительной приостановки ихъ вышней торговли. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Германіи, въ которой благополучіе огромнаго количества ея населенія зависитъ отъ вывоза ея фабрикатовъ. Вотъ прошло уже 8 мѣсяцевъ войны, причѣмъ въ отношеніи вывоза Германія поставлена въ исключительно тяжелыя условія вслѣдствіе участія въ войнѣ Англіи. Германія потеряла большинство своихъ колоній и отъ остальныхъ она совершенно отрѣзана, какъ и отъ всеѣхъ заморскихъ рынковъ, и очень значительная часть ея торговаго флота захвачена ея противниками, а остальная часть не можетъ и подумать выйти въ море. А между тѣмъ ни о какой революціи въ Германіи нѣтъ и помину, и весь народъ бодро несетъ тягости войны, и даже не слышно пока о какихъ-либо такихъ бѣдствіяхъ народа, которыя могли бы его подвинуть на революцію съ цѣлью заставить прекратить войну.

Войну за жизненные интересы можетъ прекратить не остановка промышленности, а только голодъ.

Единственное, что можетъ привести къ этому — это голодъ безъ надежды получить хлѣбъ за какую бы то ни было цѣну — этому нигдѣ и никакой народъ не могъ-бы противиться, но не объ этомъ писали до войны антимилитаристы, увѣряя что война между культурными народами невозможна вообще, а длительная въ особенности. А вотъ привести именно къ такому положенію нѣмцевъ — это планъ нашей группы, и это вполне соответ-

*) Влюхъ. Вудущая война. 6 томовъ. 1898 г.

ствуетъ „природѣ“ войны. А вся ложь и призрачность различныхъ „ужасовъ“, о которыхъ я упоминалъ выше, въ томъ-то и заключается, что всѣ эти представленія не считаются съ „природой“ войны, что они клоняты къ тому, что война изъ за этихъ „ужасовъ“ становится невозможной и должна неминуемо исчезнуть. И потому и разлетаются въ прахъ всѣ эти представленія, когда эта „природа“ вѣчная и властная, неразрывно связанная съ „природой“ человечества и изъ нея и проистекающая, вступаетъ въ свои естественныя державныя права.

Самые культурные народы выдерживаютъ боевую обстановку войны нисколько не хуже, чѣмъ въ прежнія „некультурныя“ времена, несмотря на всѣ „ужасы, которые внесены въ современную войну военной техникой.

Также разлетѣлись въ прахъ представленія о такъихъ „ужасахъ“ въ бояхъ, благодаря новой военной техники, вслѣдствіе которыхъ человѣческіе нервы этихъ „ужасовъ“ выдержать не могутъ, и люди откажутся сражаться, а потому войнамъ наступаетъ конецъ. Вотъ 8 мѣсяцевъ, какъ съ огромной энергіей примѣняются всѣ эти средства. Мечутъ бомбы съ воздушныхъ кораблей, которыя убиваютъ и женщинъ и дѣтей; стрѣляютъ 45 пудовыми снарядами 42 с/м. мортиры; днемъ и ночью развиваютъ ураганый огонь многочисленная скорострѣльная артиллерія; поливаютъ пулями, какъ изъ пожарной машины, пулеметы, дѣлающіе 600 выстрѣловъ въ минуту; вопреки конвенціямъ употребляютъ сваряды, дающіе при разрывѣ удушающіе газы и разрывныя пули; обливаютъ другъ друга горячими веществами при боѣ въ траншеяхъ; кораблямъ приходится плавать по пространствамъ, заваленнымъ минами загражденія, въ которыхъ лыряютъ невидимыя подводныя лодки. А массы людей живутъ и дѣлаютъ свое дѣло въ этой обстановкѣ цѣлыми мѣсяцами, и энергія ихъ не ослабѣваетъ. А между тѣмъ изъ за огромнаго развертыванія всѣхъ силъ воюющихъ странъ, большинство этихъ людей — запасные, уже отвыкшіе отъ службы, и множество между ними такъихъ, которые ввсегда не отбывали воинской повинности и обучены на сѣхъ лишь послѣ объявленія войны. И духъ ихъ не падаетъ. Раненые торопятся залечить свои раны, чтобы вернуться въ строй. Множество людей поступаютъ добровольцами и стремятся на передовыя позиціи. Туда бѣгутъ подростки и даже женщины.

Значитъ далеко не такова современная война, чтобы массы людей всевозможныхъ степеней культуры не могли переносить ея опасностей и тягостей.

Самые бои сложны и рядомъ имѣютъ упорный и ожесточенный характеръ—мы читаемъ о десяткахъ повторныхъ атакъ въ одинъ день, объ атакахъ въ густыхъ строяхъ, о наваливаніи горъ тѣлъ передъ траншеями.

Итъ, человечество, несмотря на всю утонченность своей культуры, на возросшую нервность и широко распространенную неврастѣню, не потеряло способности воевать! Никакіе „ужасы“ новѣйшей техники не уничтожили, и даже не ослабили этой способности, не охладили военного пыла, когда задѣты жизненные интересы людей, которые иначе никакъ нельзя отстоять какъ силой оружія!

А что эти „ужасы“, во многомъ преувеличенныя представленіями антимилитаристовъ, показываютъ тотъ фактъ, что въ общемъ опасность быть убитымъ или искалѣченнымъ не превышаетъ 6—7% *).

Не можетъ быть такихъ изобрѣтеній въ военной техникѣ, которыя могли бы уничтожить войну.

И такова судьба всѣхъ предсказаній, имѣющихъ задачей показать невозможность войны.

Припомнимъ напр., какъ незадолго до этой войны настойчиво распространялись расказы, что наконецъ сдѣлао изобрѣтеніе, имѣющее въ ближайшемъ будущемъ въ корнѣ уничтожить войну — это возможность на разстояніи взрывать взрывчатыя вещества. Описывались подробно опыты, дѣлались предсказанія, нагромождались „ужасы“. Дѣйствительно — какъ воевать, если противникъ издалика съ помощью электрическихъ волнъ можетъ уничтожить ваши боевыя припасы. Однако ничего подобнаго на дѣлѣ не произошло, и изобрѣтатели такихъ способовъ куда-то исчезли, какъ только началась война.

Но даже, скажемъ, если-бы все это и оказалось правдой, то и тогда война продолжала-бы существовать, такъ какъ она вѣчно существуетъ въ самой природѣ человечества. Нельзя было-бы стрѣлять взрывчатыми веществами, стрѣляли-бы сжатымъ воздухомъ. Явились-бы изобрѣтенія уничтожающія в эту возможность, перешли-бы къ холодному оружію и къ лукамъ, какъ это было въ древности, а все таки продолжали-бы воевать.

Исторія военного искусства показываетъ, что до сихъ поръ не было «непреборимыхъ» военныхъ средствъ.

Многовѣковая исторія военного искусства съ полной убѣдительностью показываетъ, конечно, для тѣхъ,

*). Въ дополненіе къ этимъ даннымъ, почерпнутымъ изъ французскаго источника, можно прибавить еще и нѣмецкія данныя. Оказывается и у нѣмцевъ отъ ранъ умираетъ не больше 2%, или около 60% раненыхъ возвращается въ строй.

Интересно также указаніе профессора В. М. Вехтерева, сдѣланное имъ въ публичной лекціи 14 марта. Онъ указалъ, что во время русско-японской войны число червоно-больныхъ составляло 0,2% по отношенію къ общему числу сражающихся. Во время теверешней войны процентъ этотъ, по мнѣнію В. М. Вехтерева, будетъ нѣсколько ниже, такъ какъ война популярна. Такъ что значить и этотъ процентъ зависитъ не отъ количества „ужаса“ въ боевой обстановкѣ, а отъ „сознательности духа“ сражающихся, и эта „сознательность“ не о б о б о д и м о с т и воевать не можетъ быть убита никакими „ужасами“.

которые пожелаютъ и могутъ къ ней обратиться, что не было такого военного средства,—а сколько ихъ было изобрѣтено за то время пока люди воюютъ, т. е. за все время существованія человѣчества!—не было такого военного средства, претендующаго на непреоборимость, которому не умѣли-бы противопоставить другое, уничтожившее эту непреоборимость. Всякій предложенный маневръ встрѣчалъ нереализующій его контръ-маневръ.

Греческій огонь, таранъ, артиллерія, мина—все это появлялось въ морской войнѣ съ претензіей на непреоборимость, на исключительное главенство въ рѣшевіи боя, на универсальность примѣненія.

И много было принесено жертвъ, и матеріальныхъ, и людскими жизнями, въ угоду этимъ претензіямъ, находившимъ многихъ поклонниковъ, адептовъ и рачителей среди увлекающихся горячихъ головъ, а больше среди „невѣждъ“, неспособныхъ вслѣдствіе узости своего знанія, взглянуть широко и вникнуть въ сущность. Но правильная работа мирнаго времени, обоснованная на тщательномъ изученіи сущности, на серьезныхъ опытахъ, съ помощью боевого опыта приводила всякое военное средство на соответствующее ему мѣсто, въ комбинаціи съ другими средствами, заставляя одно дополнять другое и помогать ему. Такъ создавались типы военныхъ кораблей и ихъ вооруженія. Ни одинъ изъ нихъ не оказался универсальнымъ, а потому единственными. Всякій нуждался въ помощи другихъ, и такъ формировался составъ флота. Такимъ-же образомъ шло дѣло и на сухомъ пути. Такъ намѣчается оно и для борьбы въ воздухѣ.

Питаемое отсутствіемъ пониманія сущности войны и ея средствъ, увлеченіе подводными лодками выступило съ проповѣдью объ ихъ „непреоборимости“.

Вотъ что надо крѣпко помнить, чтобы дать настоящую оцѣнку почти впервые примѣняющемуся на войнѣ новому типу—подводной лодкѣ. Этотъ типъ тоже выступилъ съ претензіей на непреоборимость и на универсальность. И у него нашлись адепты, и не мало ихъ было, и еще имѣется и теперь, которые провозгласили, что съ появленіемъ подводной лодки, всѣ остальные типы—весь надводный флотъ долженъ исчезнуть, какъ неимѣющій никакой возможности бороться съ подводными судами. А такъ какъ эти суда, не имѣя возможности видѣть другъ друга, не могутъ бороться и между собою, то, будучи логичнымъ, приходилось объявить подводныя лодки такимъ средствомъ, которое уничтожитъ и самую возможность морской войны.

Вотъ уже одно такое заключеніе заставляло быть насторожѣ. Это ужъ шло какъ будто въ разрѣзъ съ „природой“ войны, какъ будто совершенно изгонявшейся съ цѣлой стихіи.

Надо было, значить, особенно тщательно провѣ-

рить такое положеніе, и принять его только какъ совершенно неоспоримую очевидность, полностью подтвержденную и военнымъ опытомъ.

Военная наука еще въ мирное время выяснила „дѣйствительныя возможности“ подводныхъ лодокъ и поставила ихъ на подобающее имъ мѣсто.

И эта тщательная провѣрка, какъ это бывало и прежде, началась еще въ мирное время, и вывела этотъ вопросъ, какъ подтверждается это теперь и боевымъ опытомъ, на правильную дорогу. Все фантастичное въ преувеличенныхъ представленіяхъ „увлекающихся“ было отброшено, и всѣ дѣйствительно важныя и полезныя возможности новаго типа были оцѣнены по достоинству, и въ зависимости отъ этого новый типъ былъ проведенъ въ жизнь. Конечно это было сдѣлано съ извѣстной осторожностью, не столь энергично, какъ, можетъ быть, слѣдовало. Но такъ всегда бываетъ съ рѣшеніями мирнаго времени, подготавливающимъ и окончательную провѣрку боевымъ опытомъ, послѣ которой движеніе по выбранному пути всегда нѣсколько ускоряется. Въ результатѣ ни одно государство, ни большое, ни малое, не признало, что подводный флотъ исключаетъ надводный. Подводныя лодки, какъ только онѣ дошли до серьезной степени технического совершенства, вошли въ составъ флотовъ, какъ вспомогательный типъ, необходимый для выявленія полнаго ихъ могущества, типъ, безъ котораго ужъ обойтись было нельзя.

Боевой опытъ, внеся извѣстныя поправки, въ общемъ оправдалъ представленія военной науки.

И вотъ пока боевой опытъ, какъ это было всегда и раньше, въ общемъ оправдалъ работу мирнаго времени. Тѣ, которые пренебрегли этой работой и или недостаточно или совсѣмъ не позаботились о включеніи подводныхъ судовъ въ составъ своихъ флотовъ—таковы были напр., турки—горько навѣрно, каются въ своей непредусмотрительности.

Конечно боевой опытъ внесъ и болѣе или менѣе значительныя поправки въ представленія мирнаго времени, и въ особенности въ представленія „увлекавшихся“. Я не говорю ужъ о тѣхъ „крайнихъ“, которые предсказывали конецъ надводнаго флота и невозможность морской войны. Пока война дала рѣзко отрицательный на это отвѣтъ.

Возможности для подводныхъ лодокъ при оборонѣ береговъ оказались меньше, чѣмъ это представляла себѣ военная наука.

Но и въ военной наукѣ составилось представленіе, что особенно большую роль подводныя лодки могутъ сыграть при оборонѣ береговъ, что онѣ могутъ значительно стѣснить плаваніе противника у береговъ, и въ особенности движеніе его транспортовъ съ войсками. „Увлекающіеся“ именно на этой

важной роли подводныхъ лодокъ въ оборонѣ береговъ стрѣли представленіе о дальнѣйшей бесполезности надводнаго флота. Они говорили, что задачи всякаго флота или заблокировать берега противника, или подвезти къ нимъ армію для высадки, и потому разъ эти задачи, благодаря наличію подводнаго флота, невозможны, то пропадаетъ и весь смыслъ морской войны.

Однако текущая война пока дала ничто совсѣмъ другое. Англійскіе и германскіе отряды нѣсколько разъ подходили вплотную къ непріятельскому берегу, и подводныя лодки этому помѣшать не могли.

Наказаннымъ за это оказался въ одномъ случаѣ лишь германскій отрядъ, но его отогнали и наказали не англійскія подводныя лодки, хотя въ такихъ у англичанъ недостатка нѣтъ, а англійскіе крейсера-дредноуты и сверх-дредноуты. Когда-же ихъ на мѣстѣ не оказалось, набѣгъ германскаго отряда удался, такъ-же, какъ удался оба англійскіихъ набѣга, такъ какъ германскій надводный флотъ не рѣшился выйти. Затѣмъ эскадра нашихъ союзниковъ подолгу и нѣсколько разъ держалась у самого бельгійскаго берега, страшно мѣшая своимъ присутствіемъ чрезвычайно важнымъ операціямъ германской арміи, которая одно время ставила себѣ цѣлью во что-бы то ни стало пробиться къ Кале, и все-таки, несмотря на всѣ усилія германскихъ подводныхъ лодокъ, имъ не удалось не только ее уничтожить или заставить ее удалиться, а даже нанести ей хоть какой нибудь вредъ. Въ Адриатическомъ морѣ все таки одинъ разъ удалось подводной лодкѣ повредить одинъ изъ французскихъ броненосцевъ, но деблокировать Адриатическое море за всѣ 8 мѣсяцевъ такъ и не удалось австрійскимъ подводнымъ лодкамъ. Что же касается до перевозокъ войскъ, то таковыя производились въ огромныхъ размѣрахъ и въ Средиземномъ морѣ, и въ Англійскомъ каналѣ, и ни разу ни одна подводная лодка даже не повредила ни одного транспорта. Ну пусть для австрійскихъ подводныхъ лодокъ выходить въ Средиземное море—была задача непосильная,—но для германскихъ подводныхъ лодокъ, которыя появлялись много разъ въ Англійскомъ каналѣ и заходили и въ Ирландское море, операціи противъ перевозки войскъ во Францію все-таки должны-бы были быть доступными. А между тѣмъ и тутъ никакихъ результатовъ не оказалось.

Трудно считать неуспѣхъ подводныхъ лодокъ во всѣхъ этихъ операціяхъ дѣломъ случая, и самъ собою намѣчается выводъ, что при надлежащихъ мѣрахъ—каковы эти мѣры мы пока совершенно не знаемъ, такъ какъ о нихъ, понятно, ничего не пишутъ во время войны—соотвѣтственно организованные отряды, эскадры и защищаемые ими отряды транспортовъ въ достаточной мѣрѣ обезпечены отъ нападенія подводныхъ лодокъ. И, повидному, даже больше обезпечены, чѣмъ то предполагалось въ мирное время.

Дѣйствія подводныхъ лодокъ оказались очень удачными противъ одиночныхъ и недостаточно осторожныхъ или беззащитныхъ надводныхъ судовъ.

Съ другой стороны нападенія подводныхъ лодокъ оказались очень удачными въ дѣломъ рядъ случаевъ нападенія на одиночныя, или на группы однотипныхъ судовъ, притомъ такихъ типовъ, которые другъ друга охранять и защищать отъ нападенія подводныхъ судовъ не могли. Притомъ въ большинствѣ этихъ случаевъ для подводныхъ лодокъ создавалась исключительно благоприятная обстановка въ видѣ остановки подорванныхъ судовъ для осмотра коммерческихъ судовъ, или для помощи погибавшимъ, или нахожденія на якорѣ безъ соответствующей охраны. Всѣ эти случаи только еще ярче показали всю силу тщательно организованной охраны и взаимодѣйствія различныхъ типовъ—какъ очень дѣйствительныхъ мѣръ противъ подводныхъ лодокъ. Это подтвердилось и тѣмъ фактомъ, что больше всего было потоплено подводными лодками коммерческихъ пароходовъ, которые не имѣютъ никакой охраны, но малочисленности командъ не могутъ быть такъ бдительны, какъ военныя суда, и такъ какъ они не имѣютъ вооруженія, подводныя лодки могутъ маневрировать около нихъ гораздо смѣлѣе. Но при операціяхъ противъ коммерческихъ судовъ выявилась огромная трудность для нихъ разбираться въ національности, въ составѣ грузов, и снимать экипажъ съ судовъ, подлежащихъ потопленію. А благодаря всему этому значеніе подводныхъ лодокъ и въ борьбѣ за свободу морской торговли оказалось пока очень ограниченнымъ.

Подводныя лодки существенно повліяли на всѣ операціи морской войны, и безъ расчета на нихъ немыслима никакая операція на морѣ.

Однако несмотря на всѣ эти ограниченія въ примѣненіи и въ значеніи подводныхъ лодокъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ властно вѣдрили во всѣ операціи на морѣ. Никакая операція на морѣ не можетъ быть задумана и исполнена безъ тщательнаго расчета на участіе въ ней подводныхъ лодокъ, и этотъ расчетъ наложилъ свою печать на всю морскую войну. Всѣ формы, въ которыя выливается морская война, видоизмѣнились, приспособившись къ новой обстановкѣ, создавшейся вслѣдствіе наличія въ составѣ флотовъ подводныхъ лодокъ. Однѣ операціи затруднились, другія облегчились благодаря имъ, но всѣ операціи, видоизмѣнившись по формѣ, остались, и ни въ одной изъ нихъ надводный флотъ, давъ подобающее мѣсто подводнымъ лодкамъ, какъ могущественному своему соратнику, не уменьшился въ своемъ значеніи, такъ какъ морская сила, какъ и уже имѣлъ случай указывать, не можетъ состоять исключительно изъ судовъ какого либо одного

тина, олицетворяющаго одинъ родъ оружія, примѣняемаго на морѣ.

И такое явленіе вполне естественно и всегда имѣло мѣсто при введеніи новаго элемента въ военную технику. Напр., до появленія миноносцевъ, флоты не вводили въ свои расчеты минныхъ атакъ, и сообразно этому и дѣйствовали. Но какъ только появились миноносцы, хотя за 50 лѣтъ своего существованія они совершенно не оправдали надеждъ „увлекавшихся“—таковыхъ теперь въ этой области ужь нѣтъ, хотя въ свое время не было недостатка и въ такихъ, которые требовали составленія флота изъ однихъ миноносцевъ—но все таки расчетъ на нихъ пропалъ всѣ операциі флота, и ни одинъ флотъ въ мірѣ не смѣлъ обойтись безъ нихъ.

Военная наука отнюдь не стремится „предрѣшать“ выводы, а только считаетъ своимъ долгомъ принять всѣ мѣры противъ послѣднихъ и недостаточно обоснованныхъ заключеній.

И вотъ теперь опять, какъ и прежде это уже случилось напр., съ тараномъ и миной, и на большихъ судахъ, и на миноносцахъ, мина и на подводныхъ судахъ совершенно не оправдала преувеличенныхъ надеждъ „увлекающихся новѣйшимъ“, а заняла, хотя и важное, но строго ограниченное ей мѣсто среди другихъ средствъ морской войны, содѣйствуя ихъ успѣху и требуя ихъ содѣйствія для дѣйствительнаго проявленія своей мощи. И это и предсказывала военная наука, являющаяся результатомъ тщательной разработки современнаго, съ точки зрѣнія опыта прошлаго, и этимъ подготовила правильный составъ флотовъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ военной наукѣ отводилось достаточное вниманіе. Боевой же опытъ во всемъ крупномъ подтвердилъ правильность ея работы, и по обыкновенію „новаго“ далъ немного, и больше въ деталяхъ.

Повторяю, все это пока, но и этотъ предварительный результатъ полезно отмѣтить, хотя-бы потому онъ и оказался совсѣмъ другимъ, чтобы принять этотъ противорѣчащій прежнимъ выводамъ результатъ только при полной и дѣйствительной его обоснованности, исключаящей то увлеченіе отдѣльными, недостаточно изслѣдованными боевыми фактами, которому поддавались нерѣдко и цѣлыя поколѣнія, и отдѣльные таланты.

Прямое дѣло военной науки постоянно напоминать объ этомъ, такъ какъ именно эта наука твердо знаетъ, что это постоянно забывается. Повторяю—не для того я все это говорю, чтобы предрѣшать характеръ выводовъ—Боже насъ обороны отъ предвзятости въ этой работѣ, а считаю необходимымъ напоминать о старыхъ ошибкахъ, чтобы обезпечить себя насколько это возможно отъ повторенія ихъ въ будущемъ.

Эта война подтвердила огромное значеніе морской силы.

Что особенно ярко сказалось въ этой войнѣ—это подтвержденіе огромнаго значенія морской силы. Опять лишь подтвержденіе, а не что либо новое.

Въ мирное время уже давно шла работа въ этомъ направленіи.

Значеніе морской силы давно и неизмѣнно возрастаетъ.

Если взять двадцатилѣтній періодъ почти полного затишья въ вооруженной борьбѣ между великими державами, между русско-турецкой и испано-американской войнами, то окажется, что расходы на одного жителя за это время измѣнились:

	На сухопутныя силы.	На морскія силы.
Въ Великобританіи на	+ 2,4%	+ 69,2%
„ Германіи „	+ 36,5%	+ 152,3%
„ Россіи „	+ 12,5%	+ 59,5%
„ Италіи „	+ 27,6%	+ 99,3%
„ Франціи „	— 20,1%	+ 35,7%
„ Австріи „	+ 37,4%	+ 51,9%
„ Соед. Штатахъ „	— 8,3%	+ 37,3%
„ Японіи „	+ 439,6%	+ 966,6%

Изъ этой таблицы видно, какъ лихорадочно стремились возмѣстить свой недостатокъ въ морской силѣ тѣ государства, которыя были отставшими въ этомъ отношеніи. А періодъ послѣдующихъ двухъ лѣтъ ознаменовался еще болѣе крупными ассигнованіями на морскую силу, особенно въ Германіи и въ Россіи.

Интересно отмѣтить, что эту таблицу, которую я заимствовалъ изъ графическаго труда Вліоха *) онъ предназначалъ совершенно для другой цѣли. Указывая на увеличеніе расходовъ на морскую силу, онъ велъ все къ тому-же своему предвзятому выводу—неминуемому прекращенію войнъ и рѣшенію всѣхъ международныхъ спорныхъ вопросовъ международнымъ трибуналомъ. Именно морская война, по его мнѣнію, вслѣдствіе „ужасныхъ“, примѣняемыхъ въ ней средствъ, въ видѣ мины, миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, должна была сдѣлаться невозможной, а такъ какъ война на морѣ приобрѣтала все болѣе важное значеніе, то это сулило въ недалекомъ будущемъ и невозможность всякой войны вообще.

Военный опытъ не замедлилъ подтвердить правильность направленія подготовки мирнаго времени—испано-американская и русско-японская войны были рѣшены на морѣ.

*) См. Вліохъ. Будущая война. Т. III, стр. 440.

Значеніе морской силы тѣмъ больше, чѣмъ больше исходъ войны зависитъ отъ результата борьбы на выносливость, и чѣмъ больше государства зависятъ другъ отъ друга въ промышленномъ отношеніи.

Но, повторяю, въ особенноти ярко сказалось значеніе морской силы въ протекающей грандіозной войнѣ, когда величайшія государства напрягаютъ всѣ свои силы въ смертельной борьбѣ, когда цѣли, за которыя борются народы, столь жизненны для нихъ, что побѣда можетъ быть получена только путемъ полного истощенія и надлома матеріальныхъ и моральныхъ силъ всего населенія въ непріятельской странѣ.

И вотъ въ этой-то борьбѣ на выносливость всей страны огромную роль играетъ морская сила. Уже выяснилось, какъ трудно только силой оружія сломить многомилліонныя полчища, когда они сыты, хорошо вооружены и обильно снабжены боевыми припасами. Даже такіе успѣхи, которые заканчиваются уничтоженіемъ или плѣненіемъ сотни тысячъ людей, являются успѣхами лишь частными, а не рѣшительными, и сила сопротивленія противника не является сколько нибудь замѣтно уменьшенной. Генеральныхъ сраженій, рѣшающихъ участь войны, уже нѣтъ. На огромномъ протяженіи идутъ непрерывные бои, то медленные—позиціонные, то вспыхивающіе въ томъ или другомъ мѣстѣ яркимъ огнемъ чрезвычайныхъ усилій, и въ результатѣ появляется частный успѣхъ на той или на другой сторонѣ, но рѣшительнаго вліянія на общій ходъ войны ни одинъ изъ этихъ успѣховъ не оказываетъ. Пока не подорвана сила всего государства, стоящаго за своей военной силой, до тѣхъ поръ эта сила не надламывается. Съ тѣхъ поръ, какъ начали воевать на роды, а не только ихъ арміи, главный ударъ приходится направлять противъ всего народа—иначе трудно обезсилить его армію. Наполеона можно было разбить, уничтоживши его армію. По тѣмъ временамъ его армія въ 1812 г. считалась огромной, а между тѣмъ численность всѣхъ ея двенадцати языковъ не превышала 550 тысячъ человекъ. Теперь однихъ плѣнныхъ нѣмцевъ и австрійцевъ у насъ гораздо больше, а сколько еще убито ихъ и ранено. И все-таки, потерявши по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ было у Наполеона всего въ 1812 г., наши противники въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ сохраняютъ свои позиціи, и если мы держимся въ Галиціи, то еще болѣе значительное пространство нашей земли они занимаютъ въ Западной Польшѣ, и конца этому положенію послѣ 8 мѣсяцевъ войны еще не видно. Таково положеніе и на Западѣ—во Франціи и въ Бельгіи. Значитъ арміи пришли въ какое то равновѣсіе, изъ котораго онѣ, несмотря на энергичныя ихъ усилія, выйти не могутъ. И вотъ, чтобы ускорить надломъ силы арміи противника, а можетъ

быть и вообще чтобы произвести этотъ надломъ, надо сначала надломить ресурсы страны.

Именно теперь, когда всѣ страны такъ связаны другъ съ другомъ коммерческими отношеніями, когда онѣ зависятъ другъ отъ друга въ полученіи и жизненныхъ для нихъ продуктовъ и предметовъ, необходимыхъ для армій, особенно дѣйствительнымъ является надломъ ресурсовъ страны посредствомъ изолированія ея отъ сношеній съ другими странами. Вотъ здѣсь-то и выступаетъ на первый планъ морская сила, которая является главнымъ, и собственно почти единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Такимъ образомъ уже изъ-за этого одного становится понятнымъ, что по мѣрѣ возрастанія зависимости государствъ другъ отъ друга въ промышленномъ отношеніи, возрастаетъ и значеніе морской силы, и это особенно ярко сказывается въ этой войнѣ.

Теперь особенно ясно видно, какое огромное значеніе имѣетъ въ этой войнѣ Англія, т. е. морская сила.

Теперь уже видно, что безъ участія Англіи сломить силу германизма было-бы двойственному союзу не по плечу и именно изъ-за недостатка въ морской силѣ. Не говоря уже о томъ, что именно выступленіе Англіи увлекло за собой Японію и больше всего повліяло на рѣшеніе Италіи воздержаться отъ наступленія вмѣстѣ со своими союзниками, — даже и безъ этого нѣмецкія имперіи обладали-бы тогда безусловнымъ преобладаніемъ на морѣ, и выносливость ихъ была-бы неистощима. Борьба за свободу морской торговли и въ Атлантическомъ океанѣ, и въ Средиземномъ морѣ была-бы чрезвычайно тяжела для Франціи, и выносливость нашей союзницы была-бы въ значительной мѣрѣ подорвана. Наше положеніе было-бы особенно тяжелымъ, такъ какъ тѣ два пути, которыми мы теперь пользуемся—черезъ Архангельскъ и Владивостокъ тоже были-бы для насъ закрыты—для этого былъ-бы достаточенъ въ Ледовитомъ океанѣ отрядъ германскихъ вооруженныхъ пароходовъ, а въ Японскомъ морѣ отрядъ германскихъ крейсеровъ, находившихся передъ войной въ Кіао-Чао.

Даже при участіи Англіи въ войнѣ именно Россія особенно остро чувствуетъ послѣдствія недостаточности своей морской силы.

Но даже и теперь, при той исключительно благоприятной обстановкѣ, которая создавалась для насъ и для Франціи, благодаря участію на нашей сторонѣ Англіи, именно на насъ чрезвычайно тяжело отзывается послѣдствія того, что мы не смогли создать такой морской силы, которая соотвѣтствовала-бы нашему положенію, какъ морской державы. При такой морской силѣ для насъ былъ-бы открытъ путь и черезъ Балтійское море, и то, что дѣлаютъ теперь

наши союзники для насъ въ Дарданеллахъ, мы сдѣлали-бы и сами со стороны Чернаго моря. А это было-бы куда для насъ надежнѣе. А тогда въ значительной мѣрѣ облегчилось-бы для насъ техническое снабженіе нашего неисчерпаемаго запаса людей. Оно облегчилось-бы непосредственно, такъ какъ подвозъ этого снабженія шель-бы свободно, и по удобнымъ и дешевымъ путямъ, а также и косвенно, такъ какъ свободный вывозъ нашего сырья значительно увеличитъ-бы наши денежные средства для пріобрѣтенія этого снабженія. А кромѣ того не было-бы у насъ того вздорожанія предметовъ первой необходимости, которое тоже не можетъ не отзываться на нашей выносливости. Правда, одна изъ главныхъ причинъ этого вздорожанія—нарушеніе правильности распреденія по странѣ жизненныхъ продуктовъ, которыхъ у насъ болѣе чѣмъ достаточно, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ—какъ будто-бы не имѣетъ отношенія къ вліянію морской силы. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ, и зависимость здѣсь очень большая. Во-первыхъ, значительная часть этихъ продуктовъ распредѣлялась и моремъ—по нашимъ побережьямъ въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, и эти пути оказались для насъ закрытыми, и это распреденіе цѣликомъ легло на желѣзныя дороги. А затѣмъ Сибирь, которая снабжала насъ огромнымъ количествомъ этихъ продуктовъ, не можетъ этого дѣлать теперь, такъ какъ сибирскія желѣзныя дороги забыты перевозкой изъ Владивостока всего того, что мы получали раньше прямо моремъ черезъ порты европейской Россіи. Все это очень измѣнится къ лучшему, когда наши союзники овладѣютъ проливами.

Особенно важно, чтобы изъ этой войны вынесла убѣжденіе въ жизненной необходимости для насъ могущественной морской силы наша армія.

Во всемъ этомъ значеніи морской силы, повторяю, нѣтъ ничего новаго. Все это давно было выяснено, и на основаніи прежняго опыта, и путемъ анализа въ военной наукѣ, и текущая война только особенно ярко подтвердила правильность этой работы мирнаго времени. Особенно важно, чтобы этимъ сознаніемъ прониклась наша армія, чтобы она въ будущемъ съ полнымъ пониманіемъ относилась къ созданію морской силы, видя именно въ ней одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ своего собственнаго могущества. А тогда наличіе соответственной морской силы будетъ и у насъ обезпечено.

Именно эта война особенно ярко показала тщету упованій на прекращеніе войнъ, и потому надо ужъ теперь думать о наилучшей подготовкѣ для слѣдующихъ войнъ.

Кончится эта грандіозная война, но, увы, не прекратится возможность возникновенія новыхъ войнъ.

И сколько-бы ни мечтали иные наивные люди о томъ, что эта война серьезный шагъ къ уничтоженію войнъ, изучавшій „природу“ войны добросовѣстно на эту точку зрѣнія стать не можетъ. Пока не измѣнится въ корнѣ человеческая природа,—а никакихъ признаковъ такого измѣненія нѣтъ, и это тоже болѣе чѣмъ наглядно подтвердила переживаемая нами война,—вооруженная борьба, вытекающая изъ этой природы, будетъ продолжать существовать, и единственно надежная отъ нея временная страховка попрежнему будетъ хорошо подготовленная военная сила, и хорошо подготовленная страна въ смыслѣ длительной выносливости всѣхъ послѣдствій состоянія войны.

И такой выводъ неизбеженъ, на чьей бы сторонѣ ни осталась побѣда въ этой грандіозной войнѣ. Побѣдятъ нѣмцы—ясно будетъ, что это случилось благодаря ихъ исключительно хорошей подготовкѣ къ войнѣ и въ чисто военномъ, и въ финансовомъ, и промышленномъ отношеніяхъ, т. е. именно тому, что называется милитаризмомъ. А если побѣдятъ тройственное согласіе, то именно изъ той уже вылинявшейся за 8 мѣсяцевъ и имѣющей выясниться и дальнѣйшей огромности и усилій, которыя требовались для того, чтобы сломить силу германизма, именно вслѣдствіе милитаризма этого германизма, ясно будетъ человечеству, какъ важна превосходная подготовка къ войнѣ, т. е. именно то, что называютъ милитаризмомъ, чтобы не оказаться въ смертельной опасности при нападеніи хорошо подготовленнаго противника. Разыграется эта война въ ничью—ясно будетъ, что нѣмцамъ удалось достигнуть сохраненія своего государства изъ за совершенства своей военной подготовки, а тройственному согласію—изъ за превосходства своихъ силъ, счастливо возмѣтившаго ихъ меньшую военную подготовленность. И выводъ во всякомъ случаѣ будетъ одинъ, и страшно старый выводъ—„хочешь мира—готовься къ войнѣ“, и тогда можетъ-быть и временно его получишь, а не будешь готовиться—на вѣрно получишь войну. А что послѣ этой войны ослабѣетъ міровое соперничество народовъ, и что они смогутъ договориться объ ограниченіи готовности къ войнѣ—это оставимъ наивнымъ мечтателямъ, и пожалѣемъ тотъ народъ, гдѣ они возьмутъ хотя-бы временно верхъ, благодаря чему ему неминуемо предстоитъ разгромъ, послѣ котораго онъ конечно очнется. Одно изъ опасныхъ „словечекъ“, пущенныхъ въ ходъ этими мечтателями, это что мы (тройственное согласіе) ведемъ войну противъ милитаризма. Это красиво, но невѣрно. Мы ведемъ войну противъ германизма. И его мы, дасть Богъ, побѣдимъ. Но не будемъ думать, что вмѣстѣ съ тѣмъ мы побѣдимъ и милитаризмъ. Это будетъ страшно опасное для насъ заблужденіе.

И вотъ въ этомъ разумномъ предвидѣніи надъ твердо помнить о той огромной роли, которую играетъ

въ этой подготовленности страны къ войнѣ морская сила, и тѣмъ роль эта будетъ становиться важнѣе, чѣмъ культурнѣе будетъ становиться человѣчество. Подтвержденіе этой старой истины одинъ изъ самыхъ важныхъ выводовъ изъ этой войны.

И еще не менѣе важный выводъ, и столь-же старой истины—это, что культурное развитіе, доступное человѣчеству, ни въ коей мѣрѣ не ведетъ къ уничтоженію войны.

А потому, покончивъ съ этой войной, будемъ тщательнѣе готовиться на основаніи ея опыта къ слѣдующей.

Иначе, побѣдивши въ этой войнѣ, не сможемъ использовать плоды побѣды.

15-го марта 1915 г.

Н. Кладо.

Петръ I Великій, московскій царь и императоръ всероссійскій.

Проф. Н. Н. Ойрсовъ.

(Личная характеристика).

Личность Петра Великаго не такъ проста, какъ мы привыкли ее себѣ представлять.

То, что въ этой личности сразу бросалось въ глаза, дѣйствительно просто — склонность Петра къ физической работѣ, его практическая сметливость и сноровка, его веселость, кажущаяся прямота и чисто стихійные порывы въ выраженіи ласки и гнѣва, склонность этого человѣка къ простой жизни и къ грубымъ шумнымъ удовольствіямъ, къ близкому общенію съ простымъ людомъ, — все это въ царѣ слишкомъ громко и открыто заявлявшее о себѣ, весьма упростило образъ того, кого называли и называютъ преобразователемъ Россіи. И въ нашемъ воображеніи особенно крѣпко зашло представленіе о Петрѣ, какъ о „царѣ - плотникѣ“, „мастеровомъ“, какъ о „морякѣ“ съ „матросскимъ аппетитомъ“ и проч., къ чему какъ-то больше подходила необычная для царя повадка, и вообще, вся простецкая обстановка жизни этого государя. Разумѣется, отиѣченное представленіе имѣетъ свои резоны: черты, которыя оно сообщаетъ, стереть нельзя, онѣ вполнѣ соответствуютъ дѣйствительности и должны войти въ характеристику личности Петра; но не будетъ ли характеристика гораздо проще оригинала, если мы остановимся лишь на подборѣ чертъ, сразу для всѣхъ замѣтныхъ?

Въ личности Петра I, какъ и въ личности каждаго человѣка, соединились разнообразныя особенности, изъ коихъ нѣкоторыя не кричатъ о себѣ, а нѣкоторые и сейчасъ же замѣтны, но далеко не сразу постигаются въ своихъ настоящихъ причинахъ, только и способныхъ дать объ этихъ особенностяхъ правильное понятіе. Поэтому мы постараемся, не игнорируя наиболѣе распространеннаго представленія о Петрѣ Великомъ, выяснитъ и тѣ черты его личной психологіи, которыя оставались въ тѣни.

Интересно и поучительно всесторонне понятъ этого человѣка, съ дѣтства на всѣхъ насъ производившаго сильное впечатлѣніе своимъ гигантскимъ ростомъ (безъ двухъ вершковъ саженъ!),—своею необыкновенною силою, жестокостью, всей своей гордой и величественной осанкой, повелительнымъ

суровымъ выраженіемъ красиваго, но немного круглаго лица, обрамленнаго откинутыми назадъ густыми, выющимися волосами..

Уже съ самаго своего рожденія (въ ночь на 30-го мая 1672 г.), Петръ обѣщаль быть физически выдающимся человѣкомъ: новорожденный ребенокъ оказался великаномъ — 11 вершковъ въ длину и 3 вершка въ ширину. Онъ не пошелъ ни въ своего отца, царя Алексѣя Михайловича, ни въ дѣда по отцовской линіи, — людей не отличавшихся крѣпкимъ здоровьемъ и вообще представлявшихъ иной типъ личности.

Какъ весьма многіе замѣчательные люди, Петръ унаслѣдовалъ внѣшнія и внутреннія особенности материнскаго рода. Это было и хорошо, и плохо. Въ родѣ Нарышкиныхъ былъ большой запасъ здоровья, много подвижности, энергіи и настойчивости: это было, разумѣется хорошо; но необыкновенная живость темперамента нерѣдко переходила въ легкомысліе, и не далеко ходить — сама мать Петра, Наталья Кирилловна, хотя и отличалась, по свидѣтельству князя Куракина, „добродѣтельнымъ темпераментомъ“, все-таки была женщина „легкаго ума“, какъ аттестовалъ ее тотъ же современникъ въ своей извѣстной „Гисторіи о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“: эта послѣдняя черта заявляла о плохой сторонѣ наслѣдственности по матери. Дальнѣйшее покажетъ, что Петръ унаслѣдовалъ не только положительные, но и отрицательныя черты Нарышкиныхъ, и многія печальныя особенности его поведенія, помимо другихъ причинъ, должны быть объяснены и несовершенствами его нарышкинской природы. Покойный царь Алексѣй Михайловичъ, души не чаявшій во второй своей юной супругѣ, всѣ свои лучшія отеческія чувства перенесъ на ея сына. Недолго пришлось царю дѣлать Петра, оставленнаго имъ спротоу по 4-му году; но и въ этотъ небольшой срокъ отцу удалось много сдѣлать для развитія въ сынѣ первыхъ дѣтскихъ вкусовъ, чему весьма содѣйствовало то обстоятельство, что крѣпкій ребенокъ изумительно быстро всталъ на ноги, начавъ ходить, когда ему исполнилось всего полгода. Игрушками и

забавами, окружавшими ранее дѣтство Петра, развивались въ немъ преимущественно военные вкусы, и въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, не только вслѣдствіе естественной склонности мальчиковъ къ играмъ въ солдатики, но и вслѣдствіе того, что, послѣ церковности, представленія о войнахъ и врагахъ долговѣныхъ—это тотъ моральный воздухъ, которымъ то нехотя, то съ охотой—смотря по темпераменту—дышали московскіе государи первой и второй династїи. Если когда-то царь Иванъ Васильичъ, спрошенный Баторіемъ о томъ, какіе подарки онъ желалъ бы отъ него получить,—уже почти старикъ, поговаривавшій иногда о принятїи „ангельскаго чая“, признался, что онъ больше „охотникъ до армаковъ, до жеребцовъ добрыхъ, до шапокъ желѣзныхъ съ наводомъ, пицалей ручныхъ“,—то было слишкомъ въ порядкѣ вещей, что маленькаго царевича Петра близкіе къ нему люди дарили „потѣшными лошадками, карабинами“, „пистолями“, „барбанцами“, „булавами“ и т. под., а царевичъ оказался „охотникомъ“—и большимъ—до всѣхъ этихъ вещей. Подобныхъ игрушекъ скоро накопилось очень много, и царевичъ могъ забавляться ими вмѣстѣ съ приставленными къ нему въ достаточномъ количествѣ сверстниками, которые и явились первыми потѣшными солдатыками Петра.

Эти самыя раннія игрушки и игры были сѣменами, упавшими на очень благодарную почву: онѣ-то и пустили первые и весьма жизнеспособные побѣги необыкновенной любви Петра именно къ военному ремеслу; по свидѣтельству современника Крешнина, маленький царевичъ не интересовался никакими забавами, кромѣ военныхъ. Раннимъ физическимъ и умственнымъ развитіемъ онъ, повидимому, значительно опередилъ своихъ ровесниковъ,—„робятки“ скоро ему наскучили, и ихъ пришлось замѣнить взрослыми „робятами“, изъ которыхъ, по повелѣнію царя, былъ набранъ полкъ со знаменемъ, въ зеленомъ мушкетѣ, вооруженный настоящимъ ружьемъ и названный „Петровъ полкъ“, по имени своего воинственнаго полковника по 4-му году отъ роду. Но царь Алексѣй Михайловичъ позаботился не объ олянхъ забавахъ для своего сына, онъ же положилъ начало и правильному военному обученію его, успѣвъ назначить къ нему въ качествѣ военнаго наставника шотландца полковника Менезіуса, который состоялъ при немъ и послѣ преждевременной смерти царя Алексѣя, вплоть до захвата власти царевной Ссѣфьей. Такимъ образомъ уже съ самаго ранняго дѣтства, въ воспитанїи Петра, слагавшемся изъ военныхъ потѣхъ и обученїа, были на лицо тѣ элементы, которые потомъ приписывались исключительно вліянію Нѣмецкой Слободы: военное дѣло и иноземцы. Правда, позднѣе, въ періодъ общенїа Петра съ Нѣмецкой Слободой, означенные элементы въ его жизни были представлены въ усиленномъ, и даже утрированномъ видѣ, но намѣчены они были еще въ ту пору, когда

маленькій Петръ находился подъ ласковымъ попеченіемъ своего разумно-благодушнаго отца и его вкусливыхъ отъ заморскаго плода софитниковъ. Братъ Петра, царь Оедоръ, не лишая его военнаго обученїа, добавилъ къ нему обученіе грамотѣ; но достоинъ вниманїа тотъ несомнѣнный фактъ, что съ военными упражненїями ребенокъ познакомился равнѣе, чѣмъ съ букваремъ. Обученіе грамотѣ начато было, когда Петру доходить 5-й годъ (12 марта 1677 г.). Необыкновенно острая память позволила царевичу весьма быстро и легко проходить мало-занимательный путь тогдашней „науки книжнаго наученїа“, гдѣ и букварь, и Апостолъ, и Евангелїе являлись какими-то неподвижными загражденїями, которыя надо было брать приступомъ на зубокъ. Для любознательнаго, но и чрезвычайно живого мальчика одно зубренїе и выведенїе по „царевичевой буквари“ (прониси) литеръ на бумагѣ было бы безвразумно скучно, если бы указка Зотова ограничилась только этимъ; но „царевичевъ“ грамотей, повидимому инстинктивно, прирожденнымъ педагогическимъ чутьемъ понялъ, какъ сдѣлать для непосѣдливаго ученика занимательной учебу; чтенїемъ Петру разныхъ „исторїй“ о храбрыхъ и мудрыхъ царяхъ, показываемъ ему „потѣшныхъ“ книгъ съ „кувшитами“, рисунками,—занятїями, практиковавшимися собственно не въ учебное время,—значительно расширился кругъ ученїа, и оно дѣлалось болѣе осмысленнымъ и интереснымъ; ибо въ этихъ, какъ-бы частныхъ занятїяхъ, ученїку незамѣтно уяснялась цѣль, ради коей столь скучными способами осмѣивалась грамота: полученїе возможности самому узнавать изъ книгъ все то, что дѣлалось и дѣлается на Божьемъ свѣтѣ. Но Зотовъ, присоединивъ къ механическимъ способамъ ученїа психологическіе, стремившїеся заинтересовать и образовать ребенка, не ввелъ чего-либо новаго въ дѣтскую комнату Петра.—Здѣсь уже равнѣе въ числѣ игрушекъ, бывшихъ главнымъ образомъ военными, были и „потѣшныя“ иллюстрированныя книжки, тетради и гравированныя картинки, такъ называемыя „Фряжскїе листы“ самаго разнообразнаго содержанїа, не только сказочнаго, но и географическаго и историческаго, разсмотрѣніе коихъ увеличивало запасъ понятїй и вообще развивало ребенка. Зотовъ лишь воспользовался „потѣшнымъ“ образовательнымъ матеріаломъ дѣтской Петра и преградилъ ее въ классъ нагляднаго обученїа—по картинкамъ. Ознакомленїе Петра съ русской исторїей велось по спеціально для этой цѣли приготовленной книжкѣ съ иллюстраціями, по „царственной книжкѣ въ лицахъ“. Такимъ образомъ видимъ, что начало той безграничной любознательности, которая всѣхъ поражала въ Петрѣ (въ частности его интереса къ русской исторїи) тоже было положено еще во время ранняго его дѣтства. Образованїе Петра, при средствахъ тогдашней педагогїи, въ общемъ было начато правильно, но оно быстро кончилось, и потому

младшій сынъ царя Алексѣя, если и „остро прочиталъ“ „навзустъ или памятью“ „все Евангеліе и Апостолъ“, то въ отношеніи письма, требовавшего гораздо большаго времени для усвоенія, остался недоучкой. Военное дѣло, начатое раньше обученія грамоты, дало до 1682 года болѣе прочные результаты, чѣмъ уроки Зотова, почему послѣ трагическихъ событій означеннаго года Петръ легко и охотно встаетъ на военную дорогу, направленіе которой указывалось, а потомъ и оправдывалось, обстоятельствами. Въ періодъ времени отъ того момента, когда онъ впервые покинулъ колыбель для „потѣшной лошади“ и „барабана“, до момента, когда услышалъ неистовый грохотъ стрѣлеческихъ барабановъ и увидѣлъ кровавую потѣху стрѣльцовъ, Петръ развился такъ, какъ не развиваются обыкновенные люди, — и физически, и умственно. 10-ти лѣтній мальчикъ казался 15—16-ти лѣтнимъ юношей, невольно притягивавшимъ къ себѣ взоръ своею вышностью. Это былъ бурчавый, черноволосый отрокъ, по виду старшаго возраста, съ искрившимся природнымъ умомъ, большими глазами; цвѣтущимъ здоровьемъ такъ и вѣяло отъ его свѣжаго румянаго лица и отъ его крѣпкаго стана; быстрота и какая-то безыконая порывистость движеній изобличали въ немъ сангвиника, съ повышенной нервной возбудимостью.

Дѣйствительно, еще въ раннемъ дѣтствѣ замѣчалась нѣкоторая торопливость и нетерпѣливость въ его поведеніи. Необыкновенная живость и подвижность ребенка однажды поставила Наталью Кирилловну, наблюдавшую черезъ небольшое отверстіе въ двери церемонію посольскаго приѣма, даже въ неловкое положеніе, когда маленькій Петръ, стоявшій рядомъ съ матерью, неосторожно являясь на дверь, растворилъ ее; такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ современникъ, подавшій тѣмъ поводъ историкамъ въ этомъ анекдотѣ видѣть какъ бы прообразъ будущей роли Петра по открытію дверей древне-русскаго терема. На основаніи подобныхъ рассказовъ, внутренняя художественная правда которыхъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, достаточно было бы сказать, что Петръ отъ природы обладалъ чрезвычайно живымъ, но въ то же время и весьма нервнымъ, крайне быстро воспринимающимъ впечатлѣнія бытія, темпераментомъ. Если это такъ, то легко можно представить себѣ то впечатлѣніе, которое произвели на 10-ти лѣтняго Петра разыгравшіяся передъ нимъ кровавыя сцены во время стрѣлеческаго мятежа, когда онъ опять стоялъ рядомъ съ матерью, на этотъ разъ на Красномъ крыльцѣ. Говорятъ, что маленькій Петръ не изменился въ лицѣ; этому, разумѣется, трудно повѣрять, да едва ли кто въ тотъ кровавый моментъ рѣзни и страха за свою собственную шкуру, могъ замѣтить чужое настроеніе, хотя бы и царское; правильнѣе думать, что и маленькій Петръ былъ тогда объятъ ужасомъ вмѣстѣ со всѣми другими; во всякомъ случаѣ

именно тогда онъ научился бояться. Такъ приходится думать, принимая во вниманіе позднѣйшее отношеніе Петра къ звѣрской расправѣ стрѣльцовъ съ близкими къ нему людьми и прежде всего съ баловавшимъ его подарками добрымъ дѣдушкой Матвѣевымъ. Никогда въ теченіе всей жизни, Петръ не могъ забыть этихъ кошмарныхъ минутъ: заложивъ въ его душу восприимчивость къ страху, онъ въ воспоминаніяхъ воспитывалъ въ Петрѣ чувства, идущія рука объ руку со страхомъ, — чувства ненависти и мести. Кровью былъ облитъ порогъ жизни Петра; какъ ругать, живого мальчика, съ довѣріемъ смотрѣвшаго на весь міръ широко раскрытыми, любознательными глазами, въ которыхъ мелькнулъ ужасъ, — и эта столь много обѣщавшая жизнь была испорчена. Потому и была испорчена жизнь, что уже въ дѣтствѣ въ душу Петра залегли тлетворныя чувства — страхъ и злоба, послужившія началомъ порчи его личности.

Дальнѣйшія событія дѣйствовали въ томъ же направленіи порчи и усилили ее до весьма значительныхъ размѣровъ, — тѣмъ болѣе, что обстоятельства, такъ или иначе потрясавшія личность Петра въ юношескую пору, находили себѣ мощнаго союзника въ самомъ бытѣ и политическихъ привычкахъ Московской Руси, сильно отдававшихъ виномъ и кровью. Первый вліятельный пестуецъ Петра въ жизни (а не въ школѣ) — князь Борисъ Голицынъ, начавшій водить знакомство съ иноземными офицерами и купцами и „склонившій“ и юнаго опального царя „къ нимъ въ милость“, былъ человекомъ „ума великаго“, но „пильно непрестанно“, не говоря уже о томъ, что по утвержденію все того же, едѣлавшаго эти сообщенія, князя Куракина, князь Б. Голицынъ былъ „великій мздоимецъ, такъ что весь міръ разорилъ“, т. е. обладалъ тоже очень типической и ярко выраженной въ этомъ близкомъ къ Петру лицѣ особенностью вышнихъ служилыхъ людей Московской Руси. Мудрено ли, послѣ этого, что Петръ, составившій себѣ компанію изъ поправившихся ему обитателей Нѣмецкой Слободы и русскихъ своихъ приближенныхъ, быстро вошелъ во вкусъ разгульной жизни, въ которой „дебошество“, и „пьянство великое“ были постоянными спутниками и дѣла, и бездѣлья. Наслѣдственное наришкинское легкомысліе несомнѣнно сыграло въ этомъ „дебошствѣ и пьянствѣ“ свою роль. Событыльники у Петра оказались хоть куда, ихъ приходилось ему не угощать, а скорѣе сдерживать, но, повидимому, такъ же безуспѣшно, какъ и самаго себя впоследствии, когда болѣзненное состояніе потребовало воздержанія. Во главѣ иностранцевъ стоялъ извѣстный Францъ Лефортъ, по опредѣленію кн. Куракина, „дебошанъ французскій“, въ домѣ котораго, помимо „дебоша съ дамами“, пропеходило и „пьянство непрестанное“, отъ чего Лефортъ и умеръ преждевременно; во главѣ русскихъ поклонниковъ Бахуса стоялъ, кромѣ „непрестанно пьющаго“ князя Б. Голицына, другой князь — Ромода-

новскій, который, согласно аттестаціи, выданной ему княземъ Куракинымъ, тоже „любилъ пить непрестанно“. Да и другіе, младшіе члены компаніи, тѣ, которыхъ поэтъ называлъ „птенцами гнѣзда Петрова“, не хуже старшихъ подружились съ „Ивашкой Хмѣльницкимъ“, какъ Петръ на своемъ колоритномъ языкѣ величалъ хмѣльное питіе; оно продолжалось частенько два по три подъ рядъ безъ выхода изъ дома Лефорта, и многіе въ отчаянной борьбѣ съ „Ивашкой“ навѣки складывали свои пьяныя головы; у самого Петра голова уцѣлѣла, но стала трястись. Споры нѣтъ, что потрясеніе, которое испыталъ Петръ въ дѣтствѣ, и другое, которое онъ пережилъ въ юности, когда въ паняческомъ страхѣ, оставивъ жену съ сыномъ и мать, бѣжалъ прямо съ постели сначала въ ближайшій лѣсъ, а потомъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, — подготовили почву для постигшей Петра нервной болѣзни, но едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что возникла она отъ безумныхъ, можно сказать, смертельныхъ оргій, коимъ предавался въ юности Петръ со своей компаніей. Ворьба съ сестрой и стрѣльцами все время держала Петра въ состояніи страшнаго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ; какъ ни были онѣ велики, но онѣ были не безграничны и по временамъ поддавались; тогда-то на помощь и приходилъ веселый и несущій забвеніе „Ивашка“, съ которымъ обыкновенно расплачиваются за удовольствія впоследствии.

Оргійное состояніе притупляло обычную человѣческую чувствительность нервовъ, и психика въ время настраивалась на холодно-жестокіе тоны, совершенно глухіе къ человѣческому страданію. Петръ самъ хорошо понималъ эту зависимость между непробуднымъ, „непрестаннымъ“ пьянствомъ и кровожадною свѣрфностью, когда, пораженный звѣрствомъ шефа своего застѣвка, писалъ ему: „Перестань знаться съ Ивашкой, быть рождъ драной“. Петру, однако, было невдомекъ, что и самъ онъ въ сущности дѣйствуетъ по тому же рецепту, топя въ винѣ постоянно жившее въ немъ внутреннее опасеніе и инстинктивно ница въ шумномъ разгулѣ съ компаніей подкрѣпленія для дальнѣйшей борьбы не на животь, а на смерть. Такъ, въ самые лучшіе, ююпешкіе годы въ жизни Петра, и шли рука объ руку вино и кровь, все болѣе и болѣе портя характеръ этого человѣка, далеко не лишенаго природной доброты, но отъ жизни становившагося съ каждымъ годомъ безпощаднѣе и все болѣе и болѣе привыкшаго не церемониться ни съ человѣческой личностью, ни съ обществомъ. Уже такія выраженія, какъ вышеприведенныя изъ письма къ Ромодановскому, рельефно показываютъ всю глубину пренебреженія Петра къ человѣческому достоинству даже самаго довѣреннаго его лица, въ которомъ онъ видѣлъ не болѣе, какъ живую машину для истребленія крамолы, слишкомъ передожившую въ настраивающемъ ее на безжалостный ладъ напитокѣ. Но Петръ не ограничивался выраженіями, хотя бы и

очень крѣпкими: онъ частенько давалъ волю не только языку, но и рукамъ, отъ которыхъ не здоровилось многимъ, пошавшимъ подъ его неудержимый гнѣвъ, — особенно, когда въ рукахъ царя оказывалась знаменитая дубинка. Отъ царскихъ и притомъ очень частыхъ побоевъ не ушли самые близкіе къ Петру люди, — Лефортъ и Меньшиковъ. Тѣмъ менѣе Петръ церемонился съ другими, къ которымъ не питалъ личной привязанности. Тутъ не только гнѣвъ, но и веселое расположеніе духа Петра давали большой просторъ для всякаго рода униженій или, по Куракинскому выраженію, „ругательства“ надъ удостоившимися царскаго вниманія. На святкахъ, во время славленія съ компаніей по домамъ, особенно размашисто разгуливался своеобразный, но не добрый юморъ Петра, выбиравшій своими жертвами „знатныхъ персонъ“ и „старыхъ бояръ“.

Когда, какъ сообщаетъ князь Куракинъ, „людей толстыхъ протаскивали сквозь стула, гдѣ невозможно статься, на многихъ платья дѣрала и оставляли нагишемъ, иныхъ гузномъ янца на локани разбивали, инымъ свѣчу въ проходъ забивали; иныхъ на ледъ гузномъ сажали; инымъ въ проходъ мѣхомъ надували“. Конечно, все это производилось во время самой безшабашной гульбы и пьянства, приводившихъ иногда Петра въ состояніе полной психической ненормальности, какъ, напримѣръ, это случилось во время торжественнаго въѣзда въ Москву послѣ Полтавской вѣкторіи, когда Петръ прямо поразилъ датскаго посланника Юста Юля своимъ видомъ и поведеніемъ: смертельно блѣдный, съ уродливо искаженнымъ конвульсіями лицомъ, производя „страшныя движенія головой, ртомъ, руками, плечами, кистями рукъ и ступнями“, царь, въ безумномъ изступленіи, наскочилъ на оплошавшаго въ чемъ то солдата и началъ „безжалостно рубить его мечемъ“. Сильное опьяненіе Петра и сопровождавшихъ его, подчерпываемое Юстомъ Юлемъ, несомнѣнно было ближайшей причиной такого патологическаго гнѣва. Въ атмосферѣ, напоенной виномъ, легко возникали вообще всякіе эксцессы, въ томъ числѣ и многочисленныя „интриги амурныя“, въ которыхъ первымъ „конфидентомъ“ Петра былъ „дебосанъ французскій“ — Лефортъ, за то имъ и любимый. Въ дѣлахъ любви и въ отношеніяхъ къ „метресишкамъ“, перебивавшимъ у Петра, какъ одновременно, такъ и болѣе длительно, онъ явился такимъ же реалистомъ-практикомъ, какимъ онъ вообще былъ въ отношеніяхъ своихъ къ служилому люду; за любовь онъ платилъ, хотя и умѣренно, деньгами и подарками, разсматривая и этого рода отношенія, какъ бы службой себѣ, а когда платой жрица любви оказывалась недовольна, то онъ парировалъ такое указаніе тоже указаніемъ, что за тѣ же деньги ему „служать старики съ усердіемъ и умомъ“: „а эта“, сказалъ онъ однажды Меньшикову, передатчику недовольства, „худо служила“... на что его сотрудникъ и другъ, такой же

цаникъ, какъ Петръ, замѣтилъ: „какова работа, такова и плата“. Людямъ подобнаго пошиба, дѣлящимся между собой предметами любви, вмѣстѣ пившимъ и казнившимъ, естественно было выпочемъ и неряшливое глумленіе надъ всѣмъ, что въ обществѣ цѣнялось и почиталось, какъ исконно-бытовые или морально-религіозные устои, но что мѣшало Петру въ проведеніи въ жизнь задуманнаго. Извѣстное публичное обрѣзываніе долгопологаго платя и бороды у бояръ, тѣмъ болѣе всепьянѣйшій соборъ со всепутьѣйшимъ патріархомъ и съ подобнымъ же остальнымъ причтомъ, съ уставомъ служенія Бахусу, столь же кощунственнымъ, сколь и нецезурнымъ, съ водочной склянкѣй въ видѣ Евангелія, достаточно ярко свидѣтельствуя, что Петръ, захваченный борьбой, постоянно раздраженный то разговорами и кознями, то пытками и казнями, то винными парами, былъ способенъ доходить до такого притупленія элементарной совѣстливости, что его юморъ переходилъ въ прямое озорство. Царь чувствовалъ себя ввѣ законовъ не только человѣческихъ, исполнять которые онъ энергично училъ своихъ подданныхъ, но и божескихъ, и временами, въ оргіозномъ или мстительно-одіозномъ состояніи, полагалъ, что для него нѣтъ ничего недозволеннаго... Это, сдѣлавшееся частымъ, настроеніе Петра, вытекающая изъ отмиѣченныхъ ближайшихъ историческихъ и психическихъ условий, было тѣмъ опаснѣе, что въ сущности было лишь крайнимъ и рельефнымъ выраженіемъ привычнаго въ Московской Руси отношенія главы государства къ своимъ подданнымъ, холопамъ великаго Государя. Не сущность, а обостренная рѣзкость этого отношенія въ обыденномъ и правительственномъ поведеніи Петра, обуславливалась обстоятельствами его личной жизни и переживавшагося имъ историческаго момента.

Къ констатированному настроенію Петра такъ или иначе примыкаетъ вся темная сторона его дѣятельности, та сторона, за которую его въ народѣ называли „хульникомъ и богопротивникомъ“, Антихристомъ. Указанные выше факты его поведенія, а также и многіе другіе, въ особенности мстительность, которую Петръ проявилъ при расправѣ со стрѣльцами, не побрезговавъ и на себя взять обязанность палача и кощунственно обогривъ кровью казнимыхъ останки стараго заводчика стрѣлцкой смуты Ивана Мих. Милославскаго, сѣмья коего Петръ такъ радикально уничтожалъ; мстительность, которую онъ проявилъ въ дѣлѣ первой и второй супруги, а главное своего несчастнаго сына, — воочию показываетъ, какъ далеко пошла порча личности Петра Великаго, начатая въ дѣтствѣ, продолжавшаяся въ юности и отложившаяся, въ концѣ концовъ, на психикѣ Петра такую толстую кору жестокости, несдержанности и всякихъ пороковъ, что лишь самыя близкіе къ нему люди не усумнились въ его способности къ хорошимъ, гуманнымъ порывамъ, а остальные, стоявшіе дальше отъ Петра, при-

числили его къ отталкивающему типу деспотовъ и мучителей — на подобіе Ивана Грознаго.

Но въ личности Петра была и другая сторона, заставлявшая близко узнававшихъ его въ чисто правительственной дѣятельности, преклоняться и благоговѣть предъ нимъ не только какъ предъ государемъ, но и какъ предъ человѣкомъ. Это прежде всего быстро все схватывающій, широкій, къ тому же эмоционально, дѣятельно настроенный, умъ, развивавшій въ Петрѣ кипучую, — казалось, неукротимую энергію, предъ которой приходилось пасовать самымъ энергичнымъ людямъ.

Умъ Петра справедливо считаютъ гениальнымъ, но не достаточно, кажется, опредѣляютъ, въ чемъ собственно заключалась эта гениальность. Поразительная, чрезвычайно рѣдко встрѣчающаяся, способность переходить отъ привычныхъ умственныхъ ассоціацій къ новымъ, — необычнымъ для той же культурной среды, молниеносно входить во вкусъ этихъ новыхъ ассоціацій, дѣлать ихъ своими собственными и самостоятельно создавать изъ нихъ новые ряды и комбинаціи ассоціацій, — вотъ въ чемъ состояла гениальность петровскаго ума. Люди обыкновенно съ трудомъ, не безъ внутренней борьбы расстаются съ привычными умственными ассоціаціями, переходя къ новымъ заставляетъ страдать громадное большинство людей, стоящихъ даже выше средняго уровня, и они долго чувствуютъ себя неловко въ сферѣ новыхъ понятій и представленій. Петръ не испытывалъ такого рода неприятныхъ ощущеній: онъ разставался съ привычными ассоціаціями и ихъ сложными рядами необыкновенно легко, безъ всякихъ усилий надъ собой, а во вновь имъ усвоенныя и присвоенныя умственныя построенія проникался страстной вѣрой, какъ въ безусловно правильныя, разумныя и благодѣтельныя.

Разумѣется, раннее отторженіе отъ привычнаго „чина“ царскаго обихода и приобщеніе Петра къ людямъ „всякаго чина“ и къ иноземцамъ съ иными понятіями, столь же разнообразными, какъ и этнографическій составъ Нѣмецкой Слободы, содѣйствовали той умственной свободѣ, которая рѣзко отличаетъ Петра отъ его предшественниковъ; но этимъ указаніемъ не можетъ быть исчерпано объясненіе: главная его часть должна пасть на долю цѣлкости, стремительной сообразительности и постоянно возбужденной силы петровскаго ума. Только при отмиѣченныхъ свойствахъ ума и гениальной способности не по днямъ, а по часамъ превращаться изъ „москвиты“ — въ европейца не по виѣшности только, а по самому способу мышленія и по умственнымъ эмоціямъ, — изъ Петра и могъ выйти такой Преобразователь Россіи, какимъ онъ вышелъ.

Петръ былъ продуктомъ русской почвы, мѣстныхъ условий, но впечатлѣнія, которыя онъ получалъ отъ этихъ условий, онъ комбинировалъ по своему, сообразно со складомъ, свойствами и настроеніемъ своего ума и съ возникшими въ немъ яркими образами,

шеднами въ конечномъ счетѣ изъ западно-европейской культурной среды. Такъ, наиримѣръ, самое показное дѣло Петра—заведеніе постоянной европейскаго типа арміи и флота—было опредѣленно намѣчено раньше и имѣло уже прецеденты въ ближайшемъ прошломъ, но осуществлено оно было Петромъ вполне оригинально, по-петровски: царь изъ дѣтской ювонеской игры вывелъ это дѣло и, какъ бы продолжая играть, принявъ личное страстно-дѣятельное участіе въ утвержденіи и развитіи этого дѣла, превращаясь то въ бомбардира, то въ барабанщика, то въ капитана, то въ корабельнаго плотника, то въ матроса, шкипера, адмирала. При крайней живости, восприимчивости и возбужденности ума, при способности съ изумительной быстротой и находчивостью усваивать всякое дѣло и чувствовать себя свободно на всякой общественной ступени, Петръ вносилъ ту же ненасытную личную заинтересованность и въ насаждаемую въ Россіи фабрично-заводскую промышленность; онъ стремился прежде всего самъ усвоить всякое техническое производство и тѣмъ показать личный примѣръ. Этою чертою и данная отрасль государственной дѣятельности Петра, несомнѣнно тоже примыкающая къ предшествовавшимъ программамъ и опытамъ, отличается отъ этихъ послѣднихъ, подобно тому, какъ самъ Петръ, марширующий съ солдатами, работающій на верфи, пріобрѣтшій массу техническихъ навыковъ, усвоившій множество ремеселъ, считавшій себя даже хорошимъ дантистомъ, отличается отъ предшествовавшихъ ему русскихъ государей.

Необлѣтная энергія, порождаемая въ значительной степени указаннымъ выше характеромъ ума,—это второе, что заставляло и заставляетъ удивляться Петру, который старался всюду поспѣть, во всемъ, начиная со спуска новаго карабля или съ собственноручнаго испрошенія первой русской газеты, духовнаго регламента, переводовъ съ нѣмецкаго и кончая тацями на ассамблеяхъ,—стремился принять личное участіе, показать, научить, устроить. Никакое положеніе, въ которое Петръ себя ставилъ по своему желанію, не казалось ему страннымъ, для него неподходящимъ, ибо ослѣпительный свѣтъ его разумѣнія сразу освѣщалъ необходимость и цѣлесообразность задачи, какъ бы ни была она скромна, а личная склонность къ работѣ и чарующая въ царѣ простота дѣловаго, постоянно занятого человѣка моментально увлекали его къ исполненію задачи. При этомъ его не оставляло ни мѣсто, ни время, ни его санъ. На одной великосвѣтской свадьбѣ сдѣлалось душно: распорядившійся на ней Петръ не замедлилъ сейчасъ же собственноручно выставить окно, принесенными, по его приказанію, инструментами. Точно также легко и свободно, когда сдѣлалось душно въ московской азиатчинѣ, онъ выставилъ или, по болѣе рѣшительному (хотя и нѣсколько менѣе соответствующему дѣйствительности) выраженію поэта, „прорубилъ окно

въ Европу“. У Петра, при головокружительной быстротѣ, съ какой онъ переходилъ къ новымъ представленіямъ, новому строю мысли, къ вновь намертвующемуся дѣлу, не было ничего завѣтнаго въ томъ, что онъ оставлялъ позади себя. Онъ привыкъ смотрѣть впередъ, но отправлялся онъ несомнѣнно отъ наличныхъ условій, его подталкивавшихъ и наводившихъ его мысль на ближайшія и отдаленнѣйшія перспективы.

Событія, пережитыя Петромъ въ дѣтствѣ и юности во время борьбы съ сестрой, центромъ коихъ явился государственный центръ Москва, могли только создать въ душѣ побѣдителя антипатію къ этому крамольному городу. Дѣйствительно, въ его древнемъ Кремлѣ нельзя было считать себя въ полной безопасности; это въ свое время остро почувствовалъ Иванъ Грозный, когда оставилъ кремлевскія стѣны и засѣлъ въ Александровской Слободѣ за ея стѣнами, примыкавшими къ пречистому лѣсу, а не къ дышащему измѣной и мятежомъ громадному городу. Петръ въ большей мѣрѣ, чѣмъ Грозный, могъ чувствовать себя неловко въ Кремлѣ, въ коемъ онъ избѣгалъ жить. Но послѣ бѣгства къ Троицѣ не могъ онъ быть спокойнымъ и въ Преображенскомъ, обильно политомъ кровью его враговъ. А потому, какъ только его оружіе доставило ему финское побережье со вновь стровившимся тамъ, по его собственной инициативѣ и плану, городкомъ Петербургомъ, то онъ не приминулъ сейчасъ же перенести туда свою резиденцію, безъ сожалѣнія замѣнивъ старый государственный центръ въ точномъ смыслѣ этого слова, городъ, лежащій именно въ срединѣ народнаго организма, новымъ, условнымъ центромъ—сбоку этого организма, почти оторваннымъ отъ него, но примыкающимъ къ морскому простору, куда открывался всякій выходъ. И къ этому условному государственному центру Петръ не усумнился притянуть всю великую раскинувшуюся на десятки тысячъ верстъ на Востокъ, страну... Своимъ гениальнымъ взоромъ окинувъ эту страну изъ края въ край, онъ понялъ, что она не откажется признать новый центръ,—и Петръ вполне проникся новыми ассоціаціями идей, связанными съ переселеніемъ столицы къ Балтикѣ.

Аналогичнымъ психологическимъ процессомъ, надо думать, сопровождалась и замѣна патріарха духовной коллегіей, св. Синодомъ, съ полнымъ юридическимъ подчиненіемъ церковнаго правительства свѣтскому.

Старо-московское ультра-ортодоксальное содержаніе мысли и самый строй мышленія не подходило къ той иноземной атмосферѣ, которую дышала Петръ, — и снѣ, усматривая какимъ тормозомъ для его начинаній явится все московское міровоззрѣніе въ лицѣ властнаго его представителя патріарха,—вспоминавая о тѣхъ затрудненіяхъ, какія доставилъ его отцу патріархъ Никонъ своими павестками домогательствами,—съ особенною любовью сосредоточился на новыхъ для него протестантскихъ представленіяхъ

о взаимныхъ отношеніяхъ государственной и церковной властей, страстно впиталъ въ себя и присвоилъ себѣ эти представленія, которыя не только легли въ основу Духовнаго Регламента и указа о монашествѣ и монастыряхъ, но и послужили идейной базой жгучей ненависти и презрѣнія Петра къ монахамъ, „бородачамъ“, „корню“, по его мнѣнію, „многаго зла“... Этому „злу“, испытанному съ дѣтства и омрачавшему всю жизнь Петра, лишившему его первенца сына, Петръ противопоставлялъ не одинъ застѣнокъ и плаху: противъ „зла“, какъ бы въ оправданіе пролитой въ борьбѣ съ нимъ крови, онъ выдвинулъ тотъ созданный имъ рядъ новыхъ и при томъ возвышенныхъ умственныхъ ассоціацій, господствующей идеей котораго была идея „отечества“. „Враги“ „лакостя“ Петру устраивали „демонскія“, онъ ихъ казнилъ, но не столько ради себя, сколько ради „отечества“, явившагося, такимъ образомъ, въ его сознаниіи шитомъ, которымъ онъ прикрылся отъ человѣческихъ обвиненій и терзавій своей совѣсти. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе сживался онъ съ идеей „отечества“ и проникался безкорытной любовью къ нему, которая все болѣе и болѣе воодушевляла его къ работѣ на государственную и народную пользу, и заставляла притягивать къ этой работѣ всѣхъ подданныхъ безъ различія сословій, религій и народностей. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не притягивалъ такъ къ идеѣ отечества и къ тѣмъ представленіямъ, которыя вытекаютъ изъ этой идеи. Доминирующимъ изъ нихъ было представленіе о томъ, что царь — первый работникъ и слуга государства: думая такъ, Петръ смѣло всталъ близко къ остальнымъ работникамъ и слугамъ, къ войску и народнымъ массамъ, рядомъ съ ними, — а въ этомъ причина, почему, несмотря на то, что многіе петровскіе указы „писаны какъ будто кнутомъ“ (Пушкинъ), страна примирилась съ Петромъ и назвала его „Великимъ“. Ради отечества Петръ не только казнилъ, заводилъ арміи, строилъ корабли, былъ плотникомъ и матросомъ, но и мечталъ о его великомъ будущемъ, — когда оно явится не только сильнымъ и богатымъ, но и высоко-культурнымъ государствомъ, съ процвѣтающими въ немъ науками и искусствами. Рядъ такихъ ассоціацій не менѣе былъ свойствененъ Петру, чѣмъ чисто ремесленные его представленія и вкусы: своимъ живымъ, остро-проницательнымъ умомъ онъ оцѣнилъ значеніе и теоретическаго званія, просвѣщающаго умъ и расширяющаго его горизонты, и значеніе искусства, лишь украшающаго жизнь, безъ какой-либо иной, прикладной, утилитарной цѣли. Довесшаясь до потомства его беседа о движеніи наукъ, его заботы объ учрежденіи Академіи Наукъ, о переводѣ книгъ теоретическаго научнаго и философскаго содержанія, о составленіи русской исторіи и въ частности исторіи его времени, переписка съ Лейбницемъ и разныя сношенія съ выдающимися представителями ученаго

западно-европейскаго міра, покупка анатомическихъ и зоологическихъ коллекцій, учрежденіе кунстъ-камеры или музея „раритетовъ“ для публики, привлекаемой сюда угощеніемъ, и т. п. факты неопровержимо доказываютъ, какъ широкъ былъ размахъ рождавшихся въ умѣ Петра плановъ о работѣ для преусовершенія любимаго имъ отечества. Зоркая мысль и наблюдательность развили въ Петрѣ и присущій ему отъ природы эстетическій вкусъ, и въ бытность свою за границей, работая на верфи, бѣгая по фабрикамъ, посѣщая анатомическіе, зоологическіе и другіе ученые кабинеты, Петръ не прошелъ своимъ вниманіемъ и картинныя галлерей, результатомъ чего было приобретеніе картинъ, преимущественно Фламандскихъ и Брабантскихъ. Искусство должно было сыграть свою цивилизующую роль въ будущей культурной Россіи, которая столь ярко грезилась Петру, что онъ какъ бы лично переносился въ нее; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ своихъ думахъ, о которыхъ мы можемъ догадываться по начатымъ или только намѣченнымъ, чисто культурнымъ его насажденіямъ, Петръ значительно опережалъ свою эпоху. Въ этомъ коренная разниа между нимъ и Иваномъ Грознымъ, убѣжденнымъ въ томъ, что „въ какихъ земляхъ какіе обычаи есть, отмѣнять ихъ не годится“. Петръ, будучи сыномъ своей эпохи, человѣкомъ грубымъ и неряшливымъ, обходившимся болѣею частью безъ ножа и вилки, которому было въ обычаѣ прямо перебросить рукойъ пищу угощаемому на противоположный конецъ стола, или на водахъ такъ лечится, что съ воды, по его словамъ, „брюхо одуло“, или, наконецъ, допуская крайнюю грязь въ отношеніяхъ и перепискѣ со своей супругой Екатериной, однако былъ (тоже) убѣжденъ въ необходимости измѣнять обычаи къ лучшему и радовался тому, что „очередь“ усвоенія наукъ, искусствъ и образа жизни просвѣщенныхъ народовъ дошла до Россіи. Лучшими сторонами своего ума и характера Петръ былъ государственнымъ человѣкомъ будущаго, не величавшимся своимъ высокимъ положеніемъ, а смотрѣвшимъ на него, какъ на удобное поприще для труда на общее благо. „На подписяхъ“, писалъ Петръ одному изъ своихъ сотрудниковъ, „пожалуй, пишите просто, также на письмахъ, безъ великаго“. Трудъ, дѣло были для Петра на первомъ планѣ: всѣхъ онъ звалъ на работу, показывая собой примѣръ и проявляя при этомъ самую широкую вѣротерпимость, — черту, тоже не свойственную его предшественникамъ и большинству общества его времени: „По мнѣ будь крещенъ или обрѣзанъ — едино, лишь будь добрый человѣкъ и знай дѣло“, — писалъ онъ. Его идеи и цѣли были шире его дѣятельности, по необходимости суженой бурными и трудными внутренними и вѣшними условіями и бытіями эпохи. Словомъ, смѣло можно сказать, что Петръ великъ не столько тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, но еще болѣе тѣмъ, чего сдѣлать онъ или не успѣлъ,

или не могъ, по неблагопріятнымъ условіямъ историческаго момента и по условіямъ его личной жизни.

Жизнь, испорченная съ самаго начала, портилась и потомъ. Самъ Петръ своимъ необузданнымъ темпераментомъ поведенія способствовалъ этой порчѣ, начавшей выражаться въ тяжелыхъ болѣзненныхъ припадкахъ — физическихъ и психическихъ. Временами, въ критическія минуты, нервы, находившіеся въ постоянномъ напряженіи и возбужденіи, по видимому, испытывали страшное переутомленіе, и Петръ всадалъ въ отчаяніе, какъ это случилось съ нимъ при Нарвскомъ пораженіи и на Прутѣ: по свойственной ему богатая энергія, какъ слѣдствіе его сильнаго и находчиваго ума, брала верхъ надъ увядкомъ духа, — Петръ выпутывался изъ бѣды, еще усиленнѣе принимаясь за работу и за свои бурныя, освѣщаемыя фейерверками и пушечными выстрѣлами — развлечения... Однако, съ теченіемъ времени, начались длительныя недомоганія, а неудержимый гнѣвъ, посѣщавшій Петра, сталъ сопровождаться не только дрожаніемъ головы, но и ужасными эпилептиформными припадками (одинъ изъ коихъ видѣлъ Юсть Юль въ 1710 г.), ближайшимъ предвѣстникомъ которыхъ было судорожное подергиваніе рта, и которые сопровождалась страшною головою болью; лишь его супруга Екатерина была способна умѣлымъ обращеніемъ съ нимъ предотвращать припадокъ безумнаго гнѣва и тѣмъ спасать окружающихъ иной разъ отъ несчастныхъ его послѣдствій, а самого Петра отъ слѣдовавшаго за припадкомъ тяжелаго недомоганія. Такого рода припадкамъ, свидѣтельствующимъ въ какой серьезной мѣрѣ было подорвано физическое и психическое здоровье Петра, обыкновенно предшествовала меланхолія, возникавшая у него отъ навязчиваго представленія объ опасности, угрожавшей его жизни, — естественный результатъ страховъ, которыхъ онъ потерпѣлся въ дѣтствѣ и юности, и которые повторились и въ зрѣломъ возрастѣ. Оглядываясь назадъ, онъ видѣлъ въ своей жизни одніи бѣды, и въ печальное для него время слѣдствія надъ сыномъ, Петру стало жалко самого себя, столько вытерпѣвшаго: „Едва ли кто изъ государей“, — говорилъ онъ однажды въ такую минуту Толстому, — „сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахиня несносенъ: она была глупа. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ“. Петру было очень тяжело въ такія минуты: весь обрызганный кровью, онъ видѣлъ, что и въ дальнѣйшемъ предстоитъ кровь, ибо, очевидно, нѣтъ конца „бѣдамъ и напастямъ“. „Страдаю“, — жаловался этотъ сильный человѣкъ, — „а все за отечество“... Последнее оставалось единственнымъ утѣшеніемъ и оправданіемъ. Но и это утѣшеніе оказалось не прочнымъ. Подъ конецъ жизни Петру суждено было испытать чувство одиночества въ своемъ служеніи отечеству. Тщетно

призывалъ онъ къ безкорыстной службѣ государству, тщетно разсыпалъ ужасные удары вокругъ себя по казнокрадамъ и всякимъ недобросовѣстнымъ служакамъ, призвавъ на помощь топоръ и висѣлицу и рассчитывая, что если слуги государства не привыкли служить ему за совѣсть, то будутъ служить за страхъ: ничто не дѣйствовало... Нечего и говорить о повседневномъ воспитательномъ орудіи — знаменитой дубинкѣ; о неэффективности этого средства повѣдалъ самъ Петръ, сказавъ: „Кисти точу я долотомъ, а не могу обточить дубиною упрямецъ“. Въ числѣ ихъ былъ и Меньшиковъ, къ которому Петръ долго чувствовалъ слабость, „родъ недуга“, и которому, вопреки своему правилу, долго спускалъ почетное собраніе „трезоровъ“ (сокровищъ, — кн. Курakinъ). Но тотъ не унимался и, наконецъ вывелъ Петра изъ всякаго терпѣнія. Одновременно съ откровеніемъ въ 1724 г. большими злоупотребленіями бывшаго друга Петра и его жены, открылись обманъ и измѣна въ самомъ царскомъ домѣ: провинилась предъ Петромъ его вторая супруга, имъ коронованная (7-го мая 1724 г.). Немудрено, что Петръ окончательно потерялъ вѣру въ людей, даже въ самыхъ близкихъ, пришелъ къ сознанию безнадежности своего одиночества и впалъ въ отчаяніе. Но это былъ уже послѣдній моментъ его жизни. Такой человѣкъ не могъ жить со скрытымъ въ душѣ отчаяніемъ, — и онъ умеръ (28 января 1725 г., въ началѣ 6-го часа полуночи, на 53 году отъ роду). Объ отчаяніи же Петра мы догадываемся по тому, какъ онъ умиралъ. По видимому, въ эти минуты Петръ опять и теперь въ послѣдній разъ потерялся настолько, что не совершилъ самаго важнаго дѣла, какое оставалось государю сдѣлать предъ кончиной — не назначилъ себѣ преемника. Очевидно, кровавая, нетрезвая и отягченная трудами, заботами и гигантскими замыслами жизнь вызвала весьма сильную и выразительную реакцію во время послѣдней болѣзни: ослабѣвъ тѣломъ, царь Петръ палъ и духомъ.

Говорить, когда къ умирающему Петру явился два архимандрита изъ Чудова монастыря и „стали его увѣщать“, то царь, столь не любившій при жизни „бородачей“, въ этотъ мигъ сдѣлалъ „знакъ“, чтобы его приподняли и, возведши очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едано жажду мою утолить; сіе елино улаждаетъ меня“. Вѣрный, хотя и строптивый сынъ православной церкви Петръ смягчился и какъ-бы примирился съ нелюбимыми имъ ультраортодоксальными тенденціями; ибо въ этотъ страшно мучительный для него, предсмертный моментъ, въ единственный разъ въ жизни онъ смотрѣлъ уже не впередъ, а вверхъ, и тамъ видѣлъ престолъ Всевышняго, а не русскій императорскій престолъ, который потому и ускользнулъ изъ сферы воли Петра (такъ высоко имъ поставленной въ приложеніи именно къ этому вопросу) — и былъ оставленъ на произволъ случая.

Л и т е р а т у р а. „Архивъ князя Куракина“, т. I—Исторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ; Устряловъ, „Исторія Петра Великаго“; Погодинъ, „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Петра Великаго“; Забѣлинъ, „Дѣтскіе годы Петра Великаго“ (Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи); Соловьевъ, „Исторія

Россіи“, т. т. XIII—XVIII; Ключевскій, „Курсъ“ ч. IV и „Очерки и Рѣчи“; Ойрсовъ, „Петръ Великій, какъ хозяинъ“; Е. Шмурло, „Петръ Великій въ оцѣнѣхъ современниковъ и потомства“; Валишевскій, „Петръ Великій“; Нагуевскій, „Петръ Великій въ Карлсбадѣ“.
Н. Ойрсовъ.

Рисунки В. Д. Замирайло.

Дмитрія Митрохина.

Въ послѣдній годъ существованія журнала „Миръ Искусства“, давшего начало всему, что есть лучшаго въ искусствѣ украшенія современной русской книги, появилось нѣсколько заглавныхъ листовъ и орнаментальныхъ надписей, отличающихся отъ работъ обычныхъ участниковъ журнала.

Съ большимъ мастерствомъ и вкусомъ, авторъ этихъ украшеній, оставаясь въ области художественно-типографическихъ задачій, далъ рядъ мотивовъ совершенно отвлеченнаго орнамента, въ высокой степени самостоятельную переработку типичнѣйшихъ элементовъ древне-русскаго узора (титульный листъ „Патріаршая Ризница“); новымъ также было въ этихъ работахъ какое-то острое и убѣдительное чувство современности, благодаря чему заглавные листы какъ нельзя лучше отвѣчали своему назначенію: предваряя въ журналѣ страницы, воспроизводящія—въ то время впервые—картины неимпрессионистовъ и Рогана.

Украшенія эти были выполнены Викторомъ Дмитріевичемъ Замирайло.

Появлявшіяся затѣмъ на выставкахъ „Союза Русскихъ Художниковъ“, „Мира Искусства“ и „Московского Товарищества Художниковъ“ работы ознакомили насъ съ иною стороною дарованія художника; исполнены были они, преимущественно, перомъ и жидкою тушью, рѣдко бывали разцвѣчены акварелью.

И особенностью раскраски являлась крайняя сдержанность тона, намѣренная боязнь полихроміи, подчиненіе краски—распределенію массъ въ композиціи, какъ бы признаніе за краскою служебной роли: подчеркивать хитрый узоръ фантастическихъ видѣній, населяющихъ мозгъ художника.

И насколько орнаментальные и графическіе мотивы приближали къ намъ ихъ автора, настолько его рисунки сепіей и тушью, всегда стройно скомпанованные и „крѣпко“ нарисованные, страннымъ образомъ вызываютъ въ насъ чувство, близкое къ тому, съ какемъ мы встрѣчаемъ далекое и „старомодное“.

Чувство это разсѣивается и замѣняется признаніемъ за рисунками глубокой и прочной традиціи, давшей такой своеобразный плодъ,—лишь послѣ знакомства съ безчисленными набросками и „замѣтками“ въ альбомахъ художника.

Большинство ихъ характеризуется орнаментальнымъ, узорнымъ расположеніемъ, остроумною груп-

пировкою странныхъ персонажей, не приуроченныхъ ни къ какой опредѣленной эпохѣ, но живыхъ, подвижныхъ и живописныхъ въ своихъ фантастическихъ отдѣліяхъ; существа эти населяютъ необычайные пейзажи и зданія, изъ-за угловъ которыхъ могутъ всегда появиться еще новыя маски; воздухъ удушливъ, какъ передъ грозюю, небеса курчавятся безпокойными облаками. Дышать здѣсь могутъ только великаны, да неистовые рыцари въ поясахъ чудовищныхъ приключеній.

Здѣсь—царство баллады.

Мы указываемъ на содержаніе этихъ композицій потому, что это приводитъ насъ къ ихъ художественнымъ предѣламъ, къ той группѣ художниковъ, духовное родство съ которыми у В. Д. Замирайло несомнѣнно.

Выборъ сюжетовъ, техника смѣшенія приѣмовъ каллиграфіи съ работою кистью, особое любовное вниманіе къ эффектамъ свѣтотѣни. Взглядъ на иллюстрацію, какъ на „картину“ въ книгѣ—вотъ то, что отдѣляетъ художника отъ его современниковъ-графиковъ, занятыхъ едва-ли не исключительно разрабатываніемъ плоскихъ изображеній на двухмѣрной поверхности книжной страницы, смотрящихъ на иллюстрацію, какъ на декоративное украшеніе типографскаго текста.

Но это же именно и сближаетъ В. Д. съ рядомъ французскихъ иллюстраторовъ 30-хъ—50 хъ годовъ, съ тѣми, кого принято называть „романтическими вильетистами“; укажемъ имена главнѣйшихъ изъ этихъ въ высокой степени привлекательныхъ и граціозныхъ украшателей книги, создавшихъ новую эпоху расцвѣта иллюстраціи и способствовавшихъ усовершенствованію техническихъ приѣмовъ репродукціи путемъ гравюры на деревѣ.

Жанъ Жюгу съ его иллюстраціями къ „Жиль-Влазу“, появившемся въ издательствѣ Полэна и Любоше въ 1834 г., Селестенъ Нантейль и Тони Жоанно (первый—въ иллюстраціяхъ къ романамъ Виктора Гюго и въ безчисленныхъ журнальныхъ виньеткахъ, второй—въ рисункахъ къ „Неистовому Роланду“ Аріосто) и, наконецъ, Гюставъ Доре, создавшій изумительныя по своей неистощимой изобрѣтательности, остроумію и поэтичнѣйшимъ эффектамъ свѣтотѣни рисунки и виньетки къ „Contes drôlatiques“ О. Балзака, въ 1855 г.

Если сейчасъ эти имени звучатъ, можетъ быть,

нѣсколько глухо и отдаленно, то только потому, что наше время поражено одною изъ тягчайшихъ „эстетическихъ ересей“, по которой, говоря словами Руже Маркса (Roger Marx), „только живопись масломъ признается единственно достойнымъ выраженіемъ художественнаго дарованія, всякій же иной способъ проявленія красоты едва-едва заслуживаетъ вниманія и оцѣнки“.

Это относится ко всѣмъ такъ называемымъ „прикладнымъ искусствамъ“ и къ иллюстрированію книгъ.

„Нельзя забывать, что хорошій иллюстраторъ долженъ соединять въ себѣ наиболѣе рѣдкія качества: даръ изобрѣтательности, позволяющій любую мысль превратить въ образъ, способность закрѣпить внутреннее видѣніе прежде, чѣмъ оно испарится; наконецъ, способность къ композиціи и совершенное вла-

дѣніе техникой, приспособленной къ тому или иному средству воспроизведенія на страницахъ книги“.

Художники этого порядка являются въ мірѣ съ глазами, какъ бы обращенными не къ этому міру, а глядящими вглубь самихъ себя; и лишь почерпнутые въ глубинѣ сознанія образы выражаются посредствомъ формъ видимаго міра, преображенныхъ графически.

В. Д. Замирайло исполнило большое количество иллюстрацій, обложекъ и различныхъ книжныхъ украшеній для издательствъ: І. Н. Кнебеля „Печатникъ“, Сытина „Грядущій День“ и пр.

Многое изъ этого по своимъ техническимъ и композиціоннымъ достоинствамъ является истиннымъ праздникомъ, оживляющимъ наши, въ сущности, вѣчные тусклые „издательскіе будни“, и многое войдетъ, какъ цѣнность въ исторію нашего искусства книги и ея украшеній.

Дмитрій Митрохинъ.

Сынъ народа.

(Къ 150-лѣтію со дня смерти М. В. Ломоносова *).

I.

Академически официальное чествованіе, которымъ почтили Ломоносова по поводу 200-лѣтія со дня рожденія въ 1911 г., только подчеркнуло всеобщее отношеніе къ нему, какъ къ уже чуждому для насъ, безвозвратному прошлому, тогда какъ, въ сущности, этотъ большой и своеобразный русскій человѣкъ живъ и по нынѣ, сильнымъ, какъ природа творческимъ духомъ своимъ, и стоитъ большого вниманія и еще ждетъ своего истоклователя.

Теперь онъ—словно дважды умершій. Жизнь кончена, и, вспоминая ея вышнее, хочется углубиться въ пониманіе современнаго образа этого крупнаго человѣка, постичь тайное, то, что толкнуло его на работу.

Годъ рожденія Ломоносова точно не установленъ, и это чрезвычайно характерно. Онъ пришелъ изъ какихъ-то темныхъ глубинъ народной жизни, и въ грубо-манерный вѣкъ дурно воспринятаго европеизма внесъ всѣ характерныя черты своего народа, простого и сильнаго, варварски свѣжаго и непосредственно чистаго.

Въ сущности Ломоносовъ — исходная точка русской культуры. Великій Петръ, котораго онъ такъ боготворилъ, въ „немытую Россію“ воткнулъ культуру, чуждую ей, масляно, деслотически, а Ломоносовъ, вольно или невольно исправляя великій недочетъ торопливаго творчества Петра, далъ ей новое русло и утвердилъ ея жизнѣнность. Онъ постигъ, что жизнѣнность возможна только при условіи постоянного питанія корней отъ почвы, что

она въ гармоніи формы и содержания, что залогъ расцвѣта культуры—въ согласіи съ духомъ народнымъ. „Россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашему языку свойству; а того, что ему весьма не свойственно, изъ другихъ языковъ не вносить“. Это сказано въ „писемѣ о правилахъ Россійскаго стихотворства“, но равно относится къ взгляду Ломоносова на культурныя насажденія вообще. Такъ онъ первый заговорилъ о правѣ русской культуры на самостоятельность. Но онъ сказалъ и большее.

Ходъ мировой жизни все время говорилъ намъ о единствѣ культуры, о ея интернаціонализмѣ, а вышнее-гладкое движеніе машины усыпляло сознаніе, и спокойно думалось о безусловной вѣрности этого заключенія. Мы не подходили къ нему съ критикой, а принимали безспорно, какъ аксіому, и въ это время для насъ Ломоносовъ былъ чуждъ и далекъ. Чужды были его требованія національности для „наукъ“, его представленіе о какихъ-то „наукахъ Россійскихъ“, у которыхъ могутъ быть „непріатели“,—точно науки не общемировая цѣнность, а непріатели ихъ—не враги науки просто, какъ таковой, вообще! Но современность, изъ хаоса и кроваваго тумана, какъ некогда, пожалуй, ярко выдѣлила грани національныхъ характеристикъ. И мы опять заговорили о національности культуры, о ея, говоря по футуристически „самости“, наличности которой только и обуславливаетъ свободу націи и ея духовную независимость отъ иной, сегодня—дружественной, завтра—враждебной, и обезпечиваетъ ея ростъ и развитіе. Пусть науки страны идутъ по дорогѣ, параллельной сосѣдней, но независимо отъ нея.

Именно это хотѣнне нынѣшняго дня, эту жажду

*) Статья появляется вмѣсто апрѣля—въ маѣ—по независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

свободы въ ростѣ угадывалъ и предвидѣлъ Ломоносовъ. Гениальнымъ чутьемъ предугадывалъ онъ, что со временемъ, въ силу закона жизни, долженъ остро встать вопросъ о необходимости этой свободы. И точно предвидя аналогичные разговоры нынѣшняго дня, требовалъ освобожденія культуры и внушалъ идею не только о ея правѣ на самостоятельность, но и объ обязанности быть самостоятельной. Онъ не говоритъ неопредѣленно: „слѣловало бы... хорошо бы“... А ясно и категорически требуетъ: „надлежать... не вносить“... И самъ отдаетъ этому дѣлу великія силы. „Я къ сему себя посвятилъ, чтобы съ непріятелями наукъ Россійскихъ бороться“. А конкретно—непріятелю, это—академикъ, застигающіе отъ него страну, принесшіе готовую, на сторонѣ сработанную, науку, и очень далекіе отъ того, чтобы приобщить къ ней всѣхъ, возрастить цвѣты ея отъ корней, питающихся соками почвы народной, чего прежде всего требовалъ и добивался Ломоносовъ. Характерно, что большую часть своихъ идей и научныхъ познаній онъ излагалъ въ формѣ рѣчей, выступая съ ними публично, въ живомъ словѣ, приобщающемъ всѣхъ къ познанію просто и доступно.

И если сейчасъ мы найдемъ силы закончить задание и утвердимъ духовно и культурно свободную Россію, то мы только закончимъ великое дѣло, начатое Ломоносовымъ, духъ котораго — съ нами, живой и ведущій. Самъ онъ — весь русскій, до мелочей, до своего несчастнаго пристрастія, близкій намъ. И, вѣроятно, теперь, вставъ во главѣ работы, былъ бы популяренъ, какъ никто.

II.

Официальное пониманіе прошло мимо одной стороны душевной жизни Ломоносова и мимо именно того, что было главнымъ двигателемъ его грандіозной, титанической работы.

Уже мальчикомъ Ломоносовъ „припужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть службу и холод“. А юншей, „обучаясь въ Славскихъ школахъ“, зналъ, что такое „несказанная бѣдность, имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья“... И въ дальнѣйшемъ, въ сущности вся личная жизнь дала ему тотъ же „алтынъ“..

Думается, одной жаждой знанія нельзя объяснить эту способность Ломоносова претерпѣвать „службу и холод“. Должны быть какія-то ободряющія чувства и руководящая идея. Не затѣмъ, чтобы только знать, преодолевалъ онъ „со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія..“ Такое объясненіе—только формально и слишкомъ поверхностно. Стремленіе къ познанію для познанія—неотвратимо привело бы къ умственному гурманству, къ кабанетному лакомству. А гурманство было не въ натурѣ Ломоносова, далеко не уютной, а напротивъ, слишкомъ „архагелеской“, ибо, какъ показало дальнѣйшее, онъ всегда выходилъ изъ кабинета на ши-

рокую дорогу всероссійскаго жизнестроительства, и его жизнь протекала не только въ познаваніи, но и въ дѣяніи. И чѣмъ больше узнавалъ онъ, тѣмъ шире становилась его многообразная дѣятельность. И важенъ при этомъ самый характеръ ея — всегда улетитарный.

Если бы исключительно гурманство влекло его, онъ долженъ былъ бы не только воплотить удовлетвориться схоластическими тонкостями, которыя преподавались въ Заиконоспасской школѣ, но и потонуть въ нихъ, какъ это вышло съ десятками его одноклассниковъ, тоже и образованныхъ, и передовыхъ людей по своему времени. Вѣдь, передъ молодымъ Ломоносовымъ была вершина познанія, дающая неисчерпаемый матеріалъ для умственного смакованія! А онъ судорожно торопится,—въ Заиконоспасской школѣ, „прошелъ въ одинъ годъ трехгодичный курсъ“, и не удовлетворился этимъ, а бросился изучать математику и физику, радостно поѣхалъ въ Марбургъ къ Христиану Вольфу, въ Фрейбергъ, упелъ къ механику и металлургію.

Его толкала жажда знанія—это понятно, но зачѣмъ ему оно, это знаніе? И что рождало жажду? Она должна сама происходить откуда то и быть послѣдствіемъ чего то... Но чего? Должно быть что то большее ея, высшее, производящее... И оно было, сначала, быть можетъ, смутное и несознаваемое Ломоносовымъ, но такъ остро осознанное впоследствии.

III.

Въ то время на науку смотрѣли косо, на образованіе—какъ на тяжелую повинность. „Лучше мнѣ теперь умереть, нежели на это смотрѣть, какъ моихъ дѣтей лишаютъ, въ семинаріи на муку обрабуютъ...“ И это было обычно, нормально здорово. А Ломоносовъ, идущій на муку самъ, въѣвъ рамокъ общности,—значить, онъ не нормаленъ, боленъ. Онъ и былъ боленъ, и это—святая болѣзнь ломоносовскаго духа, которой впоследствии болѣли всѣ русскіе лучшіе люди,—болѣзнь совѣсти. До боли стыдно жить для себя, для высокой поэзіи, для чистой науки, когда вся страна нуждается въ трудѣ, въ обновленіи. Нуждается и не сознаетъ этого. А что нуждается, такъ это Ломоносовъ на себѣ почувствовалъ, черезъ себя постигъ вселенскую нужду, потребность страны, отъ которой самъ онъ—кость отъ кости.

Съ первыхъ же шаговъ сознательной жизни, передъ зоркими глазами его открылась картина ужаснаго русскаго неустройства, а дальше, современнымъ, выступаютъ подробности, и чѣмъ яснѣе, тѣмъ острѣе безпокоющее, живое чувство. Нужно великое подвижническое дѣланіе—откуда и великая жажда познанія и многообразіе того и другого.

Не только науки нужно было утвердить ему, но всю жизнь русскую устроить, а науки служить должны „россійской пользы и славы ради“.

Почти одинокій, затираемый, обезсиливаемый по-

сторонними мелочами, онъ борется съ окружающею темной, какъ съ семиглавой гидрой. Придворный пѣтухъ, версификаторъ, физикъ, химикъ, историкъ, онъ работаетъ съ непостижимой судорожной энергіей святаго фанатика, хлопочетъ объ устройствѣ гимназій, о мозаикѣ, о фарфоромъ заводѣ, о горномъ дѣлѣ. Наконецъ, уже незадолго до смерти, когда съ высоты лѣтъ и жизненнаго опыта передъ нимъ открывались вся широта и тьма русскаго горизонта, у него создается планъ какой то титанической работы, охватывающей чуть ли не всю сторону русской жизни, до мелочей: о лучшей государственной экономіи, о лучшихъ пользахъ купечества, объ исправленіи земледѣлія, о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира и т. д. (Письмо къ Шувалову 1-го ноября 1761 года). Планъ, отъ котораго вѣдетъ почти безуміемъ и который могъ быть показанъ только великой болью.

Видимо, все то темное, что вызывало эти желанія, наваливалось на него, какъ лавина. А рядомъ — мелкія интриги, узкоболіе педантовъ, непониманіе и дикое положеніе, при которомъ свои идеи приходилось защищать и словомъ, и кулакомъ! И это при ясномъ сознаніи всенародности, правды и жизненности своего дѣла! „За то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобы выучились россияне... Я не тужу о смерти—пожилъ, потерялъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ“... Это онъ писалъ только для себя, одинокій, уже на закатѣ дней и былъ правъ глубоко.

IV.

И не спокойной работой ученаго, а экстазомъ подвига вѣдетъ отъ дѣятельности Ломоносова. Въ сущности это и было подвижничество, которое онъ несъ покорно, чувствуя себя обязаннымъ вести и отвѣтственнымъ за пошу свою. Въ своемъ сознаніи онъ самъ не отдѣлимъ былъ отъ нея. Недаромъ, когда Шуваловъ погрозилъ ему отставить его отъ Академіи, онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, развѣ Академію отъ меня отставятъ“. Такъ могъ сказать только человѣкъ, который чувствовалъ себя обязаннымъ работать, независимо отъ окружающихъ обстоятельствъ. Внутренне обязаннымъ, по голосу совѣсти, самому сильному и властному въ насъ. А про свой трудъ онъ говорилъ, какъ монахъ: „Я посвятилъ себя“... А посвятить себя, значить, отказаться отъ себя, и это—подвигъ, ибо подвигъ прежде всего въ сознательномъ, длительномъ во времени и въ послѣдовательномъ устраненіи своей личности во имя чего-то.

И онъ совсѣмъ забылъ себя, ему нельзя было и подумать о себѣ, разъ было возложено на него громадное отвѣтственное дѣло. „Я бы охотно жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла“—писалъ Тенлову этотъ уже устающій первый русскій идеалистъ. И въ другомъ мѣстѣ:

„Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовлетворить...“ А „оное великое дѣло“ это—россійская польза и слава, вся страна, вся Россія, со всѣхъ сторонъ еще темная. И за нѣсколько дней до смерти онъ говорилъ все о томъ же: „Равнодушно смотрю на смерть, жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить того, что я предпринялъ для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи“.

V.

Его смерть—смерть простого и мудраго въ своей простотѣ русскаго героя подвижника, покорно опустившаго голову передъ великой силой рока. Трагическій рокъ Ломоносова — безмолвіе страны. Онъ жаждалъ „скоро“ увидѣть результаты своей работы и не учелъ ни ея пассивнаго сопротивленія, ни силы ничтожныхъ—комаровъ, терзающихъ льва — оторвавшихся отъ него Академію.

Нужно представить себѣ все то время, всѣ обстоятельства, всю обстановку того июнскаго вечера, когда Екатерина Великая съ Дашковой пріѣхали къ нему и застали его, одинокаго, духовно умвращающаго, передъ угасающимъ камелькомъ, передъ химическими аппаратами—теперь ненужными символами его схи-мы,—нужно вчувствоваться во все это, чтобы понять глубокую, смертную скорбь Ломоносова, сказавшаго посѣтительницамъ: „Не я грустенъ, больна и грустна душа моя“. Жить безъ работы ему нельзя, ибо работа—приказъ совѣсти, а безъ нея — душа болитъ, совѣсть убиваетъ.

И, точно предвидя ту тяжелую дорогу, какую предстоитъ пройти наукѣ и мысли по непривѣтливой русской почвѣ, и по роковому недоразумѣнію, принимая медлительность за безнадежность, онъ сказалъ: „Вѣрить должно, что вѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы наука возросла и распространилась въ Россіи“. Но думается, что эти слова скорѣе отражаютъ его настроеніе—утомленнаго, почти надорвавшагося человѣка, чѣмъ его измѣнившіеся взгляды.

Ломоносовъ вѣрилъ въ Россію. Самъ весь русскій, пришедшій изъ нѣдръ страны, онъ доказалъ основательность этой вѣры и своей жизнью, и своимъ образомъ. И, вспоминая о немъ, можно вѣрить. Страна растетъ, идетъ широкими шагами, приноситъ плоды, возвращенные на почву своей. И уже толпами выходятъ теперь „архангельскій мужикъ“ на широкую дорогу жизни и на трудъ живнестроительства, согласно съ требованіемъ духа своего.

А вѣдь со дня смерти Ломоносова, перваго глашатая національной русской культуры, прошло только полтора столѣтія—малая капля въ томъ громадномъ потокѣ, силой котораго движется колесо культуры міровой.

Антонъ Амнуэль.

Наши лечебныя мѣстности.

Г. Гейнрихсъ.

Въ статьѣ „Курортный вопросъ“, помѣщенной въ мартовскомъ номерѣ „Н. Журнала для Всѣхъ“, я указалъ на необходимость улучшить организацию курортнаго дѣла въ Россіи, дабы пріучить публику пользоваться отечественными лечебными мѣстностями. Въ нынѣшнемъ году посѣщеніе заграничныхъ курортовъ, благодаря войнѣ, стало невозможнымъ, и нашимъ „большимъ“ волей-неволей придется устраиваться на отдыхъ и для леченія своихъ недуговъ у себя дома. Въмѣсто Карлсбадотъ, Эмсовъ, Виши и т. д. придется выбираться на Кавказъ, въ Крымъ, или въ Къргизскія степи—для леченія кумысомъ. Теперь, по веснѣ, во многихъ семьяхъ уже рѣшается важный вопросъ: куда ѣхать, какія воды пить, разъ путь за границу заказанъ... Въ нижеслѣдующей замѣткѣ я предлагаю читателямъ краткій перечень наиболѣе извѣстныхъ лечебныхъ мѣстностей Россіи, съ указаніемъ состава водъ и главнѣйшихъ болѣзней, для леченія которыхъ эти воды обыкновенно предписываются врачами. Считаю, однако, нужнымъ добавить, что выборъ того или другого курорта и метода самого леченія не должны быть сдѣланы безъ совѣта врача.—Указаніе на климатическія станціи, морскія купанья и дачныя мѣстности считаю излишнимъ, какъ такъ выборъ ихъ зависитъ болѣе отъ вкуса и привычекъ „большыхъ“, чѣмъ отъ характера ихъ недуговъ.

Болѣе важнымъ представляется вопросъ о минеральныхъ водахъ и грязевыхъ купаньяхъ, во-первыхъ потому, что именно „воды“ привлекаютъ громадную массу больныхъ на заграничные курорты, и во-вторыхъ, въ виду малой освѣдомленности русской публики о лечебныхъ свойствахъ отечественныхъ минеральныхъ источниковъ, которые—какъ было указано въ предыдущей статьѣ—во многихъ отношеніяхъ значительно превосходятъ свойства заграничныхъ источниковъ.

Въ перечнѣ воды сгруппированы по ихъ химическому составу.

I. Индифферентныя воды.

Наиболѣе знаменитые заграничные курорты: Wildbad (Герм.), Gastein (Австр.), Тöplitz (Венгрія), Ragas (Швейцарія) и др. Соответствующій русскій курортъ: Абасъ-Туманъ (Кавказъ). Темпер. источникъ 40—48° С. Эти купанья рекомендуются для возстановленія силъ послѣ острыхъ заболѣваній, при старческой слабости, параличѣ, хлорозѣ. Климатич. леченіе для чахоточныхъ.

II. Щелочно-углекислыя воды.

Vichy (Франц.), Nauheim (Герм.), Obersalzbrunnep (Герм.) и др. Изъ русскихъ источниковъ ближе всего къ указаннымъ Боржомскіе (Тифлис. губ.), источникъ: Екатерининскій и Евге-

невскій—богатѣйшія углекислыя воды въ Европѣ, почти тождественныя съ Виши. Въ окрестностяхъ Боржома имѣются также горячіе сѣрные и желѣзистые ключи. Щелочно-углекислыя воды примѣняются при леченіи катарровъ дыхательныхъ путей, органическихъ поражений сердца, подагры и пр.

III. Щелочно-соляныя воды.

Marienbad (Герм.), Ems (Герм.). Изъ русскихъ источниковъ можно особенно рекомендовать Ессентукскіе (Терск. обл.). Щелочно-соляныя источники (№ 4, 6, 17, 18, 19, 22, 28) и щелочно-сѣрные (Пономаревскій, № 20, 23, 24, 26), приобрѣли широкую извѣстность среди представителей медицинской науки, благодаря возможности примѣнять комбинированное леченіе. Ессентукскія воды примѣняются при весьма разнообразныхъ болѣзняхъ, но преимущественно при болѣзняхъ сердца, почекъ, селезенки и дыхательныхъ путей.

IV. Щелочно-сѣрнистыя воды (глауберовы).

Karlsbad, Marienbad, Franzensbad (Австр.) и др. соотвѣтствуютъ источникамъ Пятигорскаго района, хотя химическій составъ послѣднихъ нѣсколько отличается отъ состава австрійскихъ источниковъ. Ближе другихъ по составу Ессентукскіе источники № 20, 24, 26. Рекомендуются при болѣзняхъ органовъ питанія, артеріосклерозѣ, болѣзни печени, и др.

V. Известковыя (щелочно-земельныя) воды.

Bagnères de Bigorre (Франц.), Wildungen (Герм.), Marienbad (Австр.). Къ нимъ очень близки желѣзноводскіе источники, содержащіе, какъ и заграничные, кромѣ солей кальция, также углекислыя и сѣрникоислыя соли магнія и желѣза. Эти воды рекомендуются при хроническихъ катаррахъ желудка и вышеле, при болѣзняхъ печени и желчныхъ путей, подагрѣ и пр.

VI. Слабыя воды поваренной соли.

Baden-Baden, Wiesbaden, Heilbrunnen, Kissingen (Герм.)—всѣ могутъ быть замѣнены русскими источниками. Ближе всего къ указаннымъ заграничнымъ источникамъ подходятъ источники въ Вирштанахъ (Вилень. губ.), содержащіе соли натрія и кальция. Тамъ же имѣется хорошо оборудованная кумысолечебница. Большой извѣстностью пользуется также курортъ Друскеники (Гродн. губ.). Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный курортъ, расположенный въ районѣ военныхъ дѣйствій, уже сильно пострадалъ отъ нашествія непріятели и въ этомъ году едва ли будетъ функционировать.—На югѣ источники Славявска (Харьк. губ.) очень близки по составу къ Киссингенскимъ и Висбаденскимъ. Этотъ курортъ не только

богатъ источниками и солеными озерами, по обла- даетъ рядомъ весьма хорошо оборудованныхъ лечеб- ныхъ заведеній (грязелечебница, водолечебница, ку- мысолечебница, гимнастическія залы, подвижныя игры для дѣтей и пр.). Наконецъ, на западномъ склонѣ Валдайскихъ горъ находятся знаменитые источники Старой Руссы (Новгор. губ.), обладающіе выдаю- щимися цѣлебными свойствами. Особенной извѣст- ностью пользуется грязелечебница, снабжаемая изъ „Нижлага“ озера грязью, отличающейся большой актив- ностью. — Къ этому же типу курортовъ можно отнести Аренсбургъ (островъ Эзель), Кеммернъ (Курл. губ.) и Черновъ (Эстл. губ.). Всѣ указанные курорты ре- комендуются при болѣзняхъ дыхательныхъ путей, катаррахъ желудка, болѣзняхъ сердца, ожирѣніи и пр.

VII. Крѣпкія воды повареной соли.

Biarritz (Франц.), Ischl (Австр.), Nauheim-Bad, Sooden-Wehra (Герм.). Имъ соответствуютъ лечеб- ныя мѣстности съ лиманными купащами и гря- зелечебными заведеніями, изъ коихъ болѣе извѣстны: Одесскія грязи (Хаджибейскій и Куяльницкій лиман- ны), Сакскія и Мойнаковія (близъ Евпаторіи), Чок- ракскія — близъ Керчи, Вердянскія, Кавказскія гря- зи (долина рѣки Супса, Тифл. губ.) и нѣкоторыя другія, мало разработанныя, или въ настоящее время, вслѣдствіе войны, недоступныя, напр. въ Цѣхониновкѣ, (Варш. губ.). Большинство указанныхъ грязей радио- активны и обладаютъ выдающимися цѣлебными свой- ствами.

Лечение грязями, содержащими до 30% поваре- ной соли, примѣняется по преимуществу при забо- лѣваніяхъ спинного мозга, воспаленіи лимфатиче- скихъ железъ, ревматизмѣ и золотушныхъ изъязвле- ніяхъ кожи. Благодаря климатическимъ особеннос- тямъ указанныхъ курортовъ, — близости моря, степ- ей (кумысь и кефиръ), виноградникамъ (Крымъ и Кавказъ) — примѣняется комбинированное лечение весьма разнообразныхъ болѣзней.

VIII. Теплыя сѣрнистыя воды.

Baden (Австрія), Barèges (Франц.), Aix-les- Bains (Франц.). Соответствующіе русскіе курорты: Пятигорскъ и Горячеводскъ (Терск. обл.). Пятигорскіе

сѣрнистыя источники, обладающіе температурой отъ 27 до 51°C, очень активны и примѣняются какъ для питья, такъ и для купанья. Въ 7 верстахъ отъ Пятигорска находятся источники горькой воды, а въ 10 верстахъ — Тамбуканское озеро, доставляющее грязь для грязелечебницы. Горячеводскіе источники имѣютъ еще болѣе высокую температуру, доходящую до 80°C. Сѣрнистая вода примѣняется по преимуществу для леченія сифилиса, кожныхъ болѣзней, параличей токсического происхожденія, нервныхъ болѣзней и пр.

IX. Холодныя сѣрнистыя воды.

Aïveneu (Швейцар.), Langenbrücken (Герм.) и др. Кромѣ уже упомянутыхъ источниковъ Кавказской группы, сюда относятся знаменитые Сергіевскіе источ- ники (Самарск. губ.), въ которыхъ вода, обладаю- щая температурой около 9°C, употребляется для питья и для холодныхъ ваннъ. Озеро возлѣ Сергіева даетъ сильно дѣйствующую сѣрнистую грязь. Примѣненіе этихъ водъ и грязей аналогично указанно- му въ пунктѣ VIII.

X. Желѣзно-щелочныя воды.

Franzensbad, Elster (Австрія), Kudowa (Герм.) и др. соответствуютъ источникамъ Желѣзноводска (Терск. обл.). Вообще всѣмъ безъ исключенія источ- никамъ западно-европейскихъ курортовъ соответ- ствуютъ тѣ или другіе русскіе источники, притомъ большинство изъ нихъ находятся въ районѣ Пяти- горска. Грязи русскіихъ грязелечебницъ почти всѣ обладаютъ радиоактивностью въ той или иной сте- пени, что, по мнѣнію врачей, составляетъ одну изъ главныхъ причинъ ихъ цѣлебныхъ свойствъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о курортахъ можно почерпнуть изъ „Путеводителей“ по Крыму, Кав- казу, Волгѣ и пр. и изъ отдѣльныхъ изданій.

Сюда относятся: журналъ „Спутникъ здо- ровья“ съ приложеніями, посвященными отдѣльнымъ медицинскимъ вопросамъ.

„Кавказскіе Курорты“. Изданіе Управле- нія Кавказскихъ минер. водъ.

„Одесскія Городскія Лимано- лечеб- ныя заведенія“. Изданіе Городской Исполни- тельной Комиссіи, — и другія.

Г. Гейнрихсъ.

Научная смѣсь.

Ядовитость денатурированного спирта. Вопросъ о ядовитости денатурированного спирта приобрѣлъ за послѣднее время злободневный ха- рактеръ, т. к. съ прекращеніемъ продажи водки, денатуратъ сталъ для алкоголиковъ единствен- нымъ средствомъ къ охмелѣнію. Несмотря на от- вратительный запахъ и вкусъ, денатуратъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, какъ суррогатъ водки, частью въ чистомъ видѣ, частью въ видѣ „ханши“, „кваска“

и прочихъ напитковъ, приготовленныхъ изъ де- натурата.

По составу своему, денатурированный спиртъ — тѣло весьма сложное. Онъ содержитъ цѣлый рядъ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, нося- щихъ общее названіе спиртовъ. Главнѣйшія со- ставныя части: метиловый (древесный) спиртъ — C_2H_5OH , этиловый (виноградный) спиртъ — C_2H_5OH , пропиловый спиртъ — C_3H_7OH , бутиловый спиртъ — C_4H_9OH и т. д. Кромѣ того, въ немъ

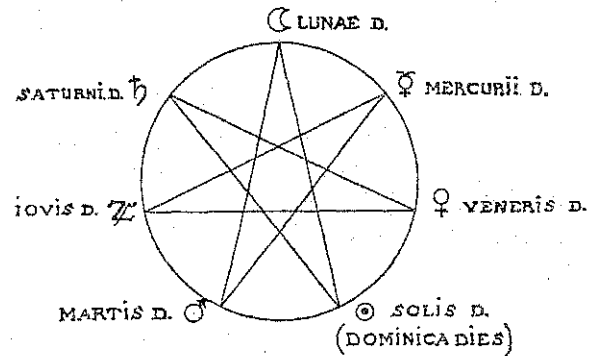
содержатся такъ наз. денатурирующія вещества (пиридиновыя основанія, кероноевое масло и различныя красящія вещества). Уже давно наблюденіями химиковъ и врачей было установлено, что бутылочный спиртъ ядовитѣе пропилового, а этотъ послѣдній ядовитѣе этилового. Отсюда вывели заключеніе, что ядовитость спирта возрастаетъ съ сложностью его частицы, и что, слѣдовательно, метиловый спиртъ, обладающій самой простой частицей (CH_4O), долженъ быть неядовитъ. Одно время даже приготавливали водки, ликеры и коньяки на метиловомъ спиртѣ (въ Америкѣ). Въ настоящее время клиническими наблюденіями доказано, что изъ всѣхъ составныхъ частей денатурированного спирта наиболѣе ядовитымъ является именно метиловый спиртъ, который дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на нервную систему (напр., вызываетъ атрофію зрительнаго нерва и слѣпоту), разстраиваетъ функціи обмѣна веществъ и нерѣдко вызываетъ смерть, даже въ случаѣ очень небольшихъ примесей. Частые случаи отравленія денатуратомъ надо отнести главнымъ образомъ къ дѣйствию метилового спирта. Высшіе спирты, образующіе такъ наз. сивушные масла, сравнительно менѣе ядовиты, и ихъ вредное дѣйствіе сказывается только послѣ повторныхъ примесей въ большихъ дозахъ.

Жидкій углеродъ. Въ концѣ прошлаго года въ нѣкоторыхъ научныхъ журналахъ появилось извѣстіе о важномъ открытіи, сдѣланномъ проф. Луммеромъ въ Вреславлѣ. Работая съ вольтовой дугой при очень сильномъ давленіи, Луммеръ замѣтилъ, что угольные электроды, между которыми горѣла дуга, плавилась, т. е. получился жидкій углеродъ. Возможность такого явленія нигдѣ не оспаривалась, но до сихъ поръ никому не удавалось выполнить на дѣлѣ два необходимыхъ условия—высокую температуру и сильное давленіе въ нѣсколько тысячъ атмосферъ. Какъ все это было осуществлено Луммеромъ, пока неизвѣстно, т. к. дальнѣйшихъ свѣдѣній объ открытіи жидкаго углерода не имѣется.

Съ практической точки зрѣнія полученіе жидкаго углерода представляетъ громадный интересъ, т. к. есть основаніе предполагать, что при обратномъ процессѣ—при отвердѣваніи—жидкій углеродъ долженъ переходить въ кристаллическое состояніе, т. е. превратиться въ алмазы.

Происхожденіе названій дней недѣли. Названія дней недѣли въ русскомъ языкѣ утратили первоначальный смыслъ, который, однако, сохранился въ языкахъ романскихъ и, отчасти, англосаксонскихъ народностей, именно: дни недѣли получили наименованія по планетамъ, согласно астрономическимъ воззрѣніямъ древнихъ (Гиппарха и Птолемея). Какъ извѣстно, по мнѣнію древнихъ астрономовъ, въ центрѣ міра находилась Земля, вокругъ которой вращались: Луна,

Солнце и пять планетъ: Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. О близости планетъ къ Землѣ судили по времени обращенія около Земли. Поэтому планеты (причисляя туда и Луну, и Солнце), по мнѣнію древнихъ, были расположены около Земли въ слѣдующемъ порядкѣ: Луна, Меркурій, Венера, Солнце, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ.—Теперь раздѣлимъ кругъ на 7 равныхъ частей и отмѣтимъ въ точкахъ дѣленія планеты въ вышеуказанномъ порядкѣ (смотри чертѣжъ). Точки дѣленія соединимъ черезъ двѣ.

Тогда получится семь такъ наз. смѣшанно-линейныхъ треугольниковъ, вершины которыхъ носятъ наименованія планетъ. Если прослѣдовать по сторонамъ треугольниковъ, то названія ряда планетъ совпадаютъ съ названіями дней недѣли въ латинскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ новыхъ языкахъ.

	Латин. назв.	
Понедѣльникъ	Lunae dies	День Луны
Вторникъ	Martis dies	День Марса
Среда	Mercurii dies	День Меркурія
Четвергъ	Iovis dies	День Юпитера
Пятница	Veneris dies	День Венеры
Суббота	Saturni dies	День Сатурна
Воскресенье	Solis dies (Dominica)	День Солнца у христіанъ—день Господень).

Франц. назв.	Англійск. назв.	
Lundi	Monday	(день Луны)
Mardi	Tuesday	
Mercredi	Wednesday	
Jeudi	Thursday	
Vendredi	Friday	
Samedi	Saturday	(день Сатурна)
Dimanche	Sunday	(день Солнца)

Въ англійскомъ языкѣ только понедѣльникъ, суббота и воскресенье сохранили названія планетъ.

Г. Г.

НОВЫЯ КНИГИ.

Т. Щепкина-Куперникъ. „Пѣсни Брюссельскихъ кружевницъ“. Петроградъ 1915 г. стр. 6. Цѣна 50 коп.

Передъ нами двѣ пѣсни. Одна изъ нихъ, озаглавленная „прежде“ даетъ картину Бельгіи до войны. Въ эту небольшую пѣсню, всего въ 40 строкъ, вложено большое содержаніе. Немногими словами Щепкина-Куперникъ нарисовала жизнь Бельгіи, гдѣ съ одной стороны „стучатъ и движутся машины“, а съ другой—

„цвѣтущія долины и въ нихъ пасутся мирныя стада“. Но гордость Бельгіи кружево, которымъ „на царство вѣнчаютъ королеву“. И авторъ рисуетъ глубокую вѣру бельгійскихъ женщинъ въ то, что ихъ національная гордость, кружево, потому такъ прекрасно, что въ него онѣ вплетаютъ всѣ свои помыслы и грезы о своей дорогой родинѣ.

Вторая пѣсня „теперь“, сильна той степенью трагизма, который въ нее вложенъ. Бельгія, прежняя счастливая

Бельгія, обратилась въ развалины. И авторъ даетъ сжатую и яркую картину трагической судьбы пострадавшаго народа, который пожертвовалъ всѣмъ за лучшее будущее.

Только вѣра въ высокую жертву, принесенную на алтарь будущаго, даетъ силу для борьбы. Къ пѣснямъ приложено 5 иллюстрацій, исполненныхъ художникомъ Нарбутомъ. Среди нихъ есть рисунокъ того кружева, которымъ вѣнчаютъ на царство королевъ.

Цѣна книжки дорогая: 50 коп. за 6 страницъ. Но прекрасныя иллюстраціи, хорошая бумага, до нѣкоторой степени оправдываютъ дороговизну. А цѣль говоритъ сама за себя: весь доходъ поступить въ пользу пострадавшихъ отъ войны въ Бельгіи. **О. Н.**

О. А. Добляшъ-Рождественская. „Потрѣво жинныя святыни“. О нѣкоторыхъ памятникахъ сѣверно-французской культуры, затронутыхъ событиями войны. Петроградъ, 1915 г. стр. 31. Цѣна 50 к.

Настоящая брошюра представляетъ собою оттискъ изъ журнала Вѣстникъ Знания, въ первомъ номерѣ котораго она впервые появилась.

Какъ самъ авторъ характеризуетъ свой трудъ, это „два-три впечатлѣнія изъ исторіи средневѣковой Франціи, ожившія подъ вліяніемъ недавнихъ событий“. Впечатлѣнія эти касаются главнымъ образомъ Реймского собора, этого чуда искусства, который теперь можетъ быть зачисленъ въ число раненыхъ и быть можетъ даже и смертельно.

Авторъ касается исторіи созданія Реймского собора и даетъ своеобразно красивое описание внутреннихъ и внѣшнихъ частей его.

Брошюра снабжена 14 иллюстраціями. При чемъ, среди различныхъ снимковъ собора находятся снимки и съ другихъ памятниковъ, которыхъ авторъ касается мимоходомъ.

Впечатлѣніе отъ брошюры остается радостное. Становится свѣтло на душѣ отъ сознанія, что не умираютъ памятники искусства—ихъ душа остается живой.

Доходъ отъ продажи оттиска поступить въ пользу раненыхъ воиновъ лазарета, находящагося въ здании Петроград. Высшихъ Женскихъ (Бестужевскихъ) курсовъ. **О. Н.**

Проф. Н. Н. Ойрсовъ. Петръ III и Екатерина II (Первые годы ея царствованія). Опытъ характеристикъ. Съ портретами. Изд. т-ва М. О Вольфъ. Петроградъ—Москва. Ц. 75 к.

Авторъ ставитъ себѣ цѣлью разобратъ вопросъ о Петрѣ III и Екатеринѣ II „безъ какой-либо предвзятости въ ту или другую сторону“, дать ихъ личностямъ освѣщеніе болѣе правильное, по его мнѣнію, чѣмъ то, которое, повидимому, прочно установлено въ исторической литературѣ.

Цѣлымъ рядомъ фактовъ проф. Ойрсовъ подтверждаетъ свою мысль о существующемъ „противорѣчьи между безнадежной репутаціей Петра и его—какъ-никакъ—правительственной дѣятельностью“: онъ сопоставляетъ государственныя мѣропріятія Петра III-го и Екатерины II-й, подчеркивая, что великой императрицей былъ подхвачены многіе изъ законовъ, объявленныхъ въ полугодичное царствованіе ея „нелѣпаго“ супруга.

Анализируя нравственный обликъ обоихъ, Н. Н. Ойрсовъ, съ одной стороны, отдаетъ должное „грубой прямотѣ“, все-же свойственной „легкомысленному и неудачливому императору“ при всѣхъ его порокахъ, а съ другой—характеризуетъ блестящую Екатерину, какъ личность неспособную „къ вдохновенному, запечатлѣнному самозабвеніемъ порыву“, предусмотрительную, „хорошо знавшую, когда нужно выбросить корку полезнаго и пріятнаго плода“.

Написанъ очеркъ живо и популярно, изданъ тщательно. **А. В.**

Тургеневскій сборникъ. Составленъ Тургеневскимъ кружкомъ подъ руководствомъ М. К. Пиксанова. Новооткрытыя страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминанія. Библиографія.—Книгоизд. Огни. Ц. 1 р. 75 к.

Въ предисловіи къ сборнику Н. К. Пиксановъ намѣчаетъ главныя задачи, стоящія передъ историкомъ литературы по отношенію къ Тургеневу. Такихъ задачъ четыре: во-первыхъ, собраніе литературныхъ трудовъ И. С., результатомъ чего можетъ явиться изданіе полнаго собранія его сочиненій: то, что до сихъ поръ „на книжномъ рынкѣ слыветъ подъ этимъ названіемъ, недостойно такого титула“; во-вторыхъ, собраніе писемъ романиста—регистрація уже изданныхъ, разысканіе и опубликованіе неизданныхъ; въ-третьихъ—собраніе біографическихъ матеріаловъ, главнымъ образомъ воспоминаній современниковъ; наконецъ, „последнюю линію тургеневскихъ изученій образуютъ историко-литературныя и біографическія изслѣдованія“.

„Было-бы благородной и благодарной задачей для историка литературы“, говоритъ Н. К. Пиксановъ, „посвятить всю свою дѣятельность всестороннему изученію Тургенева. Но сразу-же очевидно, что силъ одного ученаго, хотя-бы и богато одареннаго, не хватитъ, чтобы исчерпать все обиліе сюжетовъ и вопросовъ тургеневской исторіографіи. Необходима работа коллективная, организованная“. Въ надеждѣ на основаніе тургеневского музея, а вмѣстѣ и общества имени Тургенева, приходится пока прибѣгать къ посильной разработкѣ „тургеневской исторіографіи силами и средствами академической молодежи“.

Предлагаемый сборникъ и является итогомъ такой коллективной работы, осуществленной на Петроградскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ (1912—14 г.г.), въ семинаріи слушательницъ подъ руководствомъ Н. К. Пиксанова. Мы имѣемъ здѣсь, въ скромныхъ рамкахъ, конечно, осуществленіе первыхъ трехъ задачъ, указанныхъ выше. Такъ, новооткрытая статья Тургенева объ Александрѣ III (напечатанная анонимно въ началѣ 80-хъ годовъ въ „Revue Politique et Littéraire“), снабженная комментариемъ г-жи Петрашевничъ, пополняетъ часть пробѣловъ въ „полномъ собраніи“ сочиненій нашего писателя, представляя въ то-же время большой самостоятельный интересъ.—Чрезвычайно цѣнны письма матери Ив. С-ча, помѣщенные здѣсь въ извлеченіяхъ; по словамъ г-жи Малышевой, изучавшей ихъ, письма эти являются „крупнымъ вкладомъ въ пониманіе отношеній Варвары Петровны къ сыновьямъ, вкладомъ, проливающимъ новый свѣтъ на эти отношенія; кромѣ того, они даютъ яркую характеристику самой В. П.; читая ихъ, видишь передъ собой „женщину незаурядную, щедро одаренную, крупную по уму, надѣленную нѣжными материнскими чувствами, полную самоотверженія, хотя въ то-же время гордую, властную“.

Любопытны также „два интимныхъ письма И. С. Тургенева (о Феоктистѣ Петровнѣ Волковой)“, сообщенныя г-жей Богдановой.—Биографическая литература объ И. С. пополнена весьма живо написанными воспоминаніями о немъ Н. А. Островской.

Къ сборнику приложена тщательно составленная г-жей Петрашевничъ библиографія воспоминаній о Тургеневѣ.

Въ предисловіи Н. К. Пиксановъ указываетъ на нѣкоторыя темы, разрабатываемыя кружкомъ, но еще не законченныя и потому не вошедшія въ сборникъ; такова, напр., обширная тема—„Тургеневъ въ западной культурѣ“, распределенная между нѣсколькими членами кружка, а также характеристика философскаго образованія и воззрѣній Тургенева, матеріалы для которой собираетъ г-жа Борисоглѣбская. Разработка этихъ во-

просовъ составлять уже „четвертую линію тургеневскихъ изученій“.

Надо надѣяться, что такъ удачно начатая работа кружка будетъ расти и въ глубь, и въ ширь, захватывая новыя задачи и привлекая къ себѣ новыхъ участниковъ.

А. В.

Э. Миккельсенъ. По слѣдамъ жертвъ ледяной пустыни. Переводъ А. и П. Ганзенъ. Изданіе А. Ф. Девялена 1914 г. Стр. 414 съ 112 рисунками и 2 картами Цѣна 4 р. 50 коп.

Года три тому назадъ во многихъ газетахъ промелькнуло извѣстіе о томъ, что на восточномъ берегу Гренландіи норвежское судно подобрало двухъ датскихъ путешественниковъ, которыхъ давно считали погибшими; сообщалось также, что они совершенно одичали и производили впечатлѣніе людей ненормальныхъ.

Книга представляетъ собою обработанныя записки одного изъ этихъ путешественниковъ—начальника экспедиціи Миккельсена; экспедиція эта была послана въ 1909 году на розыски погибшихъ членовъ „Датской экспедиціи“ и ихъ дневниковъ.

Благодаря несчастному стеченію обстоятельствъ Миккельсенъ съ однимъ товарищемъ остались въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ вплоть до 1912 года.

Записки написаны прекраснымъ языкомъ и на столько живо, что всецѣло захватываютъ читателя. Ихъ можно рекомендовать для самаго широкаго круга читателей всевозможнаго возраста; картина такой напряженной борьбы челоуѣческаго духа противъ смертельныхъ ударовъ судьбы можетъ имѣть воспитательное значеніе не только для ребенка, но и для взрослоуа. Книга издана очень хорошо съ прекрасными фотографіями и художественными рисунками въ краскахъ.

Дн. Соловьевъ.

А. Евдокимовъ. Село и городъ въ Россіи съ кой кооперациіи. Москва. Цѣна 10 к.

Отовсюду слышатся жалобы на вздорожаніе жизни. По объясненію автора, причины этого явленія коренятся въ развитіи городской жизни, которая требуетъ для себя доставки большаго количества сельскихъ продуктовъ. Но прежде, чѣмъ эти продукты дойдутъ до потребителя, они проходятъ черезъ нѣскольکو рядовъ посредниковъ, вслѣдствіе чего цѣна ихъ значительно

возрастаетъ. По создавшимся условіямъ пониженіе затратъ на такое посредничество возможно лишь при участіи въ этой отрасли громадныхъ капиталовъ, по типу постановки этого дѣла въ Америкѣ и др. странахъ, гдѣ дѣйствуютъ хлѣбные, мясные и др. тресты и синдикаты. Но отъ ихъ поработительной власти есть общее стремленіе освободиться, и достигъ этого возможно лишь при организациіи кооперативовъ для этой цѣли, какъ въ селѣ, такъ и въ городѣ. На организациіи этого вида кооперативовъ авторъ не останавливается, но предлагаетъ сдѣлать это другой разъ. Въ данномъ же случаѣ его цѣлью является освѣтить необходимость стремиться именно къ этой формѣ посредничества между производителемъ и потребителемъ, какъ наиболее выгодной для обѣихъ сторонъ. Брошюра написана яснымъ языкомъ, положенія подкрѣпляются и иллюстрируются цифровымъ матеріаломъ, и читатель вводится въ область сложныхъ соотношеній, обусловливающихъ ту тяготу экономическихъ условій нашихъ дней, которая ощущается всѣми.

Систематическій указатель литературы за 1914 годъ. Библиографическій ежегодникъ. Вып. IV подъ редакціей И. В. Владиславлева. Книгоиздательство „Наука“. М. 1914. Стр. 330, ц. 1 р. 80 к.

Указатель журнальныхъ статей по экономическимъ вопросамъ за десятилѣтіе 1904—1913 г. Вып. I. Кіевъ. 1915. Стр. 220, ц. 1 р. 50 к.

Потребность въ библиографической литературѣ никогда не ослабѣваетъ, наоборотъ съ каждымъ годомъ все возрастаетъ. Чѣмъ больше развивается литературная продукція, выбрасывающая все большее количество трудовъ на литературный рынокъ, тѣмъ острѣе ощущается необходимость въ систематическихъ указателяхъ литературы. Еще нужнѣ послѣдніе для произведеній, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ. Благодаря составленію систематическихъ указателей—списковъ журнальной литературы—многія цѣнные статьи не будутъ преданы забвенію, какъ это неодику случается.

„Указатели“, изданные въ Кіевѣ и Москвѣ, несмотря на свою неполноту, неизбѣжную пока при такого рода изданіяхъ, принесутъ большую пользу, такъ какъ сохранятъ читателямъ много времени, обычно непроеизводительно затрачиваемаго при розыскѣ матеріаловъ по разнымъ вопросамъ.

Е. Г.

Списокъ книгъ присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Бождаръ, Вубенъ. Книгоиздат. „Лирень“ Москва, 1914 г. Ц. 50 к.

Афеевъ, Зорь. Книгоиздательств. „Лирень“ Москва, 1914 г. Ц. 50 к.

Викторъ Русановъ, Юные русскіе герои. Очерки и рассказы о воен. подвигахъ русскихъ мальчиковъ. Издан. Т-ва М. О. Вольфъ.

Профес. Г. Ключицъ. Какъ устроено наше тѣло. Анатомія для всѣхъ. Издан. Т-ва М. О. Вольфъ.

Профес. Н. Н. Вирсовъ. Петръ III-й и Екатерина II-я. Первые годы ея царствованія. Опытъ характеристикъ. Издан. Т-ва М. О. Вольфъ. Цѣна 75 коп.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи Издан. Т-ва М. О. Вольфъ. Цѣна 1 руб.

П. Н. Ардашевъ. Хрестоматія по Всеобщей Исторіи. Новая Исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ, часть II-я Эпоха абсолютизма и революціи. Цѣна 1 руб. 25 коп.

А. М. Волковъ. Въ отблескѣ кроваваго пожара. Солдатка. Ея жизнь, горе и радость. Цѣна 25 коп.

„Арионъ“. Книга I-я. Москва—Кіевъ. 1915 года.

„Зеленый Цвѣтокъ“. Цѣна 75 коп.

Борисъ Черный. Первая тетрадь рассказовъ. Москва 1915 года. Складъ изданія Кузнецкій пер. д. 4. кв. 27. Цѣна 25 коп.

Александръ Рославлевъ. Покойникъ Посудевскій и др. рассказы. Книгоиздательство М. В. Попова. Петроградъ 1915 года. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Всѣ вышеупомянутыя новыя книги можно выписывать черезъ книжный складъ при журналѣ „Новый Журналъ для Всѣхъ“.

Редакторъ-Издатель А. К. Яворовская (Боане).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ книга:

СЕМЕНЬ АСТРОВЪ СВѢТЛЫЙ ПУТЬ
лирика.
К-во „А. С. ПУШКИНЪ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на выходящую въ г. Екатеринославѣ 2 раза въ недѣлю
ОБЩЕДОСТУПНУЮ НАРОДНУЮ

„Екатеринославскую Земскую Газету“,
издающуюся Екатеринославскимъ Губернскимъ
Земствомъ.

Газета ставитъ цѣлью разработку земскихъ вопросовъ и освященіе мѣстной жизни и текущихъ событий.

Подписная плата съ 15 мая до конца года 1 р. 25 к., на
1/2 года 1 руб., на 1 мѣсяць 20 коп.

Цѣна объявленій: до текста 20 к., послѣ—10 коп. со строки
петита.

Подписка и объявленія принимаются: Екатеринославѣ, Губернская Земская Управа, редація Земской Газеты.

Открыта подписка на 1915 годъ на общедоступный сельско-хозяйственный журналъ

Вѣстникъ Орловскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

выходящія два раза въ мѣсяць.

Журналъ поставилъ себѣ задачей выясненіе техническихъ и экономическихъ условій мѣстнаго сельскаго хозяйства и распространеніе знаний въ широкихъ кругахъ сельскаго населенія.

Съ этою цѣлью, редація даетъ мѣсто статьямъ по всѣмъ отраслямъ сельско-хозяйственной жизни губерніи: полеводству, луговодству, садоводству, животноводству, пчеловодству, дѣлу кооперативнаго объединенія, кустарнымъ промысламъ и сельско-хозяйственной промышленности.

Кромѣ оригинальныхъ статей, журналъ содержитъ: 1) правительственныя сельско-хозяйственныя сообщенія и извѣстія, 2) обзоры дѣятельности земства и общественныхъ учреждений, 3) корреспонденціи изъ губерніи, 4) мѣстную хронику, 5) обзоръ сельско-хозяйственной литературы, 6) вопросы и отвѣты, 7) обзоры хлѣбнаго рынка и 8) объявленія.

Журналъ выходитъ въ объемѣ отъ 1 1/2 до 2 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: за годъ 1 руб. 50 коп., за полгода 75 коп. №№ для ознакомленія бесплатно.

За отвѣтственнаго редактора Н. Н. Поздняковъ.

Адресъ редакціи: Орель, Борисоглѣбская, д. Сентъ-Венсаъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русский
иллюстрированный ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ еженедѣльникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября 1914 г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русский иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлю—соединить художественность и серьезность съ занимательностью и разнообразіемъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—углубленнаго толкованія текущихъ вопросовъ нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ прогрессивныя начала въ государственной ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ принципиальные споры, поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ не менѣе двухъ большихъ разсказовъ и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Брусянина, Б. Верховстинскаго, Э. Н. Гиппиусъ, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кохановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣль-Нонь-Любомирской, В. В. Шуйжеля, А. М. Ремизова, Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Эрберга и др.

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТІИ

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Леонида Галича, А. С. И. Гоева, В. Я. Ирецкаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ печатаются еженедѣльные обзоры войны Георгіевскаго (Г. П.), а также письма съ войны собств. корреспонд. В. Сергѣева.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ уделено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатается отдѣлъ „Объ искусствахъ и литературѣ“. Вѣсти и мнѣнія, составленный изъ сообщеній, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатаетъ статью Евг. Мауринна о текущихъ театральнахъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича, заставки и наброски художниковъ: Бруни, Кунса, Милашевскаго, Эйсснера и др., а также многочисленныя фотозюды и фотографіи собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій.

Съ декабря обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-му юня—2 р.

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1915 годъ

На журналъ

„Борьба съ огнемъ и страхованіе“

издаваемый подъ редакціей присяжнаго повѣреннаго
Д. Н. Бородинна.

Журналъ ставитъ своею задачею распространеніе свѣдѣній по борьбѣ съ огнемъ, страхованіе и разработку связанныхъ съ ними вопросовъ. Журналъ будетъ выходить въ количествѣ двѣнадцати номеровъ, въ 20-хъ числахъ каждаго мѣсяца.

Г.г. подписчики въ концѣ года получаютъ **бесплатное** приложеніе книгу: „Справочникъ пожарнаго“, въ которой пожарные дѣятели найдутъ необходимыя справочныя и календарныя свѣдѣнія.

Годовая подписная цѣна съ **бесплатнымъ** приложеніемъ 3 рубля.

Подписку на журналъ просимъ адресовать: Петроградъ, Рыбачья ул., 4, Редактору-издателю Д. Н. Бородину.

Отдѣльный номеръ 30 коп. За перемѣну адреса 50 коп.

Открыта подписка на 1915 годъ (6-й годъ изданія) на иллюстрированный, популярно-научный журналъ электротехниковъ-практиковъ (профессионаловъ) и электриковъ-любителей

„Электричество и жизнь“

съ обязательнымъ отдѣломъ „ЭЛЕКТРОТЕХНИКЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“

Подписная цѣна три рубля 50 к. въ годъ, съ доставкой и пересылкой (допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и 1 р. 50 к. къ 1 июня). На 1/2 г. и на другихъ условіяхъ подписка не принимается.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала: г. Николаевъ, Херс. губ. Спасская собств. д., во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ конторахъ.

Девизъ журнала: „Полная общедоступность изложенія“.

Въ теченіи 5 лѣтъ изданія 5 награды на выставкахъ за журналъ и отдѣльныя изданія.

Цѣль журнала: служить пособіемъ профессионалу и любителю, преподавателямъ физики и электротехники и всѣмъ интересующимся успѣхами электричества и его многосторонними приложеніями.

Сотрудники журнала являются извѣстные специалисты въ различныхъ отрасляхъ электротехники.

Программа журнала: 1) Электричество и магнетизмъ. 2) Изъ практики въ практику. 3) Электрикъ-Любитель. 4) Научная хроника. 5) Техническая хроника (въ томъ числѣ успѣхи воздухоплаванія). 6) Электричество и жизнь. 7) Электричество въ школѣ. 8) Обзоръ печати. 9) Смѣсь. 10) Справочный указатель. 11) Почтовый ящикъ. 12) Объявленія.

Бесплатное приложеніе на 1915 годъ: Сборникъ статей по любительской электротехникѣ: „Альманахъ любителя“.

За особую доплату сверхъ трехъ рублей 50 к., въ размѣрѣ 1 руб. 50 к., подписчики получатъ два цѣнныхъ приложенія, необходимыхъ каждому любителю и многимъ проф. ессионаламъ: А. А. Боровковъ, „Индукціонная катушка“ и Л. С. Коробицынъ, „Электрическій звонокъ“.

Доплатныя приложенія высылаются тотчасъ по полученіи платы за нихъ и журналъ (3 р.) или стоимости „Приложеній“ и перваго взноса платы за журналъ (3 р. 50 к.).

Разсрочка допускается лишь до 1-го июня 1915 года.

Требуется бесплатно подробный проспектъ журнала на 1915 г. и каталогъ остальныхъ изданій, ссылаясь на это объявленіе.

Редакторъ-издатель инженеръ В. В. Рюминъ.

Открыта предварительная подписка на выходящій въ 20-хъ числахъ апрѣля сборникъ кассы „Взаимопомощь“ студ. Рижскаго Политехническаго Института.

ВЪ ТЫЛУ.

Литературно-художественный альманахъ.

Содержаніе: Л. Андреевъ. Дѣлай, что дѣлаешь.—К. Арсеневъ. Голосъ старости.—А. Ахматова. Стихи.—Батюшковъ. Трагедія и героизмъ.—В. Бехтеревъ. Отрезвленіе народа и физическое и нравственное оздоровленіе его.—В. Брюсовъ. Стихи.—П. Вальденъ. О творческой силѣ русскихъ химиковъ.—В. Вернадскій. Неиспользованныя силы земныхъ нѣдръ въ Россіи.—З. Гуппиусъ. Веснѣ.—Странный законъ.—Н. Гредескулъ. Наши союзники.—Н. Гумилевъ. Стихи.—С. Гусевъ-Оренбургскій. Муки адовы.—В. Давыдовичъ. Письмо рядового.—Зѣлинскій. Славянское возрожденіе.—Н. Карѣевъ. Пять недѣль въ германскомъ плѣну.—Д. Койгенъ. Трагедія германизма.—П. Коганъ. Мористъ Меттерлингъ.—Кузьминъ-Каравановъ. Задача войны.—И. Кулишеръ. Современные задачи въ области экспорта.—Б. Лазаревскій. На паровозѣ.—Г. Ландау. Сумерки Европы.—В. Львовъ-Рогачевскій. Константины Меньше.—Д. Мережковский. Война и религія.—Еврейскій вопросъ, какъ русскій вопросъ.—Я. Окуневъ. Духъ жизни.—А. Ремизовъ. Солдагъ.—Е. де-Роберти. Преступленія на войнѣ и ихъ наказуемость съ социологической точки зрѣнія.—Ю. Слезкинъ. Литовскій медъ.—Соллогубъ. Стихи.—И. Сѣверяницъ. Стихи.—Тэффи. Стихи.—М. Центнершверъ. Наука и техника.—М. Чубинскій. Поездка въ армію.—Т. Щепкина-Куперникъ. Стихи.

Цѣна сборника по предварительной подпискѣ, 1 р. 50 к. При высылкѣ иногородникамъ слѣдуетъ прилагать на пересылку 40 коп. Чистый доходъ отъ изданія поступитъ въ пользу раненыхъ воиновъ 50% (изъ нихъ 20% въ пользу лазарета при Психоневрологическомъ Институтѣ) и недостаточныхъ студентовъ Р. П. И. 50%.

Подписка принимается въ книгоиздательствѣ и книжномъ магазинѣ б. М. В. Попова, Петроградъ, Невскій 66 и у всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книгопродавцевъ.

Открыта подписка на 1915 годъ. (5-й годъ изданія) на большую, еженедѣльную (по понедѣльникамъ), торгово-промышленную газету

„Сибирскій торгово-промышленный вѣстникъ“

издаваемую въ г. Иркутскѣ.

Газета удѣляетъ особое вниманіе торгово-промышленной жизни въ Сибири. Собственные корреспонденты во всей Россійской Имперіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—3 рубля, на 1/2 года—1 руб. 50 коп., на 1/4 года—75 коп. и на 1 мѣсяць—25 коп.

Цѣна объявленій: за строку петита: среди текста—75 коп., апереди текста—50 к. и позади текста—25 к.; за прилагаемыя въ газетѣ летучки—объявленія: въ Иркутскѣ—6 руб., иногороднимъ—8 руб. за каждую 1.000 экземпляровъ, вѣсомъ не болѣе 1 лота.

Подписка принимается каждаго 1-го и 15-го числа.

Вниманію лицъ, ищущихъ побочнаго заработка: Требуются агенты-сотрудники на определенное жалованье отъ 20 до 50 рублей въ мѣсяць.

За условіями обращаться въ Редакцію газеты „Сибирскій Торгово-Промышленный Вѣстникъ“. Г. Иркутскъ, Почтамтская ул. № 18.

М. МОРАВСКАЯ.

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

СТИХИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Рисунки С. ЧЕХОНИНА.

Цѣна 1 руб. Изданіе О. Н. Поповой.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ при конторѣ „Новаго Журнала для Всѣхъ“ Петроградъ, Эргелевъ, 3.

ОСНО
въ 18

Восемнадцать наградъ
на выставкахъ.

ВАНА
73 г.

Петроградская Мастерская УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ и ИГРЪ

Осн. въ 1873 г. 9. ТРОИЦКАЯ УЛ., 9. Осн. въ 1873 г.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянной Комиссіи народн. чтеній и Московск. Комиссіи публичн. народн. чтеній.

ПРЕДЛАГАЕТЪ:

Рельефныя картинки животныхъ.

Текстъ подъ ред. докт. зоологін О. А. Гримма и проф. Э. К. Брандта. Прекрасно исполненныя картины наклеиваются на соответствующія мѣста въ описаніи, а сжатая, умѣло составленная характеристика каждаго животнаго въ отдѣльности и подробное описаніе особенностей каждаго типа дѣлаютъ изданіе не только хорошимъ руководствомъ при первоначальномъ ознакомленіи дѣтей съ животнымъ міромъ, но и цѣннымъ дополненіемъ къ любому школьному зоологическому атласу.

- Вып. I. МЛЕКОПИТАЮЩІЯ—20 табл. съ 228 отд. карт. Ц. 2 р.
- Вып. II. ПТИЦЫ—24 табл. съ 288 отд. карт. Ц. 2 р. 40 к.
- Вып. III. БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ—30 табл. съ 360 отд. карт. Ц. 3 р.

НЯНИНА АРИѦМЕТИКА

книжка съ раскрашенными картинками для изученія первыхъ ДЕСЯТИ чисель. Для дѣтей отъ 4 лѣтъ.

Текстъ составилъ А. Н. Канаевъ.

Изученіе чисель ведется рѣшеніемъ задачъ по картинкамъ, при чемъ попутно сообщаются свѣдѣнія изъ окружающей природы.

2-е изданіе, Ц. 60 к.

АРИѦМЕТИКА.

2-е изданіе посмертное, Ц. 80 к.

Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѦметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чисель.

Составилъ А. Н. Канаевъ.

Съ 40 рис. въ текстъ, съ вопрос. и задач. для усвоенія пройденнаго. 1-е изд. Учен. Комитет. Мин. Народн. Просвѣщ. допущено, какъ учебное пособіе, для среднихъ и низшихъ учебн. завед. и включена въ каталоги книгъ для библиотекъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

1-е изд. Учебн. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ допущено къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, какъ учебное пособіе.

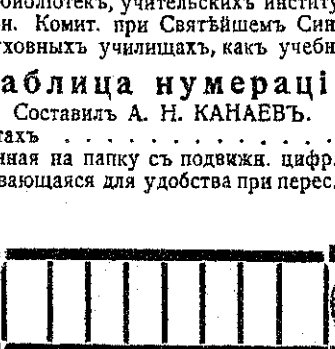
Таблица нумераціи:

Составилъ А. Н. КАНАЕВЪ.

- Въ листахъ — р. 30 к.
- Наклеенная на папку съ подвижн. цифр. 1
- Складывающаяся для удобства при перес. 1 40 .

Модель Импер. Русск. Техн. Школы за САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ установку ягют. волшеби. фонарей и изъ ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТИ МЕДАЛИ на выставкахъ въ Филладельфи „ЗА ИЗОБРЕТАТЕЛЬНУЮ, ОРГАНИЧНОСТЬ и ДЕШЕВIZНУ“ въ Парижѣ, Москвѣ, Петроградѣ и мн. друг.

ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ на выставкѣ при 2-мъ съѣздѣ Акадѣміи по техническому и профес- сійскому образованію въ Москвѣ 1895 года на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году.

1 р. 90 к.
ВЪ ГОДЪ
безъ доставки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1915-й годъ

2 р. 20 к.
ВЪ ГОДЪ
съ пересылкой.

на
Н О В Ы Й

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХЪ

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

(Подписной годъ съ января).¹

(VIII-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ восьмой годъ изданія, журналъ ставитъ своей задачей дать, при доступной для всѣхъ цѣнѣ, возможность самымъ широкимъ кругамъ читателей, имѣть серьезное ежемѣсячное изданіе одного характера съ дорогими, такъ называемыми „толстыми“ журналами.

Слѣдую намѣченной программѣ, „Новый Журналъ для Всѣхъ“ будетъ попрежнему заключать въ себѣ отдѣлы: изищной литературы, популярно-научный, общественно-политическій, критическій, художественный и др., отводя мѣсто только лучшимъ произведеніямъ, независимо отъ имени ихъ авторовъ.

Художественность, серьезность изложенія, прогрессивность мысли—таковы пути къ общенію журнала съ установившимся въ теченіи 7 лѣтъ кругомъ читателей.

Слѣдую разѣ принятому курсу, журналъ будетъ стремиться освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни, чуждый какого либо пристрастія и партійности.

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями и виньетками. Для каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.

Вѣруя, что въ народной массѣ таится непочатый источникъ творческихъ силъ, журналъ будетъ стремиться дать подписчикамъ не только выдающіяся произведенія русской и иностранной литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ своей задачей идти на встрѣчу молодымъ талантамъ, съ особымъ вниманіемъ и радушіемъ предоставляя имъ страницы своего журнала, дабы облегчить первые, особо трудные шаги на литературномъ поприщѣ.

Въ отдѣлахъ художественной критики журналъ намѣренъ уделять большое вниманіе переживаемому въ настоящее время сдвигу въ сферѣ искусства и давать безпристрастное освѣщеніе всѣмъ явленіямъ, какъ русской, такъ и заграничной художественно-артистической жизни.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками въ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки 1 р. 90 к., съ перес.—2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к., на 1 м.—88 к. За границу—3 р. 25 к., отдѣльн. книжки въ магаз. 25 к., пробн. № высылается за двѣ 10 коп. марки. Подписная плата марками не принимается.

Для сельскихъ учителей, учительницъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 к.—при подпискѣ, 80 к.—1 марта и 60 к.—1 июля.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Эртелевъ пер., д. 3. Телеф. 107—88.

Редакторъ-издатель А. Боане-Яворовская.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Контора „НОВАГО ЖУРНАЛА ДЛѢ ВСѢХЪ“ проситъ г.г. подписчиковъ—при заявленіяхъ претензій на неполученіе номера—прилагать свой адресъ съ бандероли.

При перемѣнѣ адреса подписчики уплачиваютъ—40 коп.—иногородніе, и 20 коп.—петроградскіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорно просятъ г.г. сотрудниковъ при доставленіи рукописей въ редакцію четко писать адресъ и имя автора на самой рукописи.

Стихотворенія, не принятыя для напечатанія, въ редакціи не сохраняются.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 коп.

